



# СМЕНА

№ 12 июнь 1975

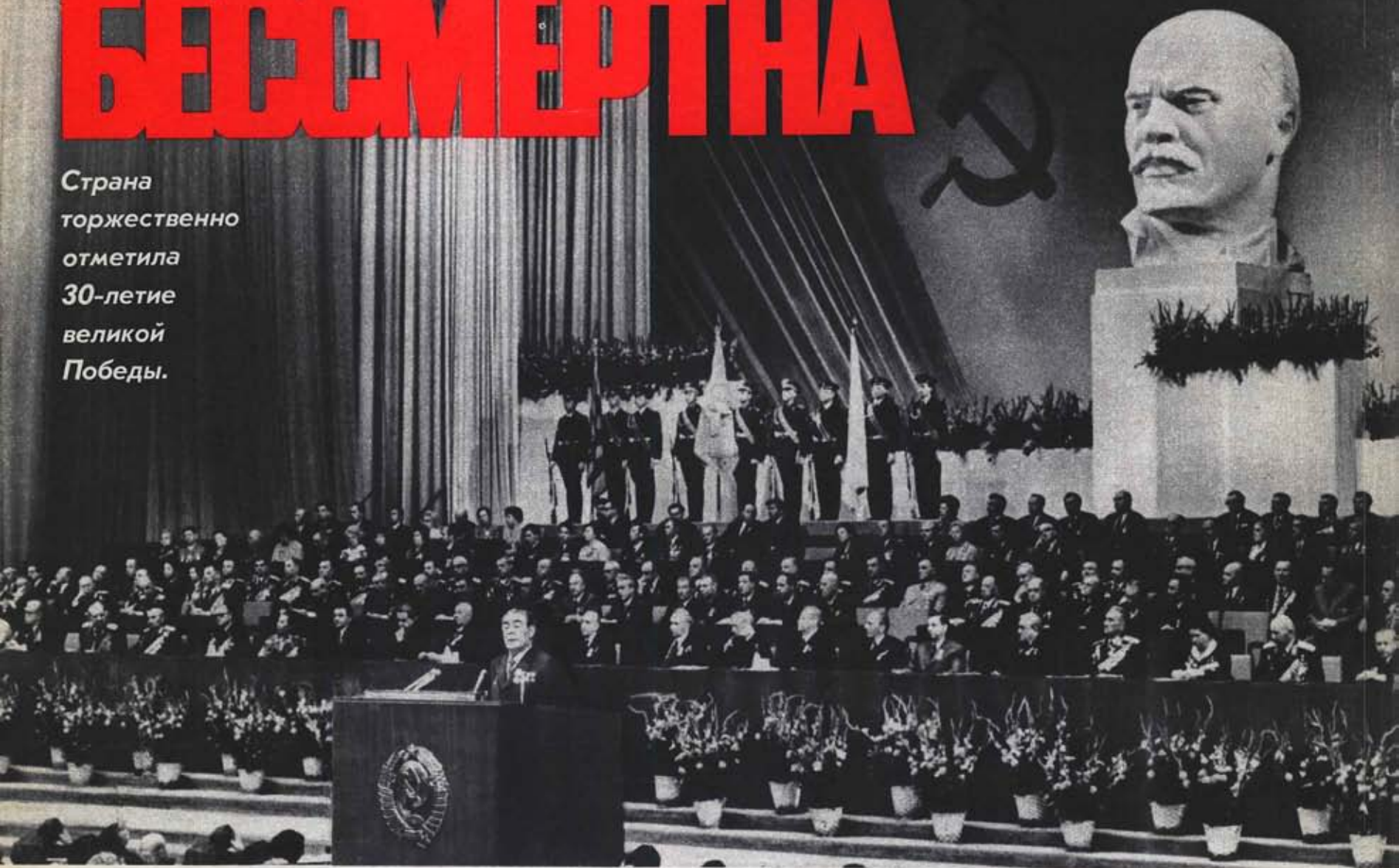
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА



**ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ,  
ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК  
ПАМЯТИ  
И ВДОХНОВЕНИЯ**

# ПАМЯТЬ БЕССМЕРТНА

Страна  
торжественно  
отметила  
30-летие  
великой  
Победы.



**«Дорогие наши юноши и девушки, помните: молодое поколение 40-х годов на своих плечах вынесло основную тяжесть боев Отечественной войны. Ваша жизнь и работа должны быть достойными примера отцов. Партия и народ верят вам и надеются на вас!»**

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС тов. П. И. Брежнева на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы.

**Э**то были дни, когда вся наша страна от мала до велика, все благодарное человечество славили юбилей великого подвига советского народа-победителя. Это были дни, когда с особенной гордостью бывшие фронтовики доставали из заветных мест потертые, вылинявшие кителя и гимнастерки с привинченными орденами и выходили в них на улицы. Когда никого не удивляло, что начальник цеха «Трехгорки» или директор стройтреста расхаживали со старшинскими погонями на плечах и чаще, чем обычно, употребляли в общении слова из традиционного армейского лексикона: «кесть», «так точно», «никак нет». Это были дни, когда все люди земли склоняли головы перед памятью павших в борьбе с фашизмом. Когда седые ветераны 24-го гаубичного или 311-й стрелковой поднимали бокал и говорили «За Петра» или «За Василия». И никому из них не надо было вспоминать, кто такие Василий и Петр... Потому что они остались в 41-м под Ельней или в 43-м под Белгородом, подвигом своим завещав товарищам сражаться, как они, завещав им жить после Победы достойно.

Миллионы и миллионы людей в Европе и Азии, Америке и Африке отмечали 30-летие подвига советских

людей. Потому что подвиг этот был интернационален. Потому что, победив фашизм, воины нашей страны и стран антигитлеровской коалиции избавили от рабства и унижения десятки народов всех континентов. Есть ли мера, способная вместить благодарность живых павшим? Способная измерить трудности и потери, через которые прошли тридцать лет назад советские люди, вынесшие на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом? Нет такой меры. Поэтому, как бесценная реликвия, как символ памяти погибших, дорог нам мир, завоеванный столь огромной ценой, дороги покой наших матерей и свободный труд, ясное небо и зеленые нивы бескрайней земли нашей. Советской земли. Дорога воинская дружба, скрепленная на берегах Эльбы, в совместных боях с врагом в партизанском тылу Югославии и Чехословакии, Польши и Венгрии, Франции и Болгарии.

В те майские дни с особой остротой чувствовалась неразрывность времен, идейная, духовная связь поколений, нынешнего и прошедшего войны. Сыновья и дочери тех, кто победил в 45-м, рапортовали Родине о новых трудовых победах, свершенных ими в ознаменование юбилея, в память отцовского подвига. Тысячи комсомольских бригад, включивших в списки своих коллек-



МОСКВА, 8 МАЯ 1975 ГОДА.  
ДВОРЕЦЪ СЪЕЗДОВ.

МОСКВА, 9 МАЯ 1975 ГОДА.  
У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА.

филовцев во главе с политруком Василием Клочковым.

Теперь там в величественном молчании встали фигуры воинов, вырубленные из камня. Они словно олицетворили несокрушимость воли и духа советских солдат, грудью зашлонивших столицу.

Были еще сотни торжеств во всех городах, поселках, селах нашей страны, на которых чествовали героев войны, открывали обелиски и памятники, славившие величие подвига советского народа на фронте и в тылу. Бывшие воины-освободители были желанными и почетными гостями не только на праздничных заседаниях, слетах, митингах у нас в стране, делегации советских ветеранов в те дни радостно встречали в Польше и Чехословакии, ГДР и Венгрии, Румынии и Болгарии, везде, где, освобождая братские народы от гитлеровской чумы, проливали кровь советские солдаты. Вот что рассказала бывший начальник радиостанции командующего 1-й Польской Армией лейтенант запаса Тана Иванова Филиппова, только что вернувшаяся из Польши, куда она ездила с группой ветеранов войны: «Мы сошли с поезда в Бресте и шли через границу пешком. Поляки встретили нас хлебом-солью и буквально засыпали цветами. Так было потом в каждом городе, куда мы приезжали. Всё, как тридцать лет назад, когда мы освобождали польские земли от оккупантов, — слезы радости, объятия, цветы, хлебо-сольство. Люди были те же, чувства тоже, неузнаваема стала лишь сама Польша. Я помнила ее в руинах, выжженные села, разграбленные музеи, лагеря смерти, горе миллионов людей, потерявших кров и близких. И вот на месте пепелищ мы увидели многоэтажные белые города, заводы, дворцы культуры, детские са-

ды. Мы узнали о грандиозных планах на будущее. И не скрою, мы гордились тем, что в сегодняшних успехах польского народа тридцать лет назад заложили основы ратным подвигом мы, солдаты-освободители».

8 мая в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Радио и телевидение транслировали передачу из Дворца съездов по всем каналам нашей страны и на страны социалистического содружества, на следующий день все газеты вышли с подробной информацией об этом историческом форуме победителей. И все-таки еще раз хочется сказать о той необычной торжественности, царившей в зале, где собрались ветераны великого сражения длиной в 1418 дней, Герои Советского Союза, герои военного тыла, полные кавалеры орденов Славы, прославленные военачальники, представители всех союзных республик, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота, почетные гости нашей страны. Хочется еще раз напомнить замечательные слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева о героизме советского народа на фронте и в тылу, о солдатском подвиге тех, кто в суровой схватке вынес невиданные тяготы и лишения и с честью вышел из беспримерного испытания победителем, о тех, кто остался на полях сражений, кровью вписав свое имя в летопись народного подвига. **«Тяжелым был путь к Победе. Многих потеряли мы на этом пути. И сегодня мы прежде всего думаем о тех, кто не вернулся с фронта, кто погиб, защищая землю своих отцов, родину социализма.»**

Время отдаляет от нас военные

годы, позволяет глубже и полнее оценить бессмертный подвиг воинов, принявших смерть во имя жизни, во имя свободы, независимости и чести любимой Родины, во имя социализма. Они были и будут с нами — в наших сердцах и в наших делах».

Историческим наказом старшего поколения поколению молодому, заветом победителей, всех, кто участвовал в разгроме врага тридцать лет назад, прозвучали слова Леонида Ильича Брежнева, обращенные к советской молодежи: «Дорогие наши юноши и девушки, помните: молодое поколение 40-х годов на своих плечах вынесло основную тяжесть боев Отечественной войны. Ваша жизнь и работа должны быть достойными примера отцов. Партия и народ верят вам и надеются на вас!»

В ответ на эти замечательные слова представители многомиллионного отряда советской молодежи в заключение своего торжественного рапорта с трибуны Дворца съездов произнесли: «В знаменательный день тридцатилетия Великой Победы Ленинский комсомол, молодое поколение Страны Советов торжественно присягают на верность делу Ленина, делу коммунизма!»

Клянемся тебе, родная партия, всегда и во всем быть твоим боевым помощником, надежным резервом, ударным отрядом строителей коммунизма! Клянемся!»

9 мая — день, с которого начался отсчет мирных весен. День, который история выбрала днем величайшего всенародного триумфа. И памяти. О тех, кто не вернулся с войны домой, о боевом товариществе, о длинных, трудных солдатских дорогах, о колоссальном напряжении тружеников тыла, о партизанских кострах и еще об очень многом, что входило в многомерное понятие войны. И потому



тивов павших героев, докладывали Центральному Комитету комсомола о перевыполненных рабочих нормах. Молодые рабочие, инженеры, колхозники, студенты делом доказывали свое право на преемственность боевой и трудовой славы старшего поколения.

Вот далеко не полная хроника тех дней.

6 мая. С утра Волоколамское шоссе было забито до отказа. Десятки, сотни автобусов и машин двигались к разъезду Дубосеково. На перекрестках им указывали путь девушки в гимнастерках и пилотках, так, как это было в те годы. Только вдоль шоссе не зияли воронки и не путалось под колесами военное железо и всякий брошенный впопыхах хлам, а мирно зеленели поля и пахло сочной весенней травой. У разъезда седые ветераны и молодежь, пионеры и воины выходили из машин и шли дальше пешком. Шли по священной земле подвига, где осенью 1941 года насмерть стояли 28 героев-пан-

**НАША ОБЛОЖКА:** швея из Баку Сакина АКПЕРОВА, молодой гвардеец пятилетки.

Фото Виктора САККА

РЕПОРТАЖ ЭДУАРДА ДОЛОТА «ДЕНЬ И ЧАС САКИНЫ» — НА СТРАНИЦАХ 4—6.



**7**  
ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ» — НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ: ВАРИАНТ.

**8**  
ИГРА + ФАНТАЗИЯ = ТВОРЧЕСТВО.

**22**  
МИХАИЛ БОТВИННИК. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ.

**25**  
ТУРИЗМ НА ВСЕХ ШИРОТАХ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ЗАВОДСКОЙ РАЙОН: ОТ КАССЫ — ЗА ПРОХОДНУЮ**

**НОВАЯ РУБРИКА «ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ»**

**КИНОПОВЕСТЬ ВАСИЛЯ БЫКОВА «НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА»**

**МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВА. НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК — О КОМПОЗИТОРЕ ВЯЧЕСЛАВЕ ОВЧИННИКОВЕ**

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова

что это был день памяти, я пришел утром в сквер у Большого театра. Так уж сложилось, что бывшие фронтовики определили это место для своих традиционных встреч. Чтобы, собравшись там, идти потом с цветами к могиле Неизвестного солдата и просто погулять по Москве, вспомнить, как они воевали и дружили, вспомнить товарищей, которых сейчас нет среди них.

Пришел в сквер я рано, думал, буду одним из первых, но ошибся: там уже было довольно много народу, не только ветеранов, которых легко отличить по орденским планкам, но и молодежи. И почему-то так случилось, что первым делом на глаза мне попала небольшая, равно испанская табличка с такими вот словами: «372-й гвардейский Петроковский орден Александр Невский, Богдана Хмельницкого самоходно-артиллерийский полк. Москва — Берлин — Прага. Пока мы живы — ищем однополчан. Командир полка Иванов С. М. Москва, 173-63-35». Держал ее в руках седой, коренастый человек в форме железнодорожника. Дело в том, что и эту табличку и его я видел здесь же вчера днем, но не заговорил с ним, потому что человек этот выглядел каким-то настороженным, чувствовалось, что он нервничает, кого-то выискивает среди прохожих.

Познакомились. Андрей Федорович Налетов приехал специально повидать своих, по военной профессии наводчик, по мирной — весовщик станции Беково, что под Пензой. Сначала воевал на «тридцатьчетверке», потом пересел на «СУ-85». Хлебнул фронтового лиха по самое горло, горел, был ранен, выбивался из окружения. В двухдневном бою под Шренбергом самолично уничтожил семь гитлеровских тяжелых танков, за что носит на груди солдатскую Славу. Сразу после штурма Берлина полк был брошен на Прагу. В последних боях войны потерял Налетов многих испытанных товарищей.

Спросил, почему он один.

— Разбросало после войны кого куда. Но все равно встречались, переписывались, в гости друг к другу ездили. С каждым годом все меньше нас становилось, время, знаете ли, заботы, болезни. Правда, мы вот крепко друг друга держимся: Иванов, мой командир экипажа Зусмановский, я, еще несколько товарищей. Они меня и попросили здесь подежурить, вдруг еще кто-нибудь из наших найдется. Да вот что-то не находится...

Ветеранам 120-й танковой бригады повезло больше. Собрались в Москве почти в полном составе да еще с семьями. Веселые, счастливые от встречи друг с другом, гордые тем, что пронесли свое товарищество через три с лишним десятилетия, товарищество, проверенное в боях под Витебском и Оршей, Минском и Вильнюсом, Каунасом и Кенигсбергом. Николай Сергеевич Мамыкин, начальник разведки бригады, ныне

старший инженер института в Одессе, представляет однополчан: Сергей Заверев, капитан запаса, москвич, Алексей Лукьяненко, «старлей» в прошлом, сейчас знаменитый прокатчик в городе Темиртау, Александр Маркелов, тоже «старлей», боевой офицер, в мирное время главный бухгалтер, Николай Соколов, старшина, теперь ответственный работник союзного министерства. Они просят записать их бригаду, так сказать, по имени-отчеству. Пишу: «120-я Отдельная Оршанская Краснознаменная танковая ордена Кутузова бригада».

Здесь были представители всех родов и видов войск: пехота, танкисты, летчики, саперы, артиллеристы, морские пехотинцы, военные моряки, понтонеры. И даже, например, такие, цитирую название полностью: «Отдельный мотоциклетный Варшаво-Берлинский гвардейский краснознаменный орден Суворова и Кутузова полк разведки и преследования». Транспарант с этой надписью держит на плече Владимир Семенович Галкин, а подменяет его время от времени Юрий Петрович Трушин, оба в ворном прошлом мотоциклисты. Рассказали, что их полк придавался частям, идущим на прорыв, и входило в его задачу гнать отступающего врага до последней возможности, не давая ему закрепиться на новых рубежах. Так и гнали они его от Днепротровска до Берлина, теряя в боях товарищей, добывая военную славу, первыми неся освобождение оккупированным гитлеровцами землям. Сейчас Галкин работает шофером на дальних рейсах, Трушин — главным инженером объединения «Агроприбор». Ждали они других своих товарищей. И думаю, дождались, потому что скоро я уже не находил взглядом их транспарант.

К двенадцати дня небольшой сквер был заполнен до предела. Над головами в толпе плыли таблички и щиты с наименованиями соединений, фронтовики обнимались, смеялись, плакали, пели «Катюшу» и «Синий платочек», «Вставай, страна огромная...» и опять «Катюшу», качали друг друга, засыпали цветами. Здесь не было ни одного хоть сколько-нибудь безучастного к всеобщему торжеству человека. Но вот дети, ошеломленные непосредственной, быющей через край радостью и возбуждением взрослых, казались куда серьезнее своих родителей.

На аллее, ведущей к фонтану со стороны Большого театра, я был свидетелем такой вот встречи.

— Ребята, не могу найти своих, 132-я стрелковая дивизия, 1-й Белорусский фронт, — повторял широкоплечий, с густыми бровями мужчина.

— Нет, братец, мы 2-й Украинский, — или: — Летчики мы, товарищ, — говорили ему.

— Ребята, ну тогда просто кто под Ковелем был? — не сдавался он.

— Я был под Ковелем, — громко сказал кто-то.

— Да ну, а под Прагой?





— И под Прагой.

Они обнялись и долго стояли рядом, похлопывая друг друга по плечу, улыбаясь, что и им вдруг выдалось счастье встретиться, ведь как-никак одной дорогой шли на запад, на одном направлении, наверное, даже соседями были.

— А Холм помнишь?

— Помню.

— А Люблин, там тогда горячо было, помнишь?

— Помню, каких там ребят потеряли...

Один из них Алексей Петрович Шкаев, пулеметчик, другой — Иннокентий Михайлович Смокуновский, пехотинец, сержант запаса.

...9 мая, 13 часов дня. Молодость столицы пришла к священным сте-

нам Кремля на торжественную манифестацию, чтобы дать клятву верности идеалам коммунизма, делу своих отцов-победителей, клятву нести через время боевую и трудовую славу старшего поколения. Чести принять участие в манифестации удостоены лучшие молодые передовики производства столичных предприятий, студенты, учащиеся ПТУ, победители социалистического соревнования.

Необходимость во всем соизмерять свою жизнь с жизнью героев, павших на полях сражений с врагом. Беречь и ежедневным высокоэффективным трудом умножать богатства нашей Родины. Гордиться своей принадлежностью к Ленинскому комсомолу, верному помощнику Коммуни-

стической партии, к своей социалистической Родине. Воспитать в себе готовность к подвигу, идти дорогами отцов, не страшась трудностей. Каждое выступление, прозвучавшее на площади, было наполнено смыслом этих слов. В каждом выступлении — говорил молодой рабочий или воин, студентка или колхозник — была решимость отдать все силы и энергию молодости великим трудовым свершениям, клятву помнить имена и дела героев, продолжать их дело. И единым многотысячным голосом ветераны и их молодая смена поют коммунистический гимн борьбы и побед — «Интернационал».

Было 9 мая 1975 года.

Владислав ЯНЕЛИС

**ЭТИ КАДРЫ СНЯТЫ ТОЛЬКО 9 МАЯ, В ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ВМЕСТИЛ В СЕБЯ НЕУТИХШУЮ ГОРЕЧЬ УТРАТЫ, ТОРЖЕСТВО ПОВЕДЫ, РАДОСТЬ ВСТРЕЧ, СЧАСТЬЕ ЖИТЬ И ПРОДОЛЖАТЬ ДЕЛО ОТЦОВ.**

**ФОТО**  
Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,  
Алексея ГОСТЕВА,  
Владимира ЧЕЙШВИЛИ



# ПЯТИЛЕТКЕ- ПОБЕДНЫЙ ФИНИШ!

# ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ, КАЖДОГО МЕСЯЦА ЗАВЕРША- ЮЩЕГО ГОДА — ДОСТУЧНО!



Эдуард ДОЛОТ.  
Фото Виктора САККА.  
Специальные  
корреспонденты  
«Смены».

# ДЕНЬ

СТРАНИЧКА ПЕРВАЯ,  
где перед нами появляется маленькая девочка  
из большого города

**В**дравствуйте, — сказала она, протягивая руку. — Мне передали, что вы разыскиваете Сакину Акперову. Это я...  
Дальше наступила пауза, непредвиденная и, пожалуй, даже неловкая. Автору пришлось гасить невольное изумление, пришлось в считанные доли минуты весьма капитально «перенастраиваться». Заготовленный план первого интервью для данного случая, очевидно, не годился.

Конечно, я знал, что ей всего лишь восемнадцать лет. Знал и терялся в догадках: как это ей в столь раннем возрасте удалось до того поднять свою профессиональную квалификацию, чтобы завершить личное пятилетнее задание за два с половиной года? И потом восемнадцать минус два с половиной — это же меньше шестнадцати. Стало быть, швея Акперова с самого начала своей трудовой деятельности перевыполняет сменную норму по крайней мере вдвое. Возможно ли?

С портрета, опубликованного в республиканской газете, на меня смотрела красивая, взрослая, очень серьезная девушка. Я долго разглядывал это лицо и пришел к выводу, что оно волевое, энергичное.

И вот она сидит передо мной — ну, девочка, маленькая, тоненькая, веселая, озорная... И вместе с тем застенчивая.

— Расскажите о себе...

— Биографию? Это можно. Значит, так: соци-



альное происхождение — из рабочих. Родилась в одна тысяча девятьсот...

Но вдруг импровизированная пародия прервана, насмешливость уступила место смущению.

— Знаете, если без шуток, то ведь нет у меня пока что биографии. Выросла в Баку. Окончила десять классов. Работаю. Вот и все.

**СТРАНИЧКА ВТОРАЯ,**  
посвященная размышлениям о цене времени и  
природе таланта

Много ль нам отпущено? Согласно демографической статистике, в среднем лет семьдесят или около того. Старики говорят: не успеешь оглянуться, как жизнь прошла. Врачи ломают голову: нельзя ли продлить человеческий век — может, с помощью лекарств, процедур, операций?.. Дай, как говорится, бог удачи в этих поисках, но пока что для каждого из нас важнее (да и полезнее!) отнестись к проблеме иначе, «зайти с другого конца».

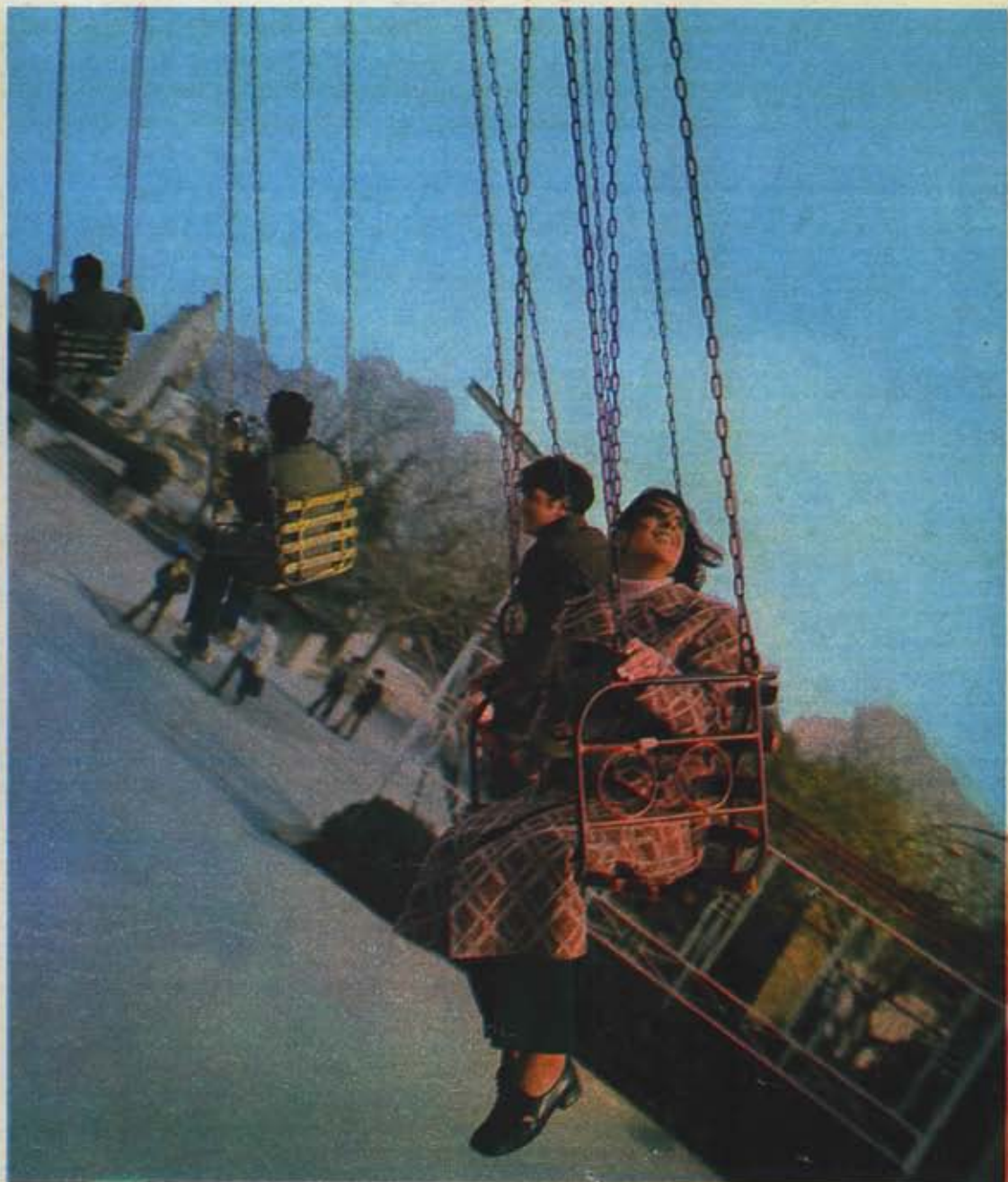
Много ль мы успеваем? Ведь в конце концов не

**УРОК НА ФАБРИКЕ: ЗДЕСЬ ОНА ОБЪЯСНЯЕТ.**

**УРОК В ШКОЛЕ: ЗДЕСЬ ОНА ОТВЕЧАЕТ.**



# ЧАС РАБОТЫ



ПЕРЕМЕНА.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ.

часами и днями, а шагами и верстами измеряется пройденное расстояние.

Хрестоматийные примеры (Моцарт пяти лет сочинял музыку, Грибоедов двенадцати — отдан в университет, Гайдар семнадцати — командовал полком и т. п. и т. п.) будоражат фантазию, однако мало кто осмелится спросить с себя по такому счету. Наш внутренний самоутешитель запросто находит контраргументы: Моцарт был гений, а я не гений, Грибоедова готовили десять губернаторов, а у меня их не было, Гайдар жил в необыкновенное время... И все это правильно, конечно, и убедительно, без сомнения, но неужто только лишь отметками в школьном матрикуле (пусть даже отличными) могут быть отмечены юношеские годы? Сакина Акперова пришла на швейную фабрику четырнадцати лет. После седьмого класса, в летние каникулы. Пришла от скуки: надоело за месяц пионерлагерь, надоело за неделю валяться с книжкой на пляже. В первый же свой трудовой день она показала выработку... 131 процент нормы.

### СТРАНИЧКА ТРЕТЬЯ,

где читатель знакомится с многолетней матерью

— Сакина и раньше приходила ко мне в цех, — рассказывает Сутра Абдулаевна. — Дети вообще любопытны, а для девочки швейная машинка — как для мальчишки мотоцикл или самолет. Кое-что я ей объясняла, кое-чему учила, иногда разрешала прострочить десяток швов. Конечно, не на продукции, а так, на лоскутках. Из них Сакина однажды сама сшила сарафан для куклы. Словом, девочка есть девочка, о чем тут говорить? Но на этот раз она вдруг просит всерьез: устрой на работу. «Зачем тебе на работу? И как я могу тебя устроить? Это же нарушение трудового законодательства, кто позволит?» А она уперлась на своем: иди да попроси. Упрямая — у меня и муж такой и все дети такие, иной раз никакого сладу с ними нет. Что поделаешь, пошла я на прием к директору...

...Во всем коллективе швейной фабрики имени Володарского (кстати, крупнейшей в республике) не найдется, наверное, человека, который не знал бы Сутру Абдулаевну Акперову. Четверть века она здесь, начинала швеей, освоила почти все операции, работала браковщицей, начальником ОТК, теперь — мастер агрегата. Депутат райсовета. Бесшумный председатель женсовета фабрики. Член женсовета при ЦК Компартии Азербайджана. Награждена орденом Трудового Красного Знамени. И еще — орденами Материнской Славы всех трех степеней. Потому что, будучи по уши загружена трудовыми и общественными заботами, эта удивительная женщина успела-таки в жизни еще кое-что: она родила и вырастила... 9 детей.

— ...Так вот, прошу, говорю, допустить мою дочь к работе. Под мою личную ответственность. Ладно, разрешили. На один месяц, с четырехчасовым рабочим днем. Поставили ее на обработку входа кармана (цех шил брюки), норма на четыре часа — 275 заготовок. А она сделала 360. И качество хорошее. Поверьте, я тогда после смены специально села к машине и четыре часа гнала без продыха что было сил и не выжала 360, не сумела. Это я-то, швея с двадцатилетним стажем! Ну, думаю, лихо начинает стрекоза моя. Что дальше-то будет?

### СТРАНИЧКА ЧЕТВЕРТАЯ,

где приходится вновь вернуться к вопросу о природе таланта

А дальше было вот что. К концу месяца Сакина довела выработку до 200 процентов. Осенью пошла в школу, в восьмой класс. Училась, как и прежде, хорошо, старательно, однако мечтала теперь только об одном — о возвращении на фабрику. А на фабрике била тревогу: не хватает людей. Год спустя начальник 4-го цеха Идрис Баширович Агаев спросил Сутру Абдулаевну, не разрешит ли она своей дочери поступить на постоянную работу.

— Имей в виду, — сказала мать дочери, — я соглашаюсь при одном условии: ты переводиться в вечернюю школу и учишься без троек.

Сакина готова была принять любые условия... В первый же месяц она перекрыла задание в два с половиной раза. А временами на доске показателя против ее фамилии стала появляться фантастическая запись: 300%. А через год — даже 350.

Теперь настала пора сообщить читателю, что все девять детей Сутры Абдулаевны в разное время пробовали себя на тех или иных участках швейного производства. И мальчишки и девочки. Обычно в каникулярное время, на месяц-полтора.

Из любопытства, из уважения к матери, ну и для приработка, конечно, — семья-то здоровенная.

Но никто из Акперовых никогда не показывал результатов, хоть сколько-нибудь превышающих самые заурядные. В лучшем случае справлялись с нормой, только и всего. Не должны ли мы сделать вывод, что лишь Сакина от природы обладает какими-то особыми, специфическими для швей способностями?

Когда говорят о художнике, сразу произносят слово «трудолюбие». Да, конечно, но был ли Пушкин только трудолюбив?

Когда говорят о рабочем, появляется длинное, неуклюжее словечко «добросовестность». И все. И вроде бы больше ничего не надо. Так что же, феноменальные результаты доступны всем?

Не стоит кривить душой, есть в швейном деле, как и во всяком другом, свои Моцарты. И кажется мне, Сакина — из их числа.

### СТРАНИЧКА ПЯТАЯ,

ведущая нас за проходную

Швейный агрегат — это поточная линия, в начале своем принимающая крой и в конце выдающая готовое изделие. Всего в цеху восемь агрегатов — около тысячи рабочих. Номенклатура выпускаемых изделий довольно обширна — 300 фасонов в год.

Сакина чаще всего сидит на запуске, то есть в самом начале технологической цепочки. Операция называется «оснаровка». Проверить и пронумеровать мелом все пачки кроя, отметить и уравнять все неточности изгибов — от того, как будет выполнена эта работа, зависит и ритм потока и качество будущих изделий. Ошибись оснаровка — и тотчас пойдет серия перебоев, простоев, брака. Значит, нужны внимательность, сосредоточенность, зоркость. И еще — темп, разумеется, потому что задержка на запуске непременно обернется задержкой на всей линии.

Руки Сакины, что называется, порхают, а лицо неподвижно, сосредоточенно, напряженно.

— Устаешь?

— Нет, что вы, в работе никогда не устаю. А вот если сбой, задержка какая-нибудь, то тут уж нервничаю и устаю. Ждать не умею, терпеливости бог не дал...

Время от времени, создав задел, Сакина получает право на паузу, десяти- или даже двадцатиминутную, но («терпеливости бог не дал») право это не использует. Быстрым взглядом окинув «поле боя» и посоветовавшись с мастером агрегата Антониной Аванесовой, она садится за одну из свободных машин и мгновенно включается в общий ритм. А через четверть часа — опять на оснаровку.

Аджар Казымов, начальник смены:

— Сакина уже сейчас довольно уверенно владеет пятью или шестью операциями. Очень одаренная девушка. Попомните мое слово: через год она вполне может стать резервисткой.

Швея-резервистка — это экстра-класс, высшая ступенька мастерства. Это универсал, знающий все машины и все операции.

### СТРАНИЧКА ШЕСТАЯ,

где мы с вами все еще пребываем на фабрике

Лучшая резервистка фабрики — Валентина Ивановна Крупнова, депутат Верховного Совета СССР. Вот что она мне сказала:

— Сакину Акперову я знаю, хотя мы с ней в разных цехах. Похоже, что девочка нашла здесь свое призвание, свою романтику, что ли... Видите ли, мне кажется, что романтики единой для всех не бывает, это понятие очень личное, индивидуальное. Кто-то строит гигантские сооружения, а вот мы шьем, к примеру, детские костюмчики. И по формальному счету выходит: там — романтика, а здесь — скука, там — подвиги, сильные ощущения, а здесь... Я все это к тому, что людей у нас постоянно не хватает. Не идут почему-то в швей современные девочки. А ведь это исконно женское дело — шить. Красивое дело, праздничное...

Собственно, девочки-то идут, молодежи на фабрике много, но не всем дано ощутить это дело как праздничное. Вот поэтому Сакина Акперова в качестве одного из первых комсомольских поручений получила такое: возглавить в цехе работу с подростками. Она и сама была тогда подростком, и быть может, это лишь облегчило ей выполнение задачи. Потом она входила в состав цехового бюро, участвовала в работе КП, отвечала за сектор учета.

И вот нынешняя общественная должность: член ЦК ВАКСМ.

Главная задача — чтобы каждый из почти ты-

сячи комсомольцев фабрики выполнил пятилетку досрочно, по крайней мере к концу полугодия. Уже более 50 молодых работниц опережают график на полтора-два года. А среди самых боевых — наша Сакина, взявшая теперь дополнительное обязательство: к концу 1975 года завершить выполнение следующей, десятой пятилетки.

Я расспрашивал о Сакине всех, кого встречал; дошла очередь и до мастера Джангира Алиева, комсорга 4-го цеха. Но он против ожиданий отвечал неохотно, словно стесняясь, и вдруг оборвал разговор:

— Вы лучше с кем-нибудь другим поговорите, мне неудобно.

— Почему?

— Да ведь мы с Сакиной жених и невеста, разве не слышали?

### СТРАНИЧКА СЕДЬМАЯ,

которая вводит нас в продолжающую расти семью

Отец семейства Лятиф Акперов, типографский наборщик высшей квалификации, линотипист, одианово свободно оперирующий латинским и арабским шрифтами, недавно вышел на пенсию. В доме он хозяин, и слово его для детей свято. Хотя почти все они уже стоят на собственных ногах, имеют образование и профессии. Хумар, Эльдар, Бахтияр, Аскер, Таир, Хошпахт, Интигам, Сакина и Халида — пять братьев и четыре сестры. Кто они? Воспитательница детского сада, два музыканта, шофер, разнорабочий, инженер-нефтехимик, солдат, швея и школьница.

Четверо старших обзавелись семьями, уже семеро внуков у Лятифа и Сутры. Растет клан, ветвится и ширится, да так оно и должно быть.

Вот недавно пришел просить руки Сакины Джангир Алиев. Сутра и прежде замечала, что Сакина при нем чуть краснеет, но, разумеется, помалкивала, виду не подавала. Только мужу по секрету доложила. Вообще-то парень ей нравился — работящий, скромный, учится по вечерам, без пяти минут инженер — так что любовь да совет, как говорится, но ведь очень уж молода Сакина, не рано ли? Впрочем, дело даже не в том, что молода, а учиться надо, вот главное. Для такой способной девочки десятилетка — разве предел?

— Послушай-ка, Джангир, — сказала тогда Сутра, — и ты, Сакина, тоже послушай. Мы с отцом против вашего брака ничего не имеем, но нельзя ли его немного отложить? Читайте, что вы обручились, можете, если хотите, всем сообщить, что вы жених и невеста, но пусть Сакина прежде, чем замуж выходить, поступит в институт и прочтется хотя бы годик-другой. А перейдет на третий курс — можно и свадьбу. Это не воля наша с отцом, воля нашей над вами нет, это просьба наша. Согласны вы ее уважить?

Вздыхнул Джангир и — что поделаешь? — согласился. Ладно, годик можно и подождать. Кстати, может, она и права, Сутра-ханум...

### СТРАНИЧКА ВОСЬМАЯ,

подводящая некоторые итоги

Лятиф — сын каменщика, Сутра — дочь бурильщика. И если принять в расчет все корешки, ветви и листья этого могучего рода, то получившееся древо, пожалуй, представит в миниатюре целый Баку или даже целый Азербайджан.

Поистине это необыкновенная семья. Она несет в себе старые традиции бакинского пролетариата и новые обычаи бакинской интеллигенции. Она несет в себе причудливый клубок социальных и психологических характеристик. Она так велика и сложна, а вместе с тем так проста и прекрасна, что о ней можно писать лирический роман и социологический трактат, поэму и пьесу, мадригалы и эпиграммы.

Здесь есть свои романтики и свои скептики, счастливицы и неудачники, крикуны и тихони. Здесь каждый талантлив по-своему, по-особому. Здесь все поют и музицируют. Смеются во все горло. Спорят до хрипоты. Сорятся. Мирятся. Порой обижают друг друга. И всегда обожают друг друга.

...Мы пили чай.

— Спокойно, Халида, — попросила мать.

Деляра, жена Эльдара, уселась за пианино, и Халида (самая младшая, ей только четырнадцать) неустоявшимся, подростковым контрабасом запела о Золушке. Не помню слов, но смысла был, кажется, такой: праздник непременно будет, если ты веришь в него, если несешь его в себе.

Сакина слушала сестру и улыбалась. Им повезло, что они сызмала постигли эту премудрость. Примешь ее — и все тебе в жизни доступно. Все, что захочешь...



# ВАРИАНТЫ

Рафаэль ГОЛЬДБЕРГ,  
заведующий отделом комсомольской жизни газеты «Тюменский комсомолец»

**Н**е знаю, суеверный ли народ вертолетчики. Во всяком случае, тринадцатого пассажира они не взяли. В салоне МИ-8 нас двенадцать. Маршрут: Сургут — Тарко-Сале — Уренгой — Ягельная — Надым и обратно.

Взлетаем, развернув с помощью каната вертолет: уж очень силен прослоенный песком ветер, несущийся над аэродромным полем. С упругим свистом разгоняется винт и отрывает нас от площадки.

А сейчас позвольте представить: Е. Р. Оппенгейм, главный инженер отдела изысканий Уральского отделения института «Энергосетьпроект».

— Мы летим, чтобы выбрать направление для будущей ЛЭП-500 Сургутская ГРЭС — Уренгой. И площадку для строительства подстанции такого же напряжения. У нас есть четыре предварительных, намеченных по карте варианта: два в районе поселка Уренгой и два в районе фактории Ягельной. Вариантов было пять, но один из них (номер четвертый) отклонен еще в Свердловске... Задача трудная — уникальное предстает сооружение. Это будет первая подстанция на дальнем Севере, первая приполярная линия такого напряжения. Необычность во всем — в строительстве, в последующей эксплуатации. Самый короткий вариант — 600 километров, переброшенные буйно через ничто. Отсутствует коммуникация. Вечная мерзлота.

Мы уже опаздываем. Газовики три года обживаются на Медвежье (все же километров на триста ближе к цивилизации, и каждый из этих километров голыми руками не возьмешь) и поняли, что без энергетике тяжело.

Наша задача — выбрать площадку, представить в Госстрой технико-экономическое обоснование будущего проекта. Гипам нашим придется нелегко...

Гипов — главных инженеров проекта — сразу три. Гип подстанции «Уренгой» — Валерий Мюллер. Гип по линии — Алексей Аносов. И гип проекта в целом — Владимир Овчинников. Вот они сидят. Овчинников сверлит взглядом «хлябь и твердь» (хлябь больше), проплывающие под вертолетом. Мюллер спокоен: до района возможных площадок еще очень далеко. Аносов, высокий мужчина в годах, лишь изредка бросает любопытный взгляд на знаменитые тюменские болота. Он знает: главное — подобрать площадку. А ЛЭП к ней он обязан спроектировать все равно. Лучшего варианта трассы от Приобья к Приполярью просто не существует в природе, все один хуже другого. Он чуть заметно покачивает головой. Ритм, похоже, песенный. И вдруг у меня в ушах возникает мелодия. Она в реве двигателей, в свете винтов, в мелкой вибрации корпуса вертолета... Конечно, это «...ЛЭП-500 — непростая линия...».

А в иллюминаторах блестят расквашенные болота. Вот одно раскинулось, как тигровая шкура, — черные полосы по ржавому пятну. Безлюдье. Тайга, в которую еще не пришли люди, наверно, пахнет тишиной. Бездорожье. Быть может, здесь пройдет первая в этих местах дорога, — голубая дорога, ЛЭП. Хотя вон уголок среди тайги торчит вышка, геодезический знак. Кто-то ее тут поставил? Кто-то нарисовал карту, в которую уткнулся Оппенгейм?

Мы летим от лета к весне. Только непонятно: вода сушу окружает или суша воду? Но чем дальше к северу, тем шире раскрыты «глаза озер»...

Бурные реки Пяку-Пура и Айваседо-Пура, ряды домиков, густая желтая пыль над аэродромом. Тарко-Сале. Районный комитет партии. Геннадий Петрович Белоусов, первый секретарь:

— Наш район только входит в орбиту промышленного газа. И хорошо, что вы торопитесь под-

ключиться. Тяжкие штурмовые дни Медвежье не повторяются. Сейчас в Ягельной на временных площадках обустраиваются газовики. Жилье строят. Готовят первую сиважину. Трест Ямалгазстрой ищет причалы по левому берегу Пура.

Вопросов десятки. Геннадий Петрович обстоятельно отвечает на каждый. Большие перемены, большие хлопоты приходят на пуровскую землю. Гипам интересны транспортные трассы, высота воды в Пуре. Заместитель начальника мехколонны № 14 В. Крутась от имени строителей ЛЭП и подстанции советуется о перевалке грузов. Где сделать точку опоры? В Надыме? Или на Пуре?

— Имейте в виду, — прощается Крутась. — Мы к вам залезаем уже основательно.

Настала пора рассказать о том, почему взлетел наш вертолет. Помню, как зимой 1966 года на заледеневшей аварийной буровой Р-11 геолог Тазовской экспедиции Геннадий Быстров сочувствовал не себе, чего можно было ожидать, а товарищам из Нарыкарской экспедиции, которые в это время перебирались на новую базу. За сотни километров на никому не ведомый и никому не интересный в то время Уренгой.

Собственно, тогда и его не было. Было осторожное пятно на геологической карте, поднятие, очерченное сейсморазведкой на левом берегу Пура.

«Не завидую», — повторял Быстров. А через четыре месяца он бы охотно сократил две первые буквы. Экспедиция Ивана Гири получила из первой скважины газовый фонтан небывалой мощности.

С тех пор прошло восемь лет. Уренгой сегодня — газовый чемпион планеты, это более шести триллионов кубометров топлива в утвержденных запасах.

Медвежье уже два года дает голубое топливо. Пришла пора работать и Уренгою.

Взлетаем. Воздух нежен и прозрачен. Сверху видим пару лебедей, бок о бок плывущих по только что вскрышемуся озеру. А дальше — дикие олени стоят по колена в воде. Разбегаются, почуяв над собой размашистое чудовище, несущее нас.

Посадка. Проталины. Островки ноздреватого, крупнозернистого снега. Ни единого комарика, зато солнца сколько угодно. По мутным изгибам Варенга-Яхи скользят грязные льдины.

Вариант № 2 — на левом берегу Пура. Крутась недоволен.

— А где я карьер возьму? — демонстративно и громко вопрошает он.

Взлет. Оппенгейм (мы весь день видим только его спину) поместился в кабине и, судя по редкому послушанию пилотов, прекрасно исполняет роль штурмана. Честно сказать, в самом начале, услышав про «кабинетные изыскания» свердловчан, я подумал что-то не совсем лестное. А сейчас выясняется: все точки, выбранные по карте, оказываются на своих местах, мы садимся на больших сухих пространствах. И вообще Оппенгейм, больше десяти лет отшагавший изыскателем, считает свои квадраты, с которыми он не расстанется, с необыкновенной точностью.

Вариант № 3. Крутась выпрыгнул из вертолета и даже ногой притопнул: хороша площадочка!

— Но здесь же город!

— Город там, — махнул в сторону представи-

тель института «Фундаментпроект» Коробов. На будущей площадке города (Уренгой? Ягельного?) он исследует поведение мерзлоты. Послушали бы сторонники буколической тишины, с каким удовольствием все здесь употребляют это скучноватое в общем слово — «город»!

— Город — на сто тысяч! — сообщает Коробов.

— Не задеть бы город! — озабочен Овчинников.

А на базе пока всего несколько барачков, населения человек сто. Аэродром? Вертолетная площадка, по углам — бочки с буквами «Ф. П.». Мол, чья база? «Фундаментпроект»!

А площадка № 3 великолепна. В каких словах описать сине-зелено-хрустальную тишину? Прозрачность талых вод? (Мюллер зачерпывает фужеркой и пьет.) Искристость снега? Шальной хохот белой куропатки, одуревшей от солнца, не заходящего 24 часа? И само солнце, как красный корабль, плывущий по горизонту? Бледно-зеленые кружева ягеля? Сладкую терпкость перезимовавшей брусники? И надо всем — теплый ветер тундры, по которой стремительно пронесится весна.

А гипы стоят по колено во влажном сугробе, окружив Коробова. Только доносится:

— Термокарст... Песок... Распредустройство... Морозобойные трещины...

В тундре — удивительная весна. Даже дискуссия умолкла на какое-то время. Все вслушиваются в шепот тундры.

Оставим пока гипов на площадке между Седзяхой и Веренга-Яхой. И улетим в Надым. Мы были в нем в тот жаркий, душный, пыльный июньский день. Никогда еще этот знакомый и растущий город не производил на меня такого тягостного впечатления. Просто потому, что я помню Надым таким, каков сегодня Ягельный. И думаю, что Ягельный может повторить судьбу Надыма...

Мы шли через улицу в облаке пыли, а точнее, грязного, размолотого шинами песка, взметенного проходившим грузовиком. Сапог уходил в эту пыль — до половины голенища. Тонкая корочка живой природы в Надыме содрана, и город словно медленно погружается в песок. Ведь это не Сургут, окруженный лугами, щедро дарящими столыце Приобья свой изумрудный дерн. В Надыме не растет трава, а ягель пересадкам пока не поддается.

Когда видишь Надым, теперь поражаешься не героизму его строителей, а мужеству его жителей. Пить, есть, спать, дышать, жить пополам с песком — для этого мужество требуется немалое.

Я видел один из проектов будущего города. Он расположен между двух рек, на красивом (и открытом всем ветрам!) поднятии. Дорога, поток автомашин обогнет жилые кварталы, в сердце которых останется нетронутое «парковое» пятно... Не хочется оказаться мрачным пророком, но боюсь: пока построят дома, пока они преградят путь вездеходам и тяжелым грузовикам (а первыми сюда придут именно вездеходы и тяжелые грузовики), те сумеют в поисках кратчайшего пути на промбазу стереть с лица тундры нежный мох, давший имя точке. И не станут ли звать наш Ягельный Пескоградом?

Хотелось бы, чтоб в проектах и практике была ликвидирована любая возможность смертельно ранить тундру. Быть может, следует определить зоны, где уже СЕГОДНЯ стоит закрыть дорогу транспорту?

Ксения ВАСИЛЬЕВА.  
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

# ИГРА + ФАНТАЗИЯ = ТВОРЧЕСТВО



— Возрастной ценз нашего потребителя? С одиннадцати до пятидесяти. И не улыбайтесь. Я не шучу.

Так ответил мне Юрий Николаевич Маркевич, мастер спорта по авиамоделизму, инженер-механик по профессии, заведующий отделом технического моделирования Дома технического творчества.

И действительно, игрушки, над созданием которых трудится отдел, настолько серьезны, интересны и многосложны, что их уже и игрушками не ловко называть. Это модели-копии отечественных самолетов, автомашин, лодок, яхт. Их конструирование, сборка, запуск — модели-то действующие! — игра, которая привлекает не только ребенка, но и «дядю» вполне солидного возраста.

— Вот что запишите обязательно, — сказал он. — Все ведущие авиаконструкторы были модельстами-любителями, и их заместители, и ведущие руководители отделов. К нам на запуски приходят генеральные директора предприятий, инженеры, научные работники. И вы бы посмотрели, как они натают наши катера, автомобили, самолеты на дизелях...

Но это было уже к концу нашего долгого с Юрием Николаевичем разговора. А вначале, прежде чем идти в Дом технического творчества, я посетила Дом игрушки, который расположен рядом, в том же квартале Куззовского проспекта. Обширный зал отдал технической игрушке. Я поинтересовалась: есть ли в продаже сборные модели автомобиля, самолета, катера? Мне предложили сборный макет самолета... из картона.

— Того, о чем вы спрашиваете, — сказали мне, — у нас почти никогда не бывает.

Так в чем же дело и, как говорится, кто виноват?

Элегантный, со стенками-полками и шкафами кабинет Юрия Николаевича уставлен блестящими новенькими моделями-копиями, дизель-моторчиками и моторами, увешан дипломами и грамотами. Над этими моделями-конструкторами трудится коллектив в 25 человек, где 80 процентов — бывшие или действующие спортсмены, имеющие отношение к техническим видам спорта, есть инженеры-дизайнеры, есть конструкторы и художники. И все они истинные энтузиасты, фанатики своего дела, и, если начинать разбираться во всем...

— Предыстория наша такова. В 1967 году мы, несколько человек, после окончания института создали вот этот отдел технической игрушки, технических движущихся моделей. Задача отдела — создание моделей для массового производства. Зачем? Ну это, наверно, ясно, — для развития творческого начала в подростковом, четного технического мышления, трудолюбия, любознательности.

Мы часто любим говорить, с умилением глядя на сегодняшних мальчишек: будущий инженер, будущий изобретатель, будущий ученый. А что делаем мы сами, чтобы эта надежда — «будущий» — стала впоследствии вполне реальной, осуществленной? В какие игры играл мальчишка Туполев? Тогда не было даже отделов технической игрушки, призванных будить мысль у завтрашних Туполевых. Тогда взлетал в воздух под восторженные крики «ура!» коробчатый змей, собранный и склеенный из подручного материала, найденного во дворе, или старый велосипед обретал поплавки и лопасти, превращаясь в амфибию.

— Время научно-технической революции не может не вмешаться и в воспитание будущих конструкторов, — говорит Маркевич. — Научно-техническое творчество молодежи стало поистине массовым явлением. Новаторство, изобретательство, возможность творить привлекают молодежь в производство, в науку. А учить ребенка

творить, если хотите — учить правильно технически мыслить должны мы, взрослые. В конце концов конструкторы нашего отдела дают мальчишке тот самый подручный материал, на поиски которого некогда ушло столько времени. И не просто материал, а набор деталей, которые позволят не только собрать модель, но и понять, как устроен ее аналог. Такое детское творчество (именно творчество, хотя и ведомое теми, кто придумал модель...) поможет юному конструктору найти себя, научиться читать чертежи, видеть в плоском рисунке объемную модель, а за моделью — настоящий самолет, катер или автомобиль. И тогда наши заводы, конструкторские бюро, вузы получат людей, умеющих мыслить технически, это особый род мышления, которое и двигает научно-технический прогресс.

Мы говорим о научно-техническом творчестве молодежи как об одном из слагаемых НТР, а оно не возникает на пустом месте. Вряд ли станет настоящим ученым парень, не испытывавший себя в школьном химическом или физическом кабинете. Вряд ли станет рационализатором человек, не строивший в детстве самолет, а то и ракету. Цель отдела технического творчества — помочь нашим мальчишкам избавиться от неизбежной кустарщины в детском творчестве, осмыслить его, наполнить реальным содержанием. Именно реальным, ибо модели, созданные в бюро, реальны: самолет, катер, яхта.

— Как же вы привлекаете школьников к техническому творчеству?

— На первом этапе мы даем начинающему, ничего еще не смыслящему в моделизме подростку готовый самолет, катер, автомобиль, но это не просто игрушки, какие возят на веревочке мальчишки. Это копии самолетов, имеющих, скажем, историческое или гражданское значение, копии быстроходных катеров и автомобилей. Такие модели-копии мальчишка может не только рассмотреть, но и сам запустить. И вот тогда он испытывает чувство восторга, чувство, похожее на ощущение настоящих автомобилистов-спортсменов, авиамоделистов-конструкторов. Но он еще не конструктор. Он еще «гоняет» чужую модель. И ему, конечно же, захочется построить, создать что-то подобное самому. Начинается этап создания, работы творческой мысли. И вот тут-то мы предлагаем ему тот же самолет, но только в деталях для сбора.

Я беру в руки красивую картонную коробку с целлофановым окном и сквозь него вижу прикрепленные к днищу серебристые детали самолета. Не может быть, чтобы мальчишке не захотелось самому собрать самолет из этих деталей, самолет, более сложный, чем тот, который он запускал!

Так приходит творчество: от простейшего управления движением — к сборному конструктору, к добавлению «своих» деталей, к пробному изменению модели, наконец, к собственной модели.

— Вот исходя из подобной теории мы и строим нашу работу, — говорит Юрий Николаевич.

— Можно мне прийти на испытания модели?

— Можно... — не сразу откликнулся Маркевич. — Не обижайтесь, но вам вряд ли станет с первого раза понятно, что такое запуск, что такое наши испытания. Потому что вы не были с этой моделью с самого начала, с замысла конструктора-дизайнера, «разработчика», как мы говорим, ну хотя бы Саша Захарова, и потом не видели хода работ, не слышали долгих споров... Вы не увидите на запуске никаких особых эмоций — внешне вроде спокойно все. А внутри — напряжение, ожидание, тревога, предвкушение огромной радости...

Ведь чем прекрасен, именно прекрасен моделизм? Тем, что вся модель от начала до конца сделана твоими руками, ты видишь конкретный, осязаемый, цельный результат своего труда.

**ЭТИ ИГРУШКИ, НАД СОЗДАНИЕМ КОТОРЫХ ТРУДЯТСЯ ВЗРОСЛЫЕ, УЖЕ И ИГРУШКАМИ НЕЛОВКО НАЗЫВАТЬ...**



# ВАРИАНТ

Но мы летим. Оппенгейм и Мюллер ведут лишь им одним слышный разговор. Тычут по очереди карандашом в карту. У Мюллера воинственно поблескивают очки, кепка повернута козырьком назад.

— Нет! Нет! — энергично возражает Оппенгейм.

А «глаза» Уренгоя — озера еще закрыты голубым льдом.

Гип Аносов:

— Трасса будет тяжелойшей в стране. Тюмень — Сургут? Та проще. Вот я и думаю: как захватить побольше суши под ЛЭП? Как возить стройматериалы, конструкции по таному сплошному болоту? Как это учесть в проекте? Словом, тут будет одна забота и никакого духовного удовлетворения. Я заранее сочувствую всем, кто станет строить трассу... Постараюсь помочь им, но смогу ли?

Да, очень дорого — километр вдвое дороже, чем на пути к Сургуту. Место? По-моему, надо выбрать площадку там, где будет сосредоточена энергостанция. То есть фактория Ягельная.

...Изыскатели подготовились отлично. Почти безошибочно. Но одна ошибка все же случилась...

— Здесь у нас сейчас аэродром! — Начальник Уренгойской экспедиции Василий Тихонович Подшибякин с ненавистью смотрел на карту, где был нарисован квадратик на правом берегу Пура и стояла надпись: вариант № 1.

...Подшибякин выпрямился во весь рост, нависая над всеми, темнел, наливаясь гневом, как грозная туча. Его можно было понять: с таким трудом выбрали место под аэродром, столько средств вколотили, ведь все тяжелые грузы для экспедиции идут по воздуху... И вдруг свалились на голову неведомые претенденты на драгоценную площадку! Обмен сведениями с самым информированным в отношении Уренгоя человеком терпел крах на глазах потрясенных гипов. И гипы протрубили «отбой»: они не имели в виду «безуловную ориентацию на ВПП (взлетно-посадочную полосу) Уренгойской экспедиции».

И снова картографический квадрат с поселком Уренгой в центре лег на стол. И опять склонились над ним головы. Вопросы — ответы.

Крутась исходил из непреложного: строить все равно придется. И потому интересовали его подробности.

— Срок навигации на Пуре? Мощность болот? Грунтовые условия? Продолжительность зимника на Ягельную?

А Подшибякин словно сокровищами одаривал: сведения точные, свои, проверенные двадцатилетней работой на Севере. И, наверное, возникло в нем чувство: вот он начинается, наступает день, ради которого работали здесь, в тундре, долгие годы. Но виду не подавал, отвечая сжато, но исчерпывающе:

— Первая баржа приходит к 1 августа, а 5 сентября погрузку уже заканчивают. Итого 35 дней... Болота небольшие. Зимник стоит четыре-пять месяцев...

Взлет... Посадка. Оппенгейм поднимает вверх руку с картой:

— Товарищи гипы!

От Уренгоя-поселка мы в двадцати километрах, от Ягельной — в пятидесяти. Крутась возражает:

— Ни тут, ни там. Школа? Больница? Все вопросы...

— Здесь же станция железнодорожная намечается, — утешает Оппенгейм.

— Мы раньше должны свою подстанцию построить, — говорит Крутась и повторяет, словно закливание: — Зимник... Зимник меня беспокоит.

Гип Овчинников:

— Мы все больше склоняемся к варианту «Ягельная» и сейчас ищем аргументы не за другие точки, а против них...

...Кинофильм «Северные пейзажи. Вид сверху» раскручивается в обратном порядке. Гип Овчинников дает прощальное интервью:

— Наше суммарное мнение: следует избрать вариант № 3, Ягельная. Условия в смысле трудностей для строителей уникальные. Впервые в стране будем строить такую подстанцию так далеко на Севере. Работа предстоит очень интересная.

Леонид ХАУСТОВ



## В музее

Мое вниманье приковал невольно  
Когда-то созывавший на урок  
Детей в далекой Хиросиме  
школьный  
Чудовищно оплавленный звонок.

Нет, он свое не отслужил, и ныне  
В нем, не смолкая ни на миг, звучат  
Колокола тревожные Хатыни  
И Бухенвальда яростный набат.

Хотел бы я сегодня на рассвете,  
Когда душа сжимается в тоске,  
Идти по настороженной планете,  
Держа звонок оплавленный в руке!

## Начало

Была постройка нового моста.  
Костры в морозном воздухе горели,  
И мы, мальчишки, видно, неспроста  
У тех костров свои ладони грели.  
Домой нас было палкой не загнать,  
И не страшны мамашины угрозы.  
Смолистый дым нам весело вдыхать  
И запах свежеструганой березы:  
Так зуд работы в руки нам входил,  
И это было много началом.  
И знаю я: моста того настил  
Вел в будущее. Это означало,  
Что будет труд, как песня,

вдохновенный,  
Ломающий устои старины,  
Какой бы ни был — мирный иль  
военный —  
Призваньем нашим и судьбой страны.  
...Какое счастье жить в своем краю.  
С ним разделить и радость  
и невзгоды,

Среди людей, в которых узнаю  
Черты родного русского народа,  
Которому все в мире по плечу,  
Который счастье заслужил навеки,  
И я, как сын, отдать ему хочу  
Все лучшее во мне, как в человеке!

## Память

Из клюквы красной и тугой  
Кисель мне бабушка варила.  
— Поешь-ко, внучек дорогой!  
И чудо-сказку говорила.

Я в киселе, мерцавшем тускло,  
Проходы делал, что слегка  
Собой напоминали русла  
Каких-то рек и берега.

И эти русла наполнял  
Я молоком парным из кружки,  
А ветер вьюжный из-за вьюшки  
Стонать и плакать начинал.

Былое в памяти просеяв,  
Босое детство я зову  
Страною берегов кисельных  
И рек молочных наяву.

## Балерина

Занималась у кромки залива —  
Всякий раз я бывал поражен —  
Так усердно и так терпеливо,  
Словно завтра ей снова — в Большом!

Жмурясь, точно от яркого света,  
Каждый смертный увидать был рад,  
Как крылатой походкой Джульетты  
Шла она, запахнувшись в халат.

И про то приходили мне мысли,  
Как призвание нужно любить.  
Называться великой при жизни —  
Это значит не слыть,  
значит — быть.

## Кони

И за тысячи пудов конской ножи  
и мяса покупают теперь паровоз.  
С. Есенин

На манеже конного завода  
Ты бы песню увидел, поэт.  
Вот она — арабская порода,  
На которой ездил Магомет:  
Масть у жеребца — чистейший сахар.  
Кличка Призрак, он и впрямь как сон.  
Вслед за ним выводят карабах —  
Невелик, а держат с двух сторон!  
Легкая качалка — не телега.  
Струны-вожжи намертво в руке.  
Если только есть душа у бега,  
То она — в орловском рысаке!  
Будто вновь готовые в походы,  
На скаку выравнивая строй,  
Дончаки буденовской породы  
Пронеслись, как годы, предо мной.  
Я такую истину простую  
С родины Есенина привез:  
На Руси лошадка существует,  
И ушел в преданье паровоз.



Загорелых рук не размыкая,  
Двое задержались у моста.  
Он сказал ей: «Посмотри, какая  
На Неве сегодня красота!»

Пусть для всех — обычная погода,  
Переулки, площади, мосты, —  
Радуюсь тому, что для кого-то  
Этот миг — вершина красоты!

## Вспоминаю любовь

Дорога круто повернет, и вновь  
Встают навстречу горы-исполины,  
И, вспоминая горькую любовь,  
Смотрю я на реку на дне долины:

Так глубоко — почти что не слышна,  
Так далеко — серебряная змейка,  
Даешься диву — как это она  
Через хребты нашла себе лазейку!

Перед нами стихи Зои Колосовой, молодой поэтессы с Сахалина. Наверно, не с каждым словом этих стихов я согласилась бы. Но многое в них подкупает естественностью, открытостью, в то же время образным богатством.

Почему «в то же время»? Потому что открытый поэтический характер — как прямая линия. Образность, напротив, — некое плетение, линия не прямая. Поэтому прямой и стремительный нрав, выражаемый в лирике, как бы поневоле замедляется, отягощается, что ли, образностью стиха. Да и сама непосредственность разве мыслима в поэзии как таковая? Волей-неволей она должна быть опосредована искусством. И вот это, если можно так сказать, сочетание быстроты нрава с медленностью взгляда (а ни в коем случае не наоборот) кажется мне в людях одним из признаков поэтического дара.

В завершённых стихах Зои Колосовой мне тоже видится, я бы сказала, непрямая прямота образности, ведущая к искусству.

...Лето, прекрасно ты, лето!  
...с розовой чайкой, той, что со  
льдами знакома

И с белым дружит медведем,  
Снова

Украдкою к нам сегодня  
Зима заглянула...

Лирика Зои Колосовой не однотипна. В иных (непохожих на эти) ее стихах ясно проглядывается философское начало. Заметно, что в будущем оно может усилиться.

...И больно обновление ему!  
И тысячи несчастных «почему»  
В душе его...

Высказанное здесь читательское (надеюсь, не слишком навязчивое?) суждение основано, конечно, и на прочитанном. Но еще больше на предчувствуемом, на том, что еще впереди. Чувствуется, например, что в будущем поэтесса будет посвящать куда больше времени и терпения технической стороне вопроса. И что это ни в какой степени таланту не повредит.

Новелла МАТВЕЕВА

## НОВОЕ ИМЯ

Зоя КОЛОСОВА



### Стихи о России

Ненаглядную ту красоту —  
с тихой речкою,  
ивою,  
иволгой —  
не похитить вовек никому  
(Не в тебя ль уродилась счастливою!)  
заколдованную красоту...  
Вдаль туман проплывает.  
Безоблачно...

Отвела ты какую грозу!  
Приняла ты какую вину!  
Ах, какую струну  
в моем сердце настроила в лад ты...  
Отчего так воздушно-легка  
взмывала радуга над лугами!  
Может, это — богов тетива,  
что на игрища выезжали.  
Дольним вечером  
к давней пристани  
пришвартуется теплоход.  
И девочка по-русски  
исконно

вдруг ладонью слезу смахнет.  
Поплывут над заречными  
далями  
перезвоны литых тополей.  
И былинными, древними  
тайнами  
нам повеет с приокских полей.  
Ты слезами иль счастьем  
умыта —

но поднимешь в сияньи лицо.  
Ты святая. Но в гневе  
сокрыто  
назначение земное твое.  
Где еще! На каких же  
просторах! —  
гений может взлелеять умом  
твой полет. И беззвучную  
скорость  
под недвижно поющим крылом.  
Как сберечь мне  
святую твою простоту:

перелесочек,  
пашня,  
пригорок.  
Избы прямо под солнцем.  
Теленок  
нежно лижет по веснам траву.  
Магистраль,  
туннели,

проспекты —  
и неоновый град в вышине.  
Все возможно в твоей стороне.  
И бывшие печали —  
лишь оттенки в твоей красоте.

Скользнуть и падать —  
вот удача!  
Отмечен первый день весны.  
Когда же, суетясь и плача,  
капель на проводах зимы  
отмочит свой коронный номер:  
с разбега превратится в лед,  
сосульку пальчиком обломит



Прощание

Все повторяется.  
Сначала  
вода в пруду была ясна.  
И лодку сонную качала  
чуть набежавшая волна.

Все повторяется.  
Прощанье  
по тем скитаются местам,  
где ветви, одичав с отчаянья,  
тревожно рвутся вслед листьям.

Все начинается  
свободой  
на берег незнакомый стая:  
смотреть в чужие небосводы,  
чужие ветры обнимать.

Чтобы, с тоскою непонятной,  
затем пуститься в путь обратный,  
ступить на старую тропу  
и снова  
перестукам дятла  
доверить сердце и судьбу.

### С весной!

и расшибет о чей-то лоб!  
Заохает больной прохожий.  
А у мальчишек пир горой.  
Едят, хрустят —  
аж зубы ломит.  
И ты их —  
не разлей водой!

### Первый снег

...Какая белая дорога!  
Шаги по ней легки, вольны...  
И эта первая тревога:  
— А вдруг следы мои черны!

### Ночь

Я просыпаюсь ночью. И со мною  
Встает весь мир — глубоко-одинок.  
И черви, что дремали под корою,  
Впиваются в измученный листок.  
Неторопливо филин завывает,  
Размеренно, как в далах ураган,  
И мох тряски внезапно расправляет  
Все щупальца, как дерево-титан.  
Над чащей этой, мрачной  
и тоскливой,  
В косматость туч издерганных  
Луна  
Закатывает глаз — больной,  
пугливый, —  
Как будто ночь прошла и не нужна.

### Островное лето

Лето!  
Прекрасно ты, лето!  
Так и ластится к берегу море, —  
Как тигренок, — все полосато...  
Лето!  
Прекрасно ты, лето!  
В опереньи павлиньем.  
Сопки курчавятся нежно,  
как клубы дыма.  
Словно курятся вулканы,  
словно барашков отары  
к нам спускаются в город...  
Лето!  
Прекрасно ты, лето!  
Птицы заморские в гости к нам  
залетают.  
С розовой чайкой, той, что со льдами  
знакома  
и с белым дружит медведем,  
снова  
украдкою к нам сегодня  
зима заглянула...

### Голос пустыни

Прошел караван.  
Прошел караван.  
Тело все прахом бросаю ветрам:  
и губы, и руки, и ноги мои  
возьмите, возьмите — верните!  
Прошел караван.  
Прошел караван.  
Слуги разносят вино по шатрам.  
Жалобный писк шашлыков на огне.  
Морды верблюжьим дрожат на песке.  
Прошел караван.  
Прошел караван.  
Ночью ты этой один пировал.  
Ночью ты этой глаз не смыкал.  
Слушал, как воют шакалы.  
Как воют!  
Крови моей, крови моей  
хочет вожак.  
Пусть будет так!  
Прошел караван.  
Только барханы бегут по следам.  
То сердца толчки.  
То сердца толчки.  
Слышишь в ночи!  
Листья, как стрелы, — то губы мои.  
Стебли растений — то ребра мои.  
Где ты ни ступишь — хруст по земле.  
Свеченье, верченье песка дотемна.  
Встречный колодец засыпан до дна.  
Прошел караван.  
Прошел караван.

Тынымбай Нурмагамбетов живет в Алма-Ате. Работает в издательстве «Жазушы». Пишет на казахском языке.

Он не новичок в литературе: в Алма-Ате вышли три его книги, молодой автор принят в Союз писателей. И все-таки повесть «Прощай, ата...» — первая публикация Нурмагамбетова на русском языке. Таким образом, в известном смысле «Смена» представляет дебютанта.

Дебют национального писателя вообще явление неоднозначное. И пример Тынымбая Нурмагамбетова — тому яркое доказательство.

На VI Всесоюзном совещании молодых писателей среди «семинаристов» почти не было членов Союза. Да это и понятно. Совещание для многих и многих как бы стало порогом, который требовалось преодолеть, чтобы стать писателем и организационно.

Тынымбай пришел на совещание, будучи членом Союза. Пришел с тремя книгами. Повесть «Прощай, ата...» на казахском языке получила первую премию на республиканском конкурсе детской и юношеской литературы.

А на московском совещании, в семинаре детской и юношеской литературы, которым руководил лауреат Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола Анатолий Алексин, — теперь уже переведенная на русский, — прошла с большим успехом. Сейчас произведение Нурмагамбетова из достояния только лишь казахской литературы становится достоянием литературы советской. Русский язык, давно уже ставший посредником между всеми народами Советского государства, делает повесть национального автора достоянием всех читателей.

В этом смысле второго дебюта Нурмагамбетова.

В этом великий смысл VI совещания молодых.

К сказанному стоит только добавить, что рядом с Нурмагамбетовым дебютирует и его переводчик, нынешний выпускник Литинститута Ерман Сатыбалдиев.

Альберт ЛИХАНОВ

# ПРОЩАЙ, АТА...

ТЫНЫМБАЙ НУРМАГАМБЕТОВ,  
участник VI Всесоюзного  
совещания молодых писателей  
ПОВЕСТЬ

мое главное, куда бы Таласбай ни поехал, нас навещать не забывает, — сказала Салжан и ушла в дом.

Жакен сложил письмо и стоял молча, не двигаясь. Таласбай — единственный сын Жакена. После окончания института он остался в Алма-Ате. Последний раз Таласбай приезжал два года назад, когда умерла его мать, старая Алина, да и то сказал, что отпросился только на три дня. Это письмо было первым за эти два года.

Все смотрели на старика. Глядел на него и малыш Коктембай. Он очень любил деда, и если бы старик заплакал, Коктембай был готов плакать вместе с ним.

— Ну вот, милый, — Жакен сложил письмо и бережно положил его во внутренний карман, — не забыл своего старого отца. — Голос его дрогнул. Жакен достал большой белый платок и поднес к глазам. Все стали расходиться. Ушел и Шаден, стряхивая с одежды оставшуюся пыль.

— Прощай, Жакен, видишь, и годы уже не те, хотел я бросить эту работу, да вот беда, до пенсии двух лет не хватает. — Он лягнул пяткой заупрямившегося осла и добавил: — Да и осел мой совсем одряхлел...

— Да, осел-то у него ленивый, — сказал Жорабай, ковыряя в носу.

— Ох, то ли дело наша белая ослица! — воскликнул Коктембай.

Дети еще долго стояли, глядя на то, как потешно дрыгает ногами почтальон, погоняя своего осла.

Жакен, держась за поясницу, медленно пошел к дому.

Весть о скором приезде сына взволновала Жакена. С каждым днем старик становился все нетерпеливее. В письме говорилось, что Таласбай приедет в воскресенье. Иногда Жакен принимался считать. «Среда, четверг, пятница... дням божьим конца не бывает, когда ждешь чего-нибудь!» — расстраивался старик. Чтобы как-то скоротать время, он принимался чинить инструменты, копать на бахче, а иногда, захватив с собой Коктембая, отправлялся рубить хворост. Коктембаю нравилось быть с дедом. Перед отъездом Жорабай начинает хныкать: «Я тоже поеду!» — и дед берет его с собой. Жорабая дед сажает на ослицу впереди себя, а Коктембая — позади; так они и въезжают на дорогу. Вокруг аула всюду есть заросли ценгеля, но Жакен поворачивает ослицу в сторону станции, почему — он не говорит, но Коктембай догадывается и осторожно спрашивает деда:

которые уже топтались возле него. — Чем стоять, разинув рот, лучше почитай. — Он сунул письмо Коктембаю, потому как тот стоял ближе всех. Коктембай не умел читать. В школу он должен был пойти еще в прошлом году, но отец его не пустил. «Чем больше проживешь, тем больше ума наживешь, а пока помогай матери. Учиться всегда успеешь», — сказал он. Старый Жакен совсем забыл об этом. Келес и Шолпан поглядели на деда, мол, чего это он, и прыснули от смеха. Коктембай обиделся, он смотрел на мелкие буквы и еле сдерживался, чтоб не заплакать.

Жакену не терпелось узнать, что же ему пишет сын.

— Ну, чего уставился, читай. Ах, да ты ведь еще в школу не ходишь, — сказал он и отдал письмо Шадену.

Дети еще не видели, чтобы их отец когда-нибудь читал книги или газеты, правда, он любил между делом сказать: «...и мы в свое время читали». Шаден долго не мог прочесть слов «любящий вас» и, вконец запутавшись, отдал письмо Келесу.

Келес стал бойко читать, читал он быстро и понятно. Жакен стоял довольный и поглаживал свою седую бороденку.

Письмо было не очень длинным. Таласбай писал, что он жив и здоров, что скоро собирается защищать докторскую. А затем поедет с женой на курорт. По пути он заедет в аул, оставит там на время сына.

Келес кончил читать, но все молчали, словно ждали еще чего-то. Молчание нарушил почтальон.

— Молодец! — крикнул он, хлопнув в ладоши. — Мужчина не забывает своего отца! А те некоторые сыновья заживут своей жизнью, а о родителях и не вспомнят.

— На курорт собирается, умища. Учение, оно человека большим делает. Видно, доктором хочет стать, решил, наверное, подучиться этому на курорте, — предположил Шаден.

— Племянник наш уже семь лет как женился, вот бы увидеть его жену да и сына, он ведь, кажется, нашему Жорабаю ровесник. Но са-

Почтальон Мерекбай еще издалека увидел Жакена возле его дома.

— Жакен, а Жакен! — закричал он. «Что с ним случилось? Весь аул всполошился», — подумал Жакен, продолжая чистить арык, ведущий в сад.

Мерекбай не унимался.

— Слышишь, Жакен! — задыхаясь, кричал он, погоняя своего упрямого осла.

— Ну что, что случилось? — Жакен недовольно посмотрел на почтальона.

— Сюйиши, тебе письмо от сына!

— От какого такого сына? — уже спокойно, смакуя каждое слово, произнес старик.

— Да от того, что в Алма-Ате, от ученого твоего сына...

— А, от Таласжана... — Голос старика дрогнул, и он, отбросив кетмень, подбежал к Мерекбаю, который еще не успел слезть с осла.

— Ах ты, милый, видно, ему письмо захотелось написать. — Жакен взял письмо у почтальона. — Вспомнил своего старика отца, не забывает он родни своей... — И, что-то бормоча, старик стал суетливо вскрывать конверт. Вынув из него лист бумаги, он поднес его близко к лицу, но, пробежав глазами по строчкам, посмотрел на Мерекбая: — Кричать-то ты умеешь, а вот попробуй-ка прочесть.

— Жакен, я ведь тоже в грамоте не силен, вот если бы кто-нибудь из детей...

— Эй, кто там есть! — крикнул Мерекбай.

Жакен живет один, но сосед — его младший брат Шаден. Два дома давно жили одной семьей, как говорится, только дым из труб этих выходит отдельно; дети Шадена считают Жакена своим дедом.

Сначала появились Келес, Шолпан и Жорабай, они наперегонки бросились к деду. Потом подошел и сам Шаден, он только что вернулся с работы. За ним, на ходу поправляя платок, вышла его жена, Салжан. Жакен глядел на них, улыбаясь.

— Прочтите это, — важно сказал он детям, ко-



Шарином, то Шареном, а то и вовсе Шаденом... Жену Таласбая он называл Пары, имя Файруза ему было трудно произносить. Салжан же называла ее «русской невесткой».

Как-то Жакен повел внука и сына на бахчу, стал рассказывать, что он каждый год сажает и какой бывает урожай. Жакен сказал сыну, что каждую осень он оставляет для него несколько отборных арбузов... Потом он стал показывать свое хозяйство, негую корову, которую доила еще Айма, передал просьбу старухи подарить корову невестке. На это Таласбай усмехнулся, а Шаден сказал: «Да разве можно держать корову в городе?! Пусть себе гуляет на воле».

Они сели на длинное бревно, что лежало во дворе, и старик стал говорить о своем инокходе:

— Во всей округе нет инокходца лучше моего, а мне теперь не то что на коне, на осле ездить трудно. Взял бы ты его себе да ездил, а если нельзя, так хоть бы здесь покатался.— Старик вздохнул.— Да, не те джигиты пошли теперь...

— Ну зачем ученому человеку конь? Они на «Волгах» ездят! — возразил Шаден, желая польстить Таласбаю.

Таласбай вел себя сдержанно и не поддерживал разговора. Но старик все рассказывал о своей жизни, о здоровье, которое с каждым днем ухудшается, потом почему-то замолчал, стал сосредоточенно ковырять землю палкой и вдруг спросил сына:

— Так и будешь жить в Алма-Ате? Вернулся бы лучше на родину...

Таласбай не ответил.

— Помру, будет кому хоронить. Только вот трудно на старости лет жить одному.— Жакен хотел еще что-то сказать, но Таласбай прервал его:

— Ведь есть и кроме меня родственники.

Старик промолчал.

Таласбай гостил недолго и уже через два дня стал говорить об отъезде. Невестка всем своим видом показывала, что в ауле ей не нравится, и не хотела оставлять здесь сына. Но, поговорив наедине, супруги решили оставить Шегена в ауле, как было обещано старику. На третий день они уехали, воспользовавшись тем, что Шеген убежал играть с ребятами. Провожать их к поезду вызвался Шаден. Таласбай считал, что старику незачем ехать на станцию, и Жакен холодно попрощался с сыном у ворот своего дома. Он был недоволен столь поспешным отъездом Таласбая.

Узнав, что родители уехали без него, Шеген принялся реветь и не давал покоя своим капризами ни старику, ни всему семейству Шадена. Ему впервые пришлось расстаться с родителями. Сдружиться с аульскими ребятами мальчику было трудно: он не умел говорить толком по-казахски. Дед был рад, что внук гостит у него, но когда Шеген начинал реветь, Жакен выходил из себя:

— Послал же мне бог такого дикого мальчишку! Да убирайся ты в свою Алма-Ату!..

Впрочем, Жакен был отходчив и тут же начинал жалеть, что зря погорячился.

Каждое лето Жакен ездил косить сено на так называемый остров. Место это находилось в шести километрах от аула. Люди говорят, что остров когда-то действительно стоял посреди воды, но потом река изменила русло, и он остался на суше.

Косьба была любимым занятием Жакена, и потому каждый год он готовился к ней особенно тщательно: точил косы, менял черенки к ним, чинил арбу, готовил одежду. Помощником Жакена был прорывной Коктембай, он в любом деле всегда был рядом с ним.

Коктембай радовался, что только его одного берут на покос, и хвастал этим перед братьями. Когда вечером за чаем дед сказал: «На покос беру одного Коктембая, от вас там все равно толку не будет», — он кашлянул и посмотрел на братьев: дескать, слышали?

Утром ослицу впрягли в арбу. Коктембай уселся рядом с дедом, и они выехали из аула.

Ослица шла не спеша, ни быстро, ни медленно, а Жакен и не думал ее подгонять, он только помахивал щенгелевым прутиком и напевал мотив какой-то песни, а какой, он и сам не знал. Наверное, это была песня, слышанная им много раз в молодости, и она запомнилась ему. Старик пел, а внук сидел молча, то и дело поправляя на голове отцовскую шапку. Он как-то попросил деда:

— Ата, спой что-нибудь другое...

Тогда старик долго, негромко смеялся и сказал:

— Другой-то я не знаю.

Песня была непохожа ни на те, что пели Келес и Шолпан, ни на те песни, которые пели взрослые парни и девушки аула. Коктембай решил, что это только дедушкина песня.

И вот он снова занял ее. Внук притих, и даже белая ослица пошла в такт этого бесконечного напева.

Коктембай знал, что ослица уже старая. Раньше она была резвая, и Жакен часто хвалил ее: «Такой ослицы, как у меня, ни у кого нет». Прошлой весной у нее родился ослик. Он был точь-в-точь как мать. Дети часто приходили смотреть на него, и тогда ослик отбегал и прятался за мать. Ослица ревновала его к детям и строго смотрела на них. Ослик, подрастая, становился все красивее. Вскоре он уже весело скакал вокруг матери и ржал.

Жакен подарил ослика Коктембаю и сказал, что, когда ослик подрастет, ездить на нем будет он. Как радовался тогда Коктембай, каким красивым казался ему ослик! Как красиво он скакал, прыдал длинными ушами! Даже то, как ослик пил из корыта, казалось мальчику прекрасным.

Прошло лето, прошла и осень. Выпал снег. Ослик вырос. Чтобы он не мерз, Жакен укрывал его старым чапаном.

Старик порадовал Коктембая, сказал, что ослик к весне окрепнет и на нем можно будет ездить.

Пришла весна. И вправду ослик стал совсем большой, теперь он уже иногда пасся отдельно. Жакен смастерил для него уздечку.

Весна была ранняя, и потому трава быстро поднялась. Все чаще на лугах стал появляться обезданчик Шодыр. Жил он на ферме, но жители аула хорошо его знали: Шодыр часто угонял к себе коров, которые забирались на совхозный луг. Коктембай тоже его знал: смуглый мужчина с торчащими усами гонялся на лошади за детьми...

Обычно ослик пасся у дороги, там, где начинался луг. Однажды он исчез. Первым это заметил Коктембай. Примчавшись домой, он рассказал о пропаже ослика деду, тот принялся искать его. Верхом на белой ослице он несколько дней ездил по тугайм. Коктембай с нетерпением ждал результатов поиска, а иногда сам отправлялся с дедом. Но ослик так и не нашлся.

Прошло дней двадцать. Ослика нигде не было. Однажды Жакен уехал по делам на соседнюю ферму. Вернулся он оттуда очень рассерженный. Встретив Шадена, он стал что-то быстро говорить, размахивая руками. Коктембай не слышал разговора, он понял только то, что на ферме дед видел ослика во дворе у Шодыра. Дед хотел было увести его, но обезданчик стал кричать и издеваться над стариком: «Уж не думаешь ли ты, что, кроме твоего осла, на свете других нет? А ну, убирайся отсюда! Этого осла мне подарили дальние родственники». Шодыр хотел вытолкнуть старика за ворота. Они схватились... И действительно Коктембай заметил, что ворот чапана у деда порван... Эх, быть бы взрослым и сильным, пойти бы сейчас к этому Шодыру, трахнуть его как следует по башке, а потом сесть на ослика и ускакать...

Коктембай не видел ни ослика, ни Шодыра еще два месяца. Но как-то раз в дом с криком вбежал Жорабай:

— Ослик вернулся! Белый ослик! Он там, во дворе!..

Все, кроме Жакена, сидели за чаем. Коктембай вскочил и первым выбежал во двор. За ним Келес и Жорабай... Шаден из дому выбрался лениво, в одной руке он держал шапку, в другой — пиджак. Глава семейства недовольно бормотал:

— Чего это они все всполошились? Какой там еще белый ослик?.. А сам-то старик куда запропастился? Ведь это он все носился с ослом.— Шаден никак не мог найти рукав пиджака.

Во дворе стоял белый ослик. Он удивленно смотрел на людей, суеящихся вокруг него. По оборванной веревке, болтавшейся у него на шее, было видно: ослик сбегал.

— Он мать свою ищет! — закричал Коктембай, когда ослик вдруг отвернулся от людей и заревел. Жорабай и Келес кивнули, а Шаден решил сделать вид, что ему тоже жалко ослика, и сказал:

— Надо же, хоть скотина, а понимает.

Дети окружили ослика и решили загнать его в стойло, но он уже не шарахался, как раньше, а смиренно пошел сам.

После полудня из соседнего аула вернулся Жакен. Старик вместе с детьми радовался возвращению ослика, долго гладил его.

На закате в аул приехал Шодыр. Увидев ослика, он направил коня прямо к дому Шаде.

«Шодыр едет!» — сказал кто-то. Это имя подействовало на всех так, будто появился вестник смерти. Жакен направился к воротам, за ним дети, позади всех плелся Шаде.

— Носитесь с паршивым ослом, будто с калымом за невесту, — по привычке ворчал он.

Салжан в это время готовила чай, но, увидев в окне Шодыра, забеспокоилась:

— Как бы этот дурень нашего старика не побил.

А Шодыр уже успел въехать во двор, он слез с коня и стал отвязывать ослика, словно это была его собственность.

— А ну пусти! — закричал старик.

— И не подумаю. — Шодыр, не обращая ни на кого внимания, повел ослика к воротам.

— Не хочешь, так я тебя заставлю! — Жакен бросился отнимать повод, но от толчка Шодыра отлетел и упал на землю. Жорабай не выдержал и выругался. Келес кинулся было на обидчика, но тот прикрикнул на него так, что Келес, испугавшись, остановился. Коктембай помогал деду подняться с земли.

Жакен больше не подходил к Шодыру. Он стоял молча и тяжело дышал. Влеза в седло, Шодыр покосился на него и пригрозил:

— Погоди, ты у меня еще не то получишь!

Все молчали, а Келес прыгал и махал руками, стараясь наугад лошадь под обездвиженным, а когда тот развинулся и поскочил, погоняя впереди себя ослика, он пустил ему вдогонку еще несколько крепких словечек. Коктембай все еще стоял возле деда. Ему было жаль старика, но мальчик даже не успел придумать, что бы такое сделать Шодыру, как тот уже ускакал.

— Что это он? За людей нас не считает, так, что ли? — спросил Шаде, глядя на Жакена.

Ему никто не ответил.

После этого случая ослик больше не возвращался.

...Арба ехала, раскачиваясь и стуча колесами. Солнце припекало все сильнее. Коктембай стало жарко, и он снял шапку, положил ее на колени.

Жакен больше не пел своей песни, он сидел молча и только изредка слезывал. Вдруг он стал суетливо шарить у себя по карманам. Наконец он отыскал пузырек с насыбаем и понюхал. Раздалось оглушительное чихание, от которого испуганная ослица резко рванулась вперед, а Коктембай едва не свалился с арбы. Старик долго негромко смеется, и смех его сливается со скрипом колес.

Они приехали на остров. Здесь трава росла попеременно с тростником. Хотя Жакен еще не приезжал сюда этим летом, его предположения сбывались: трава и нынче на острове удалась густой и высокой.

Жакен выпряг ослицу. Стало совсем жарко, поэтому старик, прежде чем начать косить, снял с себя верхнюю одежду и остался в одной рубашке. Он встал, широко расставив ноги, и несколько раз взмахнул косой. «Слава богу, есть во мне еще силена», — проговорил он, глядя на то, как ложится ровными рядами скошенная трава.

В молодости Жакен обладал недюжинной силой. Славное то было время! Старик вспомнил, как еще до войны он работал в поле, там, за железной дорогой. Тогда он только что женился, и они с Алимой вместе трудились от зари до зари. Бывало, намахаются за день кетменем так, что вечером еле добирались до дому. Да, хорошее было время. Жакен тяжело вздохнул, стер рукавом пот со лба. А теперь он совсем старик, выкосил на лугу прогалину и рад, будто не понимает, что через минуту выдохнется. «Нет уже во мне прежней силы. Проклятие! Один я остался, Алимы рядом нет, сын и тот ушел...» Разозлившись на самого себя, Жакен принялся косить еще быстрее.

В полдень они с Коктембаем отдыхали под тенью джиды. Чай из термоса старик пил неторопясь и с таким наслаждением, будто сидел дома, перед старуханом. Белая рубашка на нем прилипла к телу, но на лице не было и следа усталости. Старик был очень доволен собой. Улыбаясь, он посмотрел на внука: мальчик лежал на спине и жевал хлеб.

— Что, сынок, устал?

Коктембай перевернулся и оказался рядом с дедом.

— Нет, а ты? — Мальчик погладил жилистую руку деда, он с интересом наблюдал, как трясется борода Жакена, — дед жевал.

Напившись чаю, старик совсем развеселился, он погладил внука по голове и похвалил его:

— Вот какой ты у меня молодец, деду помо-

гаешь. Не то что соплики Шеген с Жорабаем, они, небось, сейчас где-нибудь в ауле, в пыли зовются. — Старик засмеялся.

Когда стали укладывать в мешок посуду, Коктембай не выдержал и спросил:

— Ата, а мы еще раз сюда приедем?

— Как же, приедем, приедем...

Отдохнув после чая, Жакен снова взялся за косу.

К вечеру скошенную траву они с внуком погрузили на арбу и повезли сено в аул. Жакен посадил Коктембая верхом на ослицу, а сам с косой на плече зашагал позади арбы. Дорога к аулу была плохая, и, глядя на то, как тяжело идет ослица, Жакен подумал: «Да, многовато я сегодня травы навалил».

Старик знает, что ослица дряхлеет, чувствует это потому, что уже сам становится старым. Он видит сзади, между колесами арбы, как медленно передвигает свои заплетаются ноги старая ослица.

Вдруг ослица встала. Коктембай бил ее пятками в бока, размахивал прутиком и кричал. Ослица старалась изо всех сил, но арба только покачнулась, а с места не сдвинулась — колеса застряли в русле старого арыка.

— Ата! Не идет, — с обидой в голосе сказал Коктембай подоспевшему Жакену. Старик бросил на землю косу и пиджак. Он подошел к ослице: та стояла вся в мыле, уши у нее опустились. Старик осторожно погладил ее за ушами...

— Что, выдохлась, бедная? Стара стала.

Ослица дрожала, будто чувствовала свою вину.

— Да я и сам тебя перегрузил, будто завтра дня не будет. Человек бы пожаловался, а что может сказать ослица?

Жакен обошел арбу, уперся в нее сзади и крикнул Коктембаю:

— Гони!

Старик толкал что было сил, да и ослица старалась вовсю... Арба закричала колесами и наконец тронулась с места.

Жакен подобрал косу и пиджак и снова зашагал за арбой. Пройдя немного, он оглянулся и в последний раз посмотрел на старый арык. Когда-то он им пользовался для полива риса. Когда-то в нем журчала речная вода. Сколько раз он проходил вдоль него с кетменем на плече!

Старик устал и шел медленнее.

— Бедная скотинка, совсем выбилась из сил, — пробормотал он, глядя на арбу, которая еле двигалась, — хоть бы до дому дошла.

Но тут, как бы назло чайниям старика, арба остановилась. Послышался крик Коктембая:

— Ата! Ата!..

Жакен подцепил косу к передку арбы, дал подержать Коктембаю пиджак, а сам стал разматывать веревку, которой было перетянута сено. Сбросив часть травы, он снова перетянул воз веревкой и крикнул Коктембаю: «Гони!» — и стал подталкивать арбу сзади. На этот раз ослица стонула арбу гораздо легче.

Ближе к аулу дорога была совсем плохая, и Жакен из жалости к ослице продолжал подталкивать арбу. Он устал, ему хотелось пить.

— И чего это я на старости лет надрываюсь? — поругивал он себя. — Сам устал, животное мучаю. Скотина, сено... Зачем? Кому это нужно, если единственного сына бог сделал бродягой?

Стариком опять овладело чувство недовольства.

На следующий день Жакен заболел, ему не хотелось есть, из дому он не выходил. За сеном они не поехали, поэтому сегодня Коктембай с ребятами отправился играть. В полдень, когда дети играли перед домом Саулебая, к ним подошел мальчишка постарше и сказал:

— Артисты приехали. Будут выступать перед рабочими.

До этого артисты не появлялись в ауле, здесь иногда, раз в год, а то и реже, показывали кино. Понятно, что новость ошеломляюще подействовала на детей, и они мигом разбежались по домам, чтобы сообщить ее родителям.

— Лишь бы отец денег дал, а то говорят, дороже, чем кино, — сказал Жорабай, на ходу вытирая ладонью вспотевший лоб.

— У отца просить без толку, но мне-то дед даст обязательно.

Жорабай посмотрел на брата и сказал прямо:

— А я все равно попробую!

Мальчишки, шлепая босыми ногами по уличной пыли, подбежали к дому. Там, во дворе, они увидели Келеса и Шолпан.

— Артисты! — заорал Жорабай.

— Артисты приехали, они будут выступать перед рабочими, — подтвердил Коктембай.

Келес побежал к матери. Салжан в это время пекла хлеб в печи.

— Мама, говорят, артисты приехали!

— Какие еще артисты? Им у нас делать нечего, они не иначе как заблудились. Пойдите отцу расскажите.

Шаде бродил по огороду с кетменем на плече. Дети побежали к нему. Поначалу весть о приезде артистов никак не подействовала на него, но когда он услышал, что цена билета пятьдесят копеек, вздрогнул.

— Гляди-ка, до чего обнаглели проходимцы! Да я лучше дома посижу, чем на них глазеть. Что я, министр вам, каждому по пятьдесят копеек выдавать. А ну, марш отсюда!

Перед домом Саулебая натянули полотно, на котором были нарисованы скалы, а перед ним установили занавес. По аулу распространилась весть, что будут ставить «Енлик и Кебек»<sup>1</sup>. Дети не поняли, что такое «Енлик и Кебек», они опять побежали по домам. Шаде снова стал проклинать артистов, обзывать их бродягами, проходимцами, но, увидев, что дети не отстанут, достал из кармана мятую рублевку, горсть мелочи и дал Келесу, как старшему.

Тут к нему подошла Салжан.

— А сами-то что, не пойдем? Артисты не каждый год приезжают.

— Ну вот, и ты туда же, постыдилась бы, здорова, как корова, а все туда же...

— Надо же быть таким скаредным! Да не разоримся мы с этих артистов! — зачастила Салжан, но муж ее оборвал.

— А ну замолчи, говорю! — Шаде сверкнул глазами. — Тебе-то что надо, лучше бы за стариком посмотрела, нет ему чай вовремя приготовить или еще чего, так тебе бы на артистов глазеть.

В это время Жакен появился на пороге дома, и Шаде порадовался, что слова «нет бы за стариком посмотреть» были сказаны кстати.

Пока Шаде выговаривал жене, кто-то сказал, что спектакль будут показывать бесплатно, колхоз решил оплатить представление.

Дети побежали к дому Саулебая. Шаде остановил Келеса и отобрал у него деньги:

— Дай-ка их сюда, а то еще потеряешь.

Ребятина со всего аула собралась за полчаса до начала. Дети выясняли друг у друга, кто же такие артисты, и разглядывали нарисованные на полотне скалы.

— Не пылите перед домом, пострелы! — кричал на них Саулебай, но его никто не слушал.

С полевых станов приехали рабочие, они поужинали в столовой и теперь небольшими группами, по два-три человека, сходились к дому Саулебая. Подходили и другие жители аула. Шаде тоже пришел.

Коктембай, Жорабай, Келес и Шолпан сидели на старой кошме, которую они принесли из дому. Появление Шаде первым заметил Жорабай, он стал трести Коктембая за плечо:

— Гляди, отец пришел.

Коктембай обернулся, он не думал, что отец придет на представление после того, как сам обзывает артистов бродягами и проходимцами. Однако Шаде теперь не был такой хмурый, как час назад, он радостно заулыбался, когда заметил своих детей среди других ребятшек.

Перед началом спектакля на сцену вышел усатый мужчина, он поговорил немного, а когда кончил говорить, все захлопали в ладоши. Потом выступил председатель. Он стал за что-то ругать рабочих и закончил свою речь словами:

— В будущем надо повысить темп заготовки кормов.

Наконец раздвинулся занавес. Вдруг из-под скалы с криком «шек-шек шегенек»<sup>2</sup> выбежал человек в старой шапке. Дети дружно засмеялись. Взрослые тоже смеялись. Жорабай весело посмотрел на Коктембая и кивнул на сцену: гляди, мол.

Вначале Коктембай ничего не мог понять, удивленно глядел на сцену и часто моргал. Он думал, что человек и в самом деле выбежал из-за скалы. В горах Коктембай не был, только много слышал о них.

В прошлом году дед обещал свозить его к родственникам, которые живут неподалеку от гор, да заболел. Коктембай смотрел на нарисованную вершину, и ему казалось, что гора настоящая и что он сидит у ее подножия. Ему захотелось по-

<sup>1</sup> Драма М. Ауэзова. Здесь и далее Енлик, Кебек, Абыз, Есен — персонажи пьесы.  
<sup>2</sup> Припев пастушьей песенки.



смотреть еще выше, он поднял голову и увидел старый остов от юрты, что лежал на крыше дома Саулебая; и тут мальчик понял, что гора нарисованная. А когда на сцене появились Енлик и Кебек, он опять заинтересовался. Одежда на них была такая красивая, и сами они были очень красивые.

— Да, вот это влюбленные! Не то что нынешние бездельники, — сказал сидевший неподалеку старый тракторист.

Глядя на Енлик и Кебека, Коктембай подумал: «И почему Кильбай со своей девушкой не такие?» Кильбай — это сын Саулебая. Недавно по аулу прошел слух, будто па парень собирается жениться, но потом пошли разговоры, что невеста в нем разочаровалась, говорили, что она сбежала с другим парнем. Сейчас об этом уже никто не вспоминает в ауле. Но вначале все радовались предстоящей свадьбе, а особенно дети. Впрочем, теперь и они успели забыть.

В прошлом году выдавали замуж сестру Кильбая, Салиму. Коктембай до сих пор хорошо помнит это. Перед свадьбой Шаден радовался, что он оказался в числе тех, кто поедет сопровождать невесту в аул жениха, и все хвалил Саулебая: «Наш Сауке удачливый, и все хвалил жениха: «Хороший парень, из уважаемого рода. Чт и говорить, и Салима наша тоже писаная красавица».

И вот наступил день свадьбы. Приехали сваты. Во время обсуждения вопроса, что же понести на свадьбу, Шаден поссорился с женой. Он собирался повести хромую козу, но Салжан стала возражать: «Да ты что, тебе люди такую честь оказывают, невесту сопровождать поручают, а ты с хромой козой на свадьбу заявляешь хочешь!» На свадьбу было решено повести овцу.

Они пошли на свадьбу. Шаден вел на веревке овцу, Коктембай с Жорабаем подгоняли ее сади. За ними шла Салжан на голове у нее красовался новый платок. Келес и Шолпан были тогда в интернате. На свадьбе было весело, собралось много детей, они играли, собирали сладости, которыми осыпали невесту. Коктембаю совсем не хотелось домой.

Но вдруг Шаден, который до этого был весел и помогал обслуживать гостей, подошел детей и сказал: «Одевайтесь, мы уходим. Пропади они пропадом вместе со своей свадьбой!»

Оказалось, что людей, которые должны были ехать с невестой, хватало и без него, и Шадена было решено оставить. Салжен тоже обиделась, и они ушли со свадьбы. По дороге Шаден все время ворчал на жену:

— Ну что, довольна? Погуляли на свадьбе, овцу ни за что ни про что отдали.

— Кто ж мог знать, что задаром пропадет овечка? — оправдывалась Салжан.

Дома Шаден продолжал ругать Саулебая, называл его старым дураком. Жена ему поддакивала и добавляла: «Что жених, что сваты — все уроды какие-то, один к одному!»

Коктембай сидел возле печи и слушал родителей. Мальчик не знал, правы они или нет, ему просто снова захотелось оказаться на свадьбе. Он понял, что родители ни за что не вернутся на свадьбу, и потому, уловив минуту, он тайком от брата выбежал со двора и один направился к дому Саулебая.

Ночь была ясная, в небе ярко светила луна. Дети до полуночи играли возле дома в прятки. Вдруг кто-то сказал, что невеста отправляется в дом жениха. Все сразу столпились у дверей. Две женщины с плачем под руки вывели Салиму из дому. Все старухи тоже плакали и прощались с невестой. К воротам подкатил трактор «Беларусь», к нему сзади была прицеплена тележка. Почтальон Мерекбай поднял руку и громко сказал: «Хватит! Успокойтесь». Невесту подвели к трактору и посадили в кабину. Провожажющие устроились в тележке. Парень в сапогах, у которых одно голенище было подвернуто, а другое нет, прыгнул в кабину и, не обращая внимания на крики людей, тронул трактор с места.

Коктембай вернулся домой среди ночи. Отец принялся ругать его: «Уж без тебя не удалась бы у Саулебая свадьба», — но мальчик не обратил внимания на его слова.

...Свадьба надолго запомнилась Коктембаю. Салима была такая же красивая, как Енлик, а какой был ее жених, он не знал.

Мальчик глядел на сцену, на которой появлялись новые люди.

Батыр Есен Коктембаю не понравился, он чем-то напоминал ему объездчика Шодыра. Зато мудрый старик Абыз ему сразу полюбился, он был очень похож на деда. И говорил он поспо-

вицами, точно так же, как Жакен в беседах со стариками, своими ровесниками, и борода у него при этом тоже смешно дрожала. Коктембай поднялся со своего места и стал перебираться поближе к сцене, ему хотелось получше рассмотреть Абыза. Когда Абыз, раскинув ладони, благословлял Кебека, Коктембай захотел крикнуть: «Ата!» — но он вспомнил, что дед остался дома. Он обязательно пришел бы, если б не болел. А может, сбежать за ним? Мальчик стал озираться и заметил, что Шеген уже спит, Шолпан тоже клюет носом, из младших только Жорабай, опершись спиной о Келеса, внимательно глядит на сцену.

Когда убили Енлик и Кебека, зрители стали возмущаться.

— Вот негодяи! — опять крикнул старый тракторист. Коктембай обернулся — тракторист вытирал платком глаза. Коктембаю опять вспомнилась Салима, оказывается, ей еще повезло, ведь ее просто увезли на тракторе.

Что Енлик и Кебек умерли, Коктембай не понимал, это ему объяснили взрослые. Сон стал одолевать мальчика, и он не помнит, что было дальше, он то просыпался, то вновь засыпал...

Спектакль кончился. Зрители стали расходиться. Оказалось, что несколько детей уснуло прямо на земле, другие детишки терли глаза спронею. Шаден подошел к своим детям. «Вы что? Спать сюда пришли!» Он стал трасти Шолпан. Шеген никак не хотел просыпаться, и Шадену пришлось взвалить его на спину. Они пошли домой.

Жакен еще не спал, когда они вернулись. Старик встретил их в одной рубашке. Он взял на руки спящего Шегена.

Стали укладываться. Коктембай лег рядом с дедом. Он снова вспомнил про Абыза. Ему захотелось поинтересней рассказать про него деду. Он не выдержал, погладил маленькой ладошкой деда по бороде и сказал:

— Ата, ты знаешь, там был один старик, точно такой же, как ты.

— Где?

— У артистов.

— Точно такой, как я?

— Да, точно такой, как ты, ата.

— Бог ты мой... — Жакен беззвучно смеялся. — Если такой же, как я, значит, быть артистом не такое уж трудное дело.

Коктембай стал ему что-то объяснять, рассказывать, но вдруг замолчал и уснул. «Вот глупыш». Жакен поднялся и как следует укрыл внука одеялом.

«Говорит, видел такого старика, как я. Будь он такой, как я, он, наверное, не был бы артистом». Жакен разговаривал сам с собой и тихо смеялся в темноте. По обе стороны лежали два его внука. Скоро уснул и сам Жакен...

Утром, когда Коктембай пошел искать тельца, возле дома Саулебая он встретил того усатого мужчину, который вчера выступал перед спектаклем. Рядом с ним шел высокий парень. Мальчику показалось, что он где-то видел его. Он пошел быстрее, волоча за собой по земле центелевый прут, обогнал взрослых и еще раз с ног до головы оглядел парня. Где же он его видел? Коктембай стал вспоминать и догадался, что это тот парень, который вчера играл старика Абыза. Вот он оглянулся, посмотрел на мальчика — на Коктембае были короткие, чуть ниже колен штаны, на голове дедова тубетейка. Парень погладил мальчика по голове. Коктембай заулыбался.

— Тебя как зовут?

— Коктембай.

— А чей ты сын? — Парень похлопал его по спине, Коктембай расплылся от радости, он поправил тубетейку и сказал:

— Шадена... нет, я дедушкин сын.

— А кто такой Шаден?

— Это мой папа...

— А в каком классе ты учишься?

— Я еще не учусь, отец не пускает. — Коктембай насупился.

— Ничего, малыш, будешь еще учиться.

— Когда, этим летом?

— Конечно. А кем ты хочешь стать?

— Я... я хочу стать артистом. — Коктембай сбил тубетейку на ухо.

— Молодец! — Парень поправил ему тубетейку. — Как, ты сказал, тебя зовут?

— Коктембай.

— Отличное имя, коктем означает весна, ты, наверное, весной родился?

— Да, весной, во время окота овец, так мама говорит.

Парень взял Коктембая за руку, и они вместе пошли по улице.

— А ты был вчера на спектакле?

— Да, вы там стариком Абызом были, мне этот старик понравился.

Парень посмотрел на мальчика и молча поцеловал его в лоб. Коктембай покраснел, он провёл рукой по этому месту и спросил:

— А когда вы еще приедете?

— Приедем, обязательно приедем.

— В наш аул? Когда, следующим летом?

— Да, конечно, следующим летом обязательно приедем.

Коктембай задумался: «Следующее лето — это далеко...»

— А зимой приедете?

Парень еще раз поцеловал его и сказал:

— Мы спешим. Сейчас уезжаем, прощай...

Он побежал догонять своего друга. Коктембай видел, как он догнал его, как они остановились. Парень что-то говорил и показывал рукой в его сторону. Они зашли в дом Саулебая. Коктембай стал ждать. «Наверное, скоро выйдут», — решил он, но они не появлялись. Не дождавшись, Коктембай поднял на плечо прут и побежал искать тельца.

На следующий день дети решили играть в артистов. Раньше они играли в семью, но теперь решили играть в настоящих артистов. Сначала они попробовали сыграть «Енлик и Кебек». Дети договорились, что Шолпан будет играть Енлик, Келес — Кебека, Коктембай — старика Абыза. Жорабай отказался быть Жапалом, а Шеген, как они решили, в артисты не годился.

Игра не удалась, потому как нужны были еще артисты, а потом Жорабай ничего не мог сказать, кроме как «шек-шек».

— Давайте играть в дядю Таласбая, — предложил Коктембай.

Это оказалось легче, чем «Енлик и Кебек». Келес исполнял роль Таласбая, он засунул себе под рубашку подушку из колыбели и подпоясился широким ремнем. Коктембай играл деда, для этого он издал его малахай, тоже подпоясился и ходил согнувшись. Шолпан нарисовала себе губы красным карандашом — она изображала Файрузу.

Игра детям понравилась, и они играли в нее три дня, до тех пор, пока не поссорились из-за красного карандаша. Келес стал обвинять Шолпан в том, что она совсем его испортила, отобрал карандаш и больше не давал.

Прошел месяц. Таласбай с женой вернулись в аул. Задерживаться они не собирались и потому чемоданы оставили на станции у дежурного. Файруза взяла с собой только вещи, которые она купила Шегену. У нее была еще сетка с яблоками.

Дети играли возле колодца; когда на дороге показались гости, они наперегонки бросились встречать. Горожанам пришлось идти со станции пешком четыре километра. Таласбай отстал от жены, он разделся и шел в одной майке. Файруза тоже вся вспотела, но выглядела не так жалко, как муж. Шеген подбежал к матери. Он был в одних трусах, весь обсыпанный песком, на загорелой шее сверкали капельки пота. Таласбай торопливо обнял сына и тут же, отдуваясь, уселся на обочину дороги. Подошли другие дети, и Таласбай дал подержать Коктембаю рубашку и Жорабаю пиджак. Файруза отдыхала стоя, подперев руками бока, она сильно загорела, и кожа у нее блестела. Файруза разглядывала сына, гладила его по загорелой спине, охала и что-то говорила мужу по-русски. Таласбай все еще не мог прийти в себя, он достал платок, вытер пот со лба и стал обмахиваться. На слова жены он только лениво кивал головой.

Возле дома гостей встретили Жакен и Салжан.

— Ну как доехали, милые? Мы-то вас ждем не дождемся! — радостно заговорил старик, но Таласбай отвечал на расспросы нехотя и односложно, а Файруза стала упрекать Салжан в том, что она плохо ухаживала за ее сыном. Но Салжан в долгу не остался:

— Мы, милая, за детьми не очень-то смотрим. Бегают, в пыли да в золе возятся, а в люди выходят. Посмотри на мужа своего, он не исключение, а большим начальником стал.

Файруза промолчала и принялась раздавать детям яблоки. Шегену она дала самое большое и красное. Таласбай к этому времени умылся холодной колодезной водой и наконец пришел в себя.

За чаем было невесело. Таласбай с женой разговаривали о чем-то по-русски, на остальных они не обращали внимания. Шеген перестал играть с детьми и вешался на шею то матери, то

отцу. Совсем недавно он был смиренный, как поиманный зайчонок, а теперь вдруг будто взбесился.

Жакен кашлянул, посмотрел на сына и стал рассказывать про свою болезнь. Сын возлежал на мягком одеяле, обмахивался и слушал отца с равнодушным видом, а когда старик кончил говорить, сказал только: «Лечиться нужно». Больше ни о чем не говорили. Шадена дома не было, он еще не вернулся с работы, но Таласбай даже не поинтересовался, где он.

Утром гости собрались уезжать. Как и в прошлый раз, до станции их довезет Килыбай на своем мотоцикле. Жакен тоже решил проводить сына и отправился на станцию верхом на ослице. В ауле с домашними гости попрощались холодно. Салжан была в обиде на невестку, на прощание она сказала ей:

— Ну, невестка, аул ты увидела, теперь, надемся, будешь приезжать чаще. — А потом вернулась и пошла за дровами в глубь двора.

Жакен поил ослицу. Возле отъезжающих был только Шаден, прощаясь, он все жаловался Таласбаю на то, что нужны деньги. Таласбай молчал. Тут послышался рев мотоцикла, это подъехал Килыбай. Гости стали усаживаться. Жакен тоже принялся седлать свою ослицу.

Ослица совсем исхудала, и казалось, еле держится на ногах. Старик надел на нее недоуздок. «Надо же, бедняжка, раньше с ней и с уздой не управиться было, а теперь недоуздка слушается», — подумал Жакен, вставляя ногу в стремя. Он подпрыгнул, но с первого раза влезть в седло ему не удалось. «Да, но ведь и я когда-то на нее одним прыжком садился...» Ухватившись за луку, старик с трудом взобрался в седло. От натуги у него на глазах появились слезы. Старая ослица, с трудом передвигая ноги, пошла.

На обратном пути со станции Жакен вел ослицу на поводу. «Зря я на ней ездил, хвораю она», — сокрушался старик. Во дворе он расседлал ослицу, задал корм, принес воды, но она ни к чему не притрагивалась. Старик заметил, что она дрожит всем телом, и то и дело подходил к ней. Шадену все это не понравилось. «И чего страдать, будто это скакун, а не ослица, нет, отвести ее в тугай да бросить там, все одно сдохнет», — сказал он как-то, проходя мимо. В ответ старик только хмуро посмотрел на Шадена.

Через три дня ослица сдохла. Коктембай видел, как она умирала. Утром, когда они с дедом пришли в загон, она вдруг упала, задрала все четыре ноги, закатила глаза, потом перевернулась на бок и замерла. Жакен стоял, держась за поясницу, и глядел на нее. Потом он пошел в другой конец двора и выкатил оттуда арбу. Коктембай понял, что задумал дед. Вдвоём они завалили ослицу на арбу. Старик подобрал развязавшийся пояс, захватил кетмень, что лежал на крыше навеса, и они с внуком выкатили арбу со двора. На пустыре за аулом Жакен остановился, снял шапку и пояс, повесил их на куст шенгеля, поплевал на ладони и принялся копать. Коктембай смиренно сидел под кустом, на котором висели дедова шапка и пояс, и молча глядел на Жакена. Он удивлялся тому, как здорово работает дед, а ведь он сейчас болеет.

— Ата, а белый ослик будет искать свою мать?

— Может, будет, а может, и нет, кто знает...

Старик перестал работать, оперся о кетмень и посмотрел на внука. Может, он вспомнил своего сына?..

Когда он три дня назад добрался до станции, на перроне парень в красной фуражке показал, где ему найти Таласбая: «Ата, ваш сын вон, в том вагоне». Жакен подошел к вагону. Никто не вышел ему навстречу, хотя Таласбай и знал, что отец должен приехать.

Сам старик войти не решился, и в это время поезд тронулся.

Жакен приехал попрощаться с сыном, он знал, что Таласбай нескоро теперь приедет. Хотелось ему поговорить с ним, может быть, последний раз, ведь болезнь делает свое дело, и с каждым днем Жакен становится все слабее. А сын уехал. Приехал и уехал.

Жакену не хотелось думать об этом, он осторожными взмахами кетменя начал выбирать глину из ямы. Глубинною яма была уже выше колена, старик еще раз прикинул, достаточной ли она длины и ширины. Затем он стащил в яму ослицу. «С этой скотинкой мне много лет пришлось провести вместе. Сколько времени утекло, вот и я состарился, а земле разницы нет, кто осел, что человек», — подумал Жакен, глядя в яму. Старик стал осторожно забрасывать



ослицу землей. От мыслей о бренности жизни его отвлек голос Коктембая:

— Ата, помнишь, когда в прошлом году у хромого пастуха умер осел, его не закапывали, а просто бросили в тугай.

«Сейчас не то что осла, человека похоронить забудут», — хотел было сказать Жакен, но сдержался и вместо этого сказал мальчику:

— Э, да хромой пастух просто глухой человек.

Потом подумал про себя: «Да разве мало таких псов по земле ходит, только ничего с ними не сделаешь». Старик и сам не знал, на кого он сейчас сердился. Он стал яростно забрасывать яму землей...

К аулу арбу Жакен катил один. Когда-то мастер Кудебай сработал арбу для своего сверстника Жакена. Давно это было. Арба теперь вся разболталась, многих перекладин не хватает, да и зачем она теперь, ослиная арба, когда нет осли?

Приближалась осень. Скоро Шолпан и Келес должны отправиться в интернат. В ауле нет своей школы: раньше здесь была начальная, но ее закрыли, потому что детей было слишком мало. С тех пор аульные дети с наступлением осени разбегаются. Келес и Шолпан учатся в интернате, в районном центре. Коктембаю шел девятый год, в школу он должен был пойти еще в прошлом году, но тогда Шаден его не пустил, сказав, что еще год он может подождать. И теперь, когда учебный год вот-вот начнется, Коктембаю то и дело напоминал отцу: «Папа, а тоже пойду в школу». Но Шаден по-прежнему обращает внимания на слова сына.

— Мать твоя к зиме опять родить собирается. У нее еще один малыш будет, кому же за ним смотреть?

Коктембаю — хороший помощник дома, потому-то и Салжан отпустить его неохота. «Пойдешь в следующем году, от других не отстаешь», — успокаивает она его. На следующий год в школу будет пора идти Жорабай.

Коктембаю хочется поскорее пойти в школу. Он завидует Келесу и Шолпану, когда они по воскресеньям приезжают домой на поезде. Уж в этом году он обязательно пойдет учиться, решил Коктембаю. За неделю до начала занятий в аул приехал кудрявый парень, он ходил по дворам и составлял список детей, которые должны поехать в интернат. Записал и Коктембаю, пообещав ему перед уходом: «В этом году обязательно будешь учиться». Прошло три дня, Келес и Шолпан стали собираться в школу.

— Нашли время для учебы, — жаловался Шаден. — Осень, тут столько дел, кликнешь кого-нибудь из детей, а их как в армию позабирали. Нет бы начинать с зимы, разве до лета не упрямились бы как-нибудь со своей учебкой?

Но тут Салжан не упускала случая посмеяться:

— Надо было тебя учителем поставить.

В день отъезда детей вся семья собралась за дастарханом. Шолпан разливала чай. Салжан в это время вышла подотить корову. Жакен в последние дни никуда не выходил, еду ему приносили в дом.

Шаден пришел к дастархану, и дети наперебой стали высказывать ему свои нужды. Келес объявил, что ему нужны новые ботинки, и еще нужны деньги на учебники.

— Неряхи, все вы неряхи! — Шаден сдвинул шапку на затылок. — Вы, наверное, думаете, что ваш отец начальник базы. Не умеете с вещами обращаться. Деньги, деньги, а на вас их не напасешься. Может, вы думаете, что они с неба, как дождь, сыплются? Ну что вам еще нужно, говорите. — Он разломил лепешку и посмотрел на Шолпан.

Та, чуть не плача, сказала:

— У меня банта нет.

— Ну, сучьи дети! Говорю ведь, им лишь бы наряжаться! Какой еще бант, прошлогодний где?

— У меня его и в прошлом году не было! Я ленту носила, у всех девочек банты, а я... — Шолпан заплакала.

— Ну вот, слезы у них всегда наготове. Глупая, они ленты носят, так у них у всех отцы начальники, а у тебя поливальщик отец. Носи пока ленту, а бант я тебе потом куплю.

— Да, как же, — сказала Шолпан и отвернулась к стенке.

Коктембаю ждал случая сказать, что он тоже пойдет учиться, но, увидев, что отец сегодня не в духе, понял, что его все равно не отпустят. Жорабай сидел молча, опершись на подушку.

— Ну, что еще нужно, говорите, — сказал Шаден, отпив чаю.

— Мне форма нужна, прошлогодняя совсем сносились...

— А мне платье нужно спать, — сказала Шолпан.

Шаден опять взорвался:

— Ну, тогда налетайте, расхватывайте... По миру пустить меня захотели? Выдумает тоже, какая еще форма? Щенки, вот погоно вас сейчас босиком в вашу школу... — Шаден кричал, и независанные наушники его шапки дрожали. Вдруг он успокоился, посмотрел на детей и сказал: — Мать поедет с вами, она сама все купит. А вы там не балуйтесь и с кем пошло не деритесь, одежда, она от этого портится. Ведите себя хорошо. Закончите по семь классов, с вас и этого хватит. Тебя я отдам учиться на тракториста. — Он указал пальцем на Келеса. — А ты, Шолпан, кем хочешь, тем и будь, лишь бы только губы не красила, да волосы не стригла, как некоторые...

Шаден достал из кармана брюк пятирублевку, мятую трешницу и дал Келесу.

— На, купишь на это книжки-тетрадки. — Из другого кармана он достал рублевку и протянул ее Шолпану: — На, купишь себе бант.

Шолпан вытерла глаза и отбросила рублевку.

— Этого не хватит.

— Смотри, какая ядовитая! Пусть у меня глаза лопнут, если я в наше время встречу дешевую вещь. Что же теперь, десятку тебе давать?

Шолпан не ответила и снова отвернулась.

— Ленту тебе купит мать. — Шаден подобрал рублевку и пробурчал: — А это мне еще пригодится. — Он поднялся, взял плетень и вышел.

После чая Шолпан и Келес стали собираться. Салжан надела новенький костюм, который ей в прошлом году подарили родители, повязала голову белым платком и захватила две сумки: на обратном пути она хотела делать покупки.

Коктембаю убедился, что его и в этом году не отпустят, он чуть не заплакал, когда увидел, как Келес и Шолпан, одевшись, вышли во двор. Шолпан спросила у матери: «Мама, а когда Коктембаю пойдет учиться?» «О боже, только ему не хватало учиться, довольно с нас того, что вы будете учеными».

— Коктем, они уже уходят. — В комнату вбежал Жорабай, короткая рубашка на нем задралась, и был виден живот. Коктембаю даже не посмотрел на брата.

— Ну и пусть уходят...

— Коктем, а почему ты сам не уйдешь, все равно не пускают.

Коктембаю не отвечал, он молча тер пальцем оконное стекло. Жорабай подошел поближе.

— На следующий год мы с тобой вместе пойдем. Убежим, ладно?

Коктембаю кивнул головой. Дверь открылась, вошла Салжан:

— Вы тут смотрите не задумайте уйти куда-нибудь. За малышом следите, скотине задайте корм. В обед поставьте самовар, напоите чаем деда и отца. Завтра вечером я вернусь, если все будет хорошо.

Коктембаю слушал, отвернувшись. Салжан поправила платок и вышла. Итак, Коктембаю снова остался в ауле. От парня, который его записал, вестей не было. При мысли о том, что его ровесник, сын продавца Жанака, уже учится во втором классе, Коктембаю стало совсем грустно.

Вечером Жакену стало хуже. У него был сильный жар. Старик лежал неподвижно и только тяжело стонал. Дома никого не было, дети перепугались и не знали, что делать. Они выполняли только то, о чем просил их Жакен. Принесли воды, укрыли больного еще одним одеялом, разминали ему ноги. Шаден пришел, когда уже совсем стемнело. К этому времени Жакену немного полегчало. Он больше не стонал и лежал тихо, с закрытыми глазами, но это продолжалось недолго. Скоро жар усилился. Жакен стал бредить. Тут и Шаден растерялся. «Как бы не отошел старик», — пробормотал он и, подумав, решил сходить за Саулебаем.

Мушлы в ауле не было. Его обязанности здесь выполнял Саулебай, он собирал пожертвования, делал обрезания, дети боялись его. Когда Жорабай услышал, что отец пошел за Саулебаем, то чуть не заплакал и спрятался за спинкой брата. Саулебай пришел в чалме, кончик которой свисал ему на плечо. Он поспешно снял калоши и прошел в комнату, где лежал Жакен.

— Как дела, Жакен, это я, Саулебай. — Он сунул руку под одеяло и потрогал больного. Жакен молчал. Он только кивнул головой, давая знать, что узнал Саулебая.

— Боже мой, у него все тело горит! — Саулебай раскинул ладони и стал что-то говорить зычным голосом. Дети внимательно глядели на него и вдрогнули, когда он вдруг вскрикнул «уши-и!». Но молитва продолжалась, и они, не дослушав ее до конца, уснули. Заметив, что дети спят, Шаден по одному вынес их из комнаты.

«Этим щенкам давно было пора укладываться», — ворчал он.

Утром пришли еще два старика в огромных чалмах. Они шептались и что-то говорили у постели больного. Шаден не пошел на работу.

Коктембаю и Жорабай не могли войти в комнату к деду, потому что старики все время были там. Только вечером, когда все старики вышли из дому, держа каждый по кумгану, Коктембаю вошел к деду.

Жакен лежал укрытый по грудь одеялом, на голове у него была накручена чалма. Он сразу узнал Коктембаю, подождал к себе и поглядел по голове. Он что-то сказал, но разобрать было

трудно. Он прижал голову внука к своей груди. Из глаз старика катились слезы, он дрожал всем телом.

— Ата, не плачь, ата... — Коктембаю сам заплакал.

Вечером вернулась Салжан. «И как они там живут, в райцентре, умаялась совсем, а ведь только день пробыла... Она с крыльца начала было жаловаться мужу, но смолкла, как только вошла в комнату...»

К ночи Жакену стало хуже. Он опять бредил. Коктембаю слышал из соседней комнаты, как дед зовет его.

— Что ж, душа его в божьей воле, — говорили старики.

Жорабай баюкал маленького и сам уснул. Коктембаю же прислушивался к стонам деда, ему хотелось вновь подойти к нему, но он не решался...

Утром он проснулся и понял, что лежит не в доме деда, где заснул вчера, а в юрте, которую установили во дворе. Снаружи слышался гомон. Мать с отцом стояли на пороге и плакали. Сначала Коктембаю ничего не понял. Днем к ним приходили люди...

Утром следующего дня безжизненное тело Жакена положили в кузов машины. Коктембаю тоже вместе с другими людьми посадили в кузов.

Коктембаю видел, как опустили в могилу обернутое в саван тело, как закапывали могилу. Он вспомнил, как они хоронили белую ослицу. Деда больше не было, ослицы тоже нет... Коктембаю шел со всеми с кладбища. Никто уже не вспоминал о дедушке. Три старика, что шли впереди, весело беседовали о чем-то совсем другом. Шаден расспрашивал хромого пастуха о своих овцах, которых недавно пустил в общественную отару. «Как быстро они забыли! Почему? Ведь дедушка так недавно умер».

Мальчик глядел на взрослых.

Таласбай не приехал, хотя Шаден дал ему телеграмму.

Через двадцать дней после смерти отца в аул приехал Таласбай. Один. Дома сидели старики, и среди них был объездчик Шодыр. Таласбай обошел всех сидящих, поздоровался с каждым за руку и сел. Седобородый старик в шапке прочитал молитву. Потом все стали расспрашивать друг друга о здоровье. После молитвы Салжан запричитала:

Отец мой, опора моя,  
Ты дорогу указывал нам,  
Если вдруг приходила беда,  
Ты советом своим помогал...

— Сынок, пусть душа твоего отца обретет спокойствие в райских садах, пусть бог даст тебе много сил и здоровья, — сказал, повернувшись к Таласбаю, старик, что читал молитву. — Давно мы тебя не видели. Как твоё здоровье? Летом я как-то встретил покойного, он радовался, говорил, что ты его навещаешь. Он был тогда совсем здоров, о, аллах, кто бы мог подумать... Помню Жакена молодым джигитом. Сколько мы с ним веселых дней провели! Сколько раз участвовали в копкаре. Будто вчера это было. Вся жизнь кажется одним днем... — Старик достал из кармана платок и поднес к глазам.

— Прекрасным человеком был Жакен, — сказал Шодыр, не поднимая глаз. Голос его был уверенным, и в нем не чувствовалось раскаяния. Таласбай молчал, он поглядел на стариков, тоже достал платок и поднес его к глазам.

— Вот так, липнулись мы старика. Был он нам всем советчиком. Перед смертью все тебя спрашивал... — Шоден вытер слезы огромным платком. Когда кончили читать молитву из Корана, Шаден взглянул на Коктембаю и Жорабай и сказал: «Ступайте». Дети вышли во двор. Жорабай увидел ватагу ребятишек и побежал к ним. Коктембаю остался во дворе. Он подошел к воротам, увидел, что на улице стоит привязанный к забору его ослик. Ослик натянул повод, стараясь войти во двор. На нем было седло, покрытое козлиной шкурой. Коктембаю подошел к ослику, взял его за узду и поглядел по шее. Ослик фыркнул и стал вырываться. «Ты хочешь остаться? — Коктембаю обнял ослика за шею. — Ты ищешь свою маму? Ты ее ищешь? А она умерла. Когда тебя не было, умер дедушка. Ты не уходи, оставайся совсем. — Ладно? Хочешь, я тебя не отпущу? Не отдам тебя Шодыру...» Ослик стоял не шелохнувшись. Он больше не вырывался.

Из дому, беседа о чем-то, вышли люди. Старики стали расходиться по домам, а Таласбай,

Шодыр и Шаден решили пойти на могилу Жакена. Шодыр с плетью в руке подошел к тому месту, где был привязан ослик.

— Отойди, мальчик.— Он стал спокойно развязывать повод.

— Не отойду, это не твой ослик.

— Что это ты здесь болтаешь? — Шодыр строго посмотрел на Коктембая.

— Не отойду, этого ослика мне подарил дедушка, он сказал, что я буду ездить на нем.

— Хватит болтать, пооди отсюда...— Шодыр толкнул Коктембая в грудь так, что тот еле удержался на ногах. Но мальчик все же не упал и вцепился в стремя.

— Вот еще напасть, привязался щенок,— Шодыр не знал, что делать. Тут к ним подошел Шаден.

— Папа, это чаш ослик!

Но Шаден и не думал слушать сына, он, не разбираясь, влепил ему пощечину.

— Ишь, негодник! Ну и память у него, не будет никак. Бойсь, крохобором вырастет.

Коктембай упал на землю и заплакал. Через некоторое время он сумел подавить слезы, поднялся и хотел было догнать Шодыра, но побоялся отца.

— Я еще покажу тебе, когда вырасту...— Мальчик погрозил кулаком вслед уходившему Шодыру. Когда отец и Шодыр скрылись за кустами щенгеля, он поднялся. «Я обязательно верну себе ослика»,— решил Коктембай, он вырвал из крыши навеса толстый прут и пошел на дорогу. На кладбище он увидел Таласбая, Шадена и Шодыра. Они неподвижно сидели у могилы деда. Шаден почти беззвучно шевелил губами, он читал молитву. Ослик был неподалеку привязан к кусту. Заметив Коктембая, он фыркнул и сделал несколько шагов в его сторону. Коктембай подошел к нему. «Погляди на них, они читают дедушке молитву, как будто он самый любимый их человек. Ата, не принимай их молитву, не надо».

Молитва была окончена, и взрослые поднялись, Шаден сказал:

— Брат мой, быть бы мне жертвой за тебя.— И, сделав вид, что вот-вот заплачет, он нагнулся и поцеловал кусок глины на могиле.

— Покойный был хорошим человеком,— сказал Шодыр, он развязал пояс и перепопоясался заново. Таласбай походил вокруг могилы и сказал:

— Надо будет построить мазар с куполом...

— Об этом ты уж сам подумай. Где нам, откуда у нас деньги.

— Посмотрим...— сказал Таласбай, сунул руки в карманы, повернулся и зашагал к аулу.

Шодыр подошел к ослику. Шаден шел за ним, увидев сына, он принялся кричать:

— А тебя, негодника, кто звал?

Коктембай не шелохнулся:

— Я пришел за своим осликом...

— Щенок, сколько лет прошло с тех пор, а ты все вспоминаешь своего ослика. Иди, когда говорят.— Он схватил мальчика за ворот и еще раз ударил. Коктембай опять упал. На этот раз ему досталось особенно сильно, но он не заплакал. Шодыр и Шаден уходили, они о чем-то разговаривали. Коктембай пошел к кладбищу. Он подошел к могиле деда, упал на нее и заплакал. Свежие комья земли были мягкие.

«Слушай меня, ата.. Это я, Коктембай. Ты знаешь, кто к тебе приходит сейчас?.. Не принимай их молитвы, ата, не принимай! Ты бы видел, как меня били... Шодыр не отдает ослика. Ата, Таласбай хочет построить мазар с куполом. Не надо, лучше земля чистая, она такая мягкая... Зачем ты звал его, когда болел? Забудь его, совсем забудь, ата... Я люблю тебя, ата, я видел тебя во сне. Я по тебе скучаю. Я не видел, как ты умер, я спал тогда. Ты, наверное, звал меня. Ты плакал... Зачем ты умер, ата? Ты говорил отцу и матери, что когда люди умирают, они обретают спокойную жизнь. А там нет таких, как Шодыр и Таласбай? Шодыр тебя хвалит, говорит, что ты был хорошим человеком. Отец притворялся, когда плакал, я видел, у него ни слезинки не было. Ата, они тебя обманывают».

Мальчик перевернулся на спину, он перестал плакать, вытер испачканным рукавом слезы. Он вспомнил парня-артиста, который играл старика Абыза. «Где ты, Абыз-ага, когда придешь к нам в аул? Когда снова будет лето? Когда придут козцы? Приезжай, Абыз-ага, я хочу стать артистом. Я могу играть Шодыра и Таласбая, пускай все знают, какие они люди». Мальчик уснул.

Вдруг он почувствовал, как кто-то трясет его за плечо. Он приоткрыл глаза и увидел Жорабая.

— Коктем, ты здесь, я тебя искал.— Ботинок у Жорабая был порван, и из дыры выглядывали пальцы. Жорабай отряхивал маленькими руками брата.— Отец тебя бил, я знаю, он сам маме говорил.

Коктембай кивнул. Он молча встал, взял брата за руку, и они вместе пошли к аулу.

В ту ночь Шаден долго не мог уснуть. Лежа в постели, он разговаривал с женой о хозяйстве.

— Управляющий велит мне пасти овец. Вот я и думаю, скота становится все больше, было бы неплохо...

Салжан стала говорить, что это не жизнь — постоянно кочевать за скотом, но вдруг отвернулась и замолчала. Шаден толкнул ее в бок.

— Ты что, дрыхнешь уже? Таласбай не спрашивал про скот, который остался от старика?

— Нет, не спрашивал.

Шаден успокоился, он глубоко вздохнул и сказал:

— Да, старик вовремя покинул нас. Я уж думал, что он долго валяться будет, изведет нас.

Шаден говорил еще что-то, но, заметив, что Салжан его не слушает, пробурчал раздосадованно: «Вот соня»,— отвернулся от жены, обидевшись, и скоро сам заснул...

Утром неожиданно для всех в аул прибежал ослик. На шее у него болтался обрывок веревки, и Коктембай понял, что ослик опять сбежал. В тот момент, когда мальчик уже собирался впустить ослика во двор, появился Шодыр. Он даже не стал разговаривать с Коктембаем и просто погнался вперед себя. Спорить с ним Коктембай испугался — из-за отца.

...Прошло три дня. Из райцентра приехал парень-учитель, тот самый, который записал летом Коктембая. Учитель сразу направился к дому Шадена. Во дворе его встретил Коктембай.

— Агай, увезите меня, я хочу учиться,— сказал он учителю, и они вместе вошли в дом.

Парень улыбнулся и сказал:

— Увезу, обязательно увезу, малыш.

Дома учитель без долгих разговоров заявил Шадену, что приехал за его сыном. Шаден стал возражать, дескать ребенок мой: хочу — буду учиться, захочу — нет, и никто не имеет права мне приказывать. Тогда учитель сказал, что в областном центре открылся новый интернат, там детей и кормят и одевают бесплатно. Шадену это понравилось, он попререкался для виду, мол, заблужусь еще в городе, когда за ним поеду, но в конце концов согласился и даже сказал:

— Интернат, где мои старшие учатся, никуда не годится. Сами их одеваем, сами книжки покупаем.

В этот же день Коктембай должен был ехать в город. Он уже оделся и был готов к отъезду. Жорабай радовался и грустил.

— Коктем, когда ты приедешь?

— Еще... в середине зимы.— Коктембай показал рукой вдаль.

— Это когда Келес приедет?

— Да.

Жорабай хотел отдать брату свои новые ботинки, которые были ему велики, но Шаден запретило: «Там ему все равно выдадут».

Машина загудела. Парень сел в кабину, а Коктембай он посадил в кузов. Кузов был высокий, и Коктембаю казалось, что он сам выше всех ростом.

— Коктем, приезжай весной, мы для тебя арбузы оставим,— закричал Жорабай и поднял руку. Пришла Салжан с ребенком на руках.

— Милый, будь здоров, учись хорошо.

Шаден тоже улыбнулся: «Вот сопляк, так и лезет учиться».

Заревел мотор, и машина тронулась. Жорабай что-то кричал, но его не было слышно. Коктембай крепче схватился за борт.

Машина проезжала мимо кладбища Коктембай глядел на знакомый бугорок земли. «Я еду учиться, ата. Я буду артистом. Я тебя не забуду, буду приезжать часто-часто. Я тебя не обману. Прощай, ата...» Мальчик плакал, и ветер уносил его слезы... «Недавно прибежал белый ослик, он бегал возле нашего двора, он искал тебя и свою маму. Ата, он еще много раз будет прибегать, он скоро совсем вернется. А вот вернется ли дядя Таласбай, нет, этого я не знаю...»

Мальчик вцепился в борт машины, который доходил ему до подбородка, и глядел на удаляющийся с каждой минутой бугорок земли...

Перевел с казахского  
Ерлан САТЫБАЛДИЕВ.

## ПРОЗА



### Земля

#### В красном сарафане

На снаемейне сидел маленький, большелобый и коренастый мальчик. А кругом, в душном, битком набитом вагоне электрички теснились грибки со своей добычей, туристы, расчетливые хозяева, держащие путь в город, на рынок, с необъятными корзинами. Под слоем марли, как папиросы в пачке, белые корешки петрушки, тыща рублей один квадратный метр.

В правой руке мальчик держал одуванчик. Он вез его маме. «Иногда мне кажется, что я, как и тот мальчик, с влажных кротких лугов моей родины, несу людям слабый дивный цветок и боюсь дышать, чтобы он, этот цветок, не рассыпался прахом. А кругом свистят железные версты, проносятся машины и жгучий воздух обдаёт меня с головы до ног. А я несу свой цветок и верю, что, не обронив и лепестка, принесу его в тихое жилище — к людям, которые меня иду».

Тан заканчивает Станислав Романовский рассказ «Мальчик с одуванчиком» из нового своего сборника «Вятские—люди хватские» («Молодая гвардия», 1974). В этой книге писатель несет нам голоса родной земли и земляков, о которых с незапамятных времен полушутя говорили: «Вятские — ребята хватские: семеро одного не боятся!».

...Уходит и красным отец Серафим — отрешается от бога, от спокойной и тихой жизни по принципу «моя хата с краю...» («Отречение»). Комсомолка Наташа дождливой ночью, на безлюдной дороге, встретившись лицом к лицу с преступником, только что убившим человека, остается спокойной, способной найти единственно правильное решение («В дальнем-дальнем голубом королевстве»). Старая мать приезжает погостить к сыну, радуется доброй, приветливой встрече — и вдруг вечером случайно слышит разговор: «Она у нас еще долго будет гостить?.. Ты, пожалуйста, ничего не вешай рядом с ее пальто. Она с дороги могла привезти и таранов и вшей... У меня докторская встала — и ни с места. Я ведь теперь то кухарка, то банщица...». Мать ушла из дома тихо, сняв с вешалки свое одинокое пальто. Ушла гордо — никто не увидел ее слез («Холодно»).

Станислав Романовский стремится высветить все черточки характеров своих героев, все стороны их широкой, разнообразной природы, и это ему в основном удается.

Действие почти всех рассказов разворачивается в деревне. На этом фоне автор смог открыть нам по нынеш-

ним временам довольно редкий талант: чуткое, глубокое понимание природы.

Есть у С. Романовского в повести «Любовь» простая славная девушка Любушка, она умеет разговаривать с уснувшими на зиму на песчаной отмели лодками, со звонкой молодежной водой... И сам автор на лесной опушке видит не просто березу, а стройную девочку в белом платье и рядом старушку в «бархатных растрепанных коры», которая тоже собиралась принарядиться в белое, да вдруг задумалась. А лето земля самая нарядная — «в ягодах, в красном сарафане».

Сборник отирается, пожалуй, лучшим рассказом — «Берестяные крылья». В его основе подлинные факты, а это всегда привлекает читателей, заставляет больше переживать, думать. Герой «Берестяных крыльев» — простой русский мужик Данила Евсеевич Кожин. В XIX веке ходил он по земле и заиводил птицам: «За что бог нам такое счастье дал? Поле-тел, куда захотел. А ты, человек, наверняка не глупее жаворонка, или скворца, или сороки, а ходи по земле и выше себя не прыгни». Из бересты смастерил он широкие, сильные крылья, поднался на крышу дома, призванный ветер с Вятки толкнул его в спину...

«Вятские — люди хватские» — эта поговорка звучит в книге дважды. Первый раз ее гордо произносит молодой совсем парень, повернувшись лицом к белогвардейским пулям. Второй раз — солдат, защищающий сегодня границы нашей Родины. Эта преемственность не случайна. Очень верно пишет С. Романовский в предисловии к рассказу «Берестяные крылья»: «У нашего народа, народа Можайского и Гагарина, в старину и в разные века были крылья, и об этом нелишне помнить всегда».

Елена ЛЮБОВИКОВА

КЛАВМОВ БАЛЛАДА  
ОБ УШЕДШИХ НА ЗАДАНИЕ

### Баллада об ушедших на задание

«А связи не было. Это уже не имело значения, их уже не могли выручить, и каждый об этом знал, но они ждали связь, чтобы крикнуть через сотни километров: мы здесь, мы нашли это гнездо, и раздавили, и сделали хорошо это дело!»

Снова тема войны, война как великий труд солдата. И чем дальше по времени мы отходим от этого великого испытания, тем больше нас интересуют не только сами события, но и философия войны и психология ее самоотверженного труженика-солдата.

Новая повесть Игоря Акимова «Баллада об ушедших на задание» в одноименной книге («Молодая гвардия», 1974) — это поэтический рассказ о фронтовых разведчиках — совсем молодых ребятах, настолько моло-

дых, что у них еще нет другой специальности, кроме той, что дала война.

Разведчиков было одиннадцать. Они ушли на задание, которое почти наверняка станет их последним. И ребята знали об этом, но это была их работа, и они должны были сделать ее хорошо — ведь никто, кроме них, ее не выполнит. С ними ушел и разработавший операцию кадровый разведчик Малахов. Увидев впервые своих соратников, он в растерянности подумал: «...это мальчишки... Пусть вчерашние, бывшие, уже перешагнувшие канюю-то черту. Война остановила в них канюю-то стрелки, канюю-то ход, задержала в них определенный возраст... потому что такими они были нужны войне. Для всех ее мерзостей и величия. Для ее бесмертных подвигов и бесчестья...»

А операция была невероятно сложной: найти немецкую разведшколу, достать списки агенты, оставленные немцами в нашем тылу. Важность и сложность задания предполагали и тщательный отбор исполнителей. И вдруг... мальчишки! Но именно они, по утверждению их командира капитана Владимира Сада, и только они, могли выполнить это задание. У них не было ни прошлого, ни будущего, они жили по законам войны, когда каждый день — их обычный рабочий день, мог стать днем подвига или последним днем жизни. Но они были разведчиками и знали, что от их добросовестности зависит жизнь рядом идущего товарища, а может, и жизни людей, которых они не знают.

Владимир Сад, командир группы, по замыслу автора, как бы фиксирует в себе черты всех молодых парней, вовлеченных в орбиту войны. «В свои двадцать два года капитан Сад знал о войне все, потому что был ее продуктом, ее кровным детищем. Она научила его думать и смотреть. Она научила его жить. Все через призму войны».

Для героев повести самое главное — ЗАДАНИЕ, которое они должны выполнить. Смертельно раненный подрывник Федя Капто, очнувшись от забытия, вдруг вспоминает — черт побери! — ведь ребята рассчитывали на него, как на каменную гору, а он тут разлегся... А кто выполнит работу? Кто за тебя? Некому! Некому сделать твою работу... По закону естества, говорит автор, ему давно пора было умереть, но он знал, что не имеет права, — надо добраться до грузовика с архивами фашистов и уничтожить их. И Федя сделал это.

Они жили и умирали по иным законам, потому что у них была иная судьба и иные счесть со смертью. И никто не видел их могил. Потому что они были разведчиками.

Другая повесть книги И. Акимова — «Дот» — тоже рассказ о войне, о ее первых трагических днях, о молодых солдатах, впервые столкнувшихся лицом к лицу с фашистской военной машиной. Сила духа, высокие нравственные идеалы помогают совсем неопытным солдатам выстоять, не сломиться и в конце концов освоить новую ситуацию — войну.

Оба произведения И. Акимова раскрывают внутренний мир советского солдата, молодого воина, сражающегося за правое дело. Автор дает интересные психологические портреты героев, в основном совсем молодых людей, исполнивших великий труд солдата.

Оксана ПЕРФИЛОВА

### ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ



#### Теория в дороге

Слово «теория» — строго, злитарно, завершено, и, принимаясь за чтение книги, на титуле которой это слово выставлено, читатель приготавливает ум и «откладывает» сердце. П. Палиевский всей работой («Пути реализма», «Современник», 1974) опровергает это устойчивое и в общем верное читательское представление. Книга написана не просто страстно, а именно она чужда не запальчива. Объяснение не сложно — книга составилась из журнальных статей, родившихся в разное время по разным, часто горячим поводам.

Отправные убеждения автора заключаются в том, что путь современного писателя к реализму необыкновенно усложнился, и в том, что в эпоху страстного заговаривания проблем необходимо быть особенно бережным и завоеванному, чтобы не утратить опоры.

Подтверждение этим положением исследователь ищет на самых различных уровнях, стараясь помнить основное правило, что произведение живо только как произведение. Разъяснение на составляющие, оно и может удовлетворить любопытство анатома, но дух при этом окажется за пределами исследования.

Л. Толстой, М. Шолохов, М. Булгаков рассматриваются им именно как живые организмы с алой кровью и спокойным или прерывистым дыханием. Каждый из этих великодушных талантов мог различно толковать реализм, полагая законодательными те или иные его ветви, но дерево оставалось одним, и корни крылись в одной земле человеческой совести, любви, милосердия, воодушевления, сострадания. Вместе они и составляли традицию русской реалистической прозы.

Более сложный путь к тем же корням П. Палиевский прослеживает у Г. Грина и У. Фолкнера, параллельно делая замечания о трансформации «типа», по которому так томилась литература XIX века: «Грин берет их (типы) пригоршнями, как распространенный стандарт и духовную мертвечину, желая под «типом» раскопать закрытого и интимно пританцованного там человека». Это не мимолетное замечание. Это — положение, требующее пристального любопытства как метод и принцип не только западных реалистов.

Великодушный анализ книг У. Фолкнера в который раз подтверждает, что основное достоинство реализма — оптимизм, надежда на возвышение человека, в каких бы ничтожных условиях он ни жил и как бы мучительно ни был унижен...

Впрочем, книга не только о реализме как методе, но и о реализме восприятия литературы. Три статьи, которые П. Палиевский адресует структуралистам, пытаются вернуть их из анатомического театра к живому, смеющемуся, ускользающему миру живых человеческих связей литературы, может быть, самые резкие в книге, и резкость эта справедлива, потому что когда индивидуальность подменяется понятием «единичность» (часть общего), то в опасности оказывается гуманизм.

Книга П. Палиевского — не завершённый теоретический труд. Это теория в живом движении. Ей еще не хватает уравновешенности, и в пылу борьбы она порою бывает невинна в аргументации, слишком раздосадована, как в статье «К понятию гения», где полагает уже без разбора и правым и виноватым. От той же журнальной торопливости происходят и мысли вроде вот этой о Фолкнере: «В сущности это и было возвращением к разбитому и забытому реализму», «открытие совершалось заново». Это изъясно, но несправедливо, ибо довольно вспомнить Гераклита, чтобы понять, что человек не входит в одну реку дважды, возвращение Фолкнера было равно открытию, потому что глубоко обогатило реализм. Грустно видеть и такие вот оговорки: «Неизвестно даже, стоило ли сожалеть, что с выходом роман («Мастер и Маргарита») задержался». Надо очень извратить время, чтобы беду считать благом... Таких мелочей еще довольно, но они искупаются глубокой искренностью и страстной энергией составляющих книгу статей.

Это очень отрадно — присутствовать при драматическом развитии теории укрепляющегося реализма.

Валентин КУРБАТОВ



#### Слово о фантастике

В сборнике очерков Е. Парнова «Фантастика в век НТР» («Знание», 1974) нарисована впечатляющая картина успехов и просчетов зарубежной фантастической литературы, ее взаимосвязи с научно-техническим прогрессом.

Пусть не очень строго, но образно автор определяет жанр фантастики как «странную и пленительную игру в элементы мира». Да, это и игра и сказка — новая, электронно-кибернетическая, космическая сказка, где вместо магов и волшебников действуют ученые. Автор особо подчеркивает тонкое методологическое ограничение, налагаемое на фантастический жанр: он должен отражать современные научные представления независимо от века, в котором протенает действие произведения. Отмечено также,

что XX век характерен сближением науки и искусства, и в этом процессе фантастика становится как бы эстетическим зеркалом науки, поскольку вносит в нее «недостающий элемент человечности».

Автор проявил незаурядную эрудицию в очерке, посвященном эволюции утопии от времен античности и до наших дней. В поле зрения исследователя — готические романы Анны Радклиф, психологическая фантастика Ж. Казота, чей трагический образ оставил в сознании читателя яркий след. Подробно анализирует Е. Парнов иррациональную фантастику Гофмана, оказавшую глубокое воздействие на литературу XVIII — XIX веков. С любовью и отнюдь не грусти говорит он о творчестве Эдгара По, справедливо называя гениального поэта и писателя Америки «отцом» современной научной фантастики.

Очерк «Первый набат» содержит немало ценных мыслей о характере и идеях англо-американской фантастики. Здесь, как в случае анализа творчества Ст. Лема, автор вносит много нового в оценку значения Р. Бредбери для развития жанра, однако считает нужным подчеркнуть — и вполне обоснованно, — что Бредбери не является собственно «научным фантастом», его книги шире рамок жанра.

Сюжетным стержнем главы «Новые элементы прекрасного нового мира» служит разбор книги американского фантаста Э. Бестера «Человек без лица». На него довольно логично названы актуальные вопросы, имеющие общечеловеческое звучание: о негативных последствиях НТР, о футурологии, реальных перспективах возможного экологического Армагеддона.

Особенно отличаются образным стилем, стройностью композиции, глубоким знанием итальянской фантастической литературы «Вольные комментарии к «Божественной комедии». Здесь необходимо отметить обстоятельный разбор «Бандагала» и «Бамбуковой палочки» Анны Ринкополи, «Двое на озере Курман» М. Вилано, «Абсолютной технократии», «Онирофильма» и «Приказы не обсуждаются» Л. Альдани, «Надписи на лбу» и «Трудного выбора» Примо Леви.

Четки и последовательны оценки Е. Парнова в обзор фантастики, посвященной роботам и киборгам. Тут примечательна попытка автора создать классификацию «уровней» древней и вечно современной сказки об андроидах. В особый раздел выделен анализ произведений «биологической фантастики», характерный широтой обобщений и научно-философской эрудицией критика.

Сборник Е. Парнова завершается рассказом об эволюции русской и советской фантастики начиная с первых утопистов XVIII — XIX веков (П. Ю. Львов и В. А. Левшин, роман В. Л. Одоевского «4348 год. Петербургские письма»). Даже на сравнительно малой издательской «площади» автор сумел подробно коснуться творчества братьев Стругацких, Арнады Громовой, И. Варшавского, проследить основные этапы развития современной отечественной фантастики. Не называя десяти имен советских писателей-фантастов, Е. Парнов должен был упомянуть и о творчестве старшей мастеров жанра — А. Казанцева, В. Немцова и других.

Николай РЕМИН

# СЧАСТЬЕ БЕЗ ШПАРГАЛКИ

Помещенное в журнале письмо восьмиклассницы Ольги С. и ответ на него писателя Леонида Жуховицкого («Смена» № 21, 1974) вызвали у читателей живое ответное чувство: в редакцию пришли письма и от Олиных ровесников-школьников и от умудренных жизненным опытом людей. Каждый хотел поделиться своими мыслями о дружбе подлинной и мнимой, об ответственности за себя и за товарища, о том, как стать по-настоящему сильным и мужественным человеком.

Подборку читательских писем редакция напечатала в третьем номере журнала, и эта публикация, как и всегда бывает в подобных случаях, вызвала новый приток почты. Жаль, что ни в первом, ни во втором случае почта не принесла ни одного письма от учителей, а ведь именно учителя — одна из наиболее заинтересованных сторон в создавшейся ситуации, и школьникам полезно было бы получить дружеский совет, действенную помощь от педагогов.

Поэтому редакция решила обратиться к двум учителям с просьбой прокомментировать письмо Ольги С.

Владимир Петрович Васильев из Краснодара — преподаватель литературы, член Союза журналистов, автор книг «Педагогический арбуз», «Витка с планеты Тропарза», «...и передай товарищу!».

Владимир Константинович Безденежных из Кривого Рога — классный руководитель, историк, автор многочисленных публицистических выступлений в центральной печати по вопросам педагогики.

Итак, слово Владимиру Петровичу Васильеву:

**Милая Оля!**  
Сначала мне хочется защитить тебя от упрека в равнодушии и эгоизме. Тебя не устраивает положение дел в классе — какое же тут равнодушие? Ты пишешь не о себе, о «трудном» мальчишке (хотя и не понимаю, что это мальчишка, которому трудно) — какой же тут эгоизм? Равнодушные люди не пишут в редакцию, а эгоисты если и берутся за перо, то лишь затем, чтобы поведать о Самых Себе. Твоя слабость (непонимание чужой души, мотивов Костиного поведения) становится твоей сильной и симпатичной чертой, как только ты начинаешь искать помощи, стремишься разобраться в происходящем. Вот начало твоей силы! Тут с Л. Жуховицким не поспоришь: «Слабость — большая сила!»

Перечитывая твоё письмо, Оля, я заметил, как яростно стилинулись в нем «ОЧЕНЬ» с «НЕ ОЧЕНЬ». Может, ты этого сама не заметила, но вот смотри. Начало: «Мне ОЧЕНЬ хочется рассказать...» Конеч: «Мне ОЧЕНЬ хочется, чтобы в нашем классе...» А в середине ты пишешь о классе: «НЕ ОЧЕНЬ хорошая дисциплина, НЕ ОЧЕНЬ хорошая учеба, НЕ ОЧЕНЬ большая дружба». В школе мне тоже встречаются ребята и целые классы, живущие по принципу «ОЧЕНЬ» или «НЕ ОЧЕНЬ». Первые мне очень... Давай присмотримся к этим вторым.

«Не очень хорошая дисциплина» в классе их вполне устраивает, потому что тогда и с них спрос не очень велик. «Костан целые уроки прогуливает, а мне уж и опоздать нельзя», — оправдываются они. «Не очень хорошая учеба» им вполне по душе, потому что тогда не надо учиться в полную меру своих сил. Их любимый афоризм: «Тройка — тоже государственная оценка». Они готовы так учиться и на школьной и на студенческой (если придется) скамье. И жизнь прожить «на троечку» тоже не так уж плохо, считают они. «Не очень большая дружба» их не слишком пугает, потому что они всегда «как все». Вчера били маленького, шуплого, незаметного Костю — они готовы были приложить свой кулак. Сегодня перед Костаном принято заискивать, а издеваться над кем-то другим — маленьким, шуплым и пока незаметным. Что ж, это их не очень беспокоит... По твоему письму, Оля, мне кажется, что ты из тех, кто не боится

слишком сильно желать и быть упорным в достижении цели. Однако даже если очень хочешь добра товарищу, добиваться рабочей и творческой атмосферы в классе, быть настоящим энтузиастом в каждом деле, все-таки надо думать и о том, как достичь цели. Вот ты обращаешься к редакции: «Я очень прошу вас, помогите нашим мальчишкам разобраться во всем». А только ли мальчишкам?

Рано или поздно (обычно это и случается в четырнадцать-пятнадцать лет) класс делится на «мальчишек и девчонок». Это происходит потому, что вы растете, взрослеете. И вдруг какая-то девочка подумает о себе: «Я уже девушка!» И вдруг какой-то мальчишка с изумлением услышит в трамвае: «Молодой человек... Юноша, я и вам обращаюсь!» Почувствовать себя девушкой, юношей — глубоко личное, интимное, тревожное чувство! Не оно ли держит вас такую пропасть времени у зеркал, заставляет всматривать все подробности своей собственной внешности, которая, согласись, настоящим мальчишкам и девчонкам «до лампочки». (Прошу прощения за жаргонное словечко, но в данном случае важно, что «лампочка возраста» еще не заиграла и не осветила личность изнутри.)

Человечество не делится на «лагерь женщин» и «лагерь мужчин». Оно состоит из тех и других, объединяемых добротой, взаимной заботой, уважением, любовью. Значит, мальчик ты или девочка, юноша или девушка, ты человек. Какой ты человек? Что любишь? Чем увлекаешься? Какие цели перед собой ставишь? Надежный ли товарищ?

В том-то и беда, что на Костю все девочки смотрели КАК НА МАЛЬЧИКА (и куда от этого уйдешь!), но никто не взглянул на него КАК НА ЧЕЛОВЕКА (пока он не показал классу и, видимо, всей школе кулак). И если бы в то время кто-то помог девочкам понять свою неправоту, то сегодня ты не просила бы помочь мальчишкам.

Ты заметила, Оля, что Л. Жуховицкий, хотя во многом и не согласился с тобой, обратился «милая Оля». А ведь о твоей внешности не известно ничего. Внешность здесь ни при чем. Любая девочка и девушка мила именно своей великой женской интуицией — быть доброй, участливой, внимательной, заботливой.

Снажи честно: проявились ли эти качества в тебе и твоих подругах по отношению и «незаметному» Косте? Кому же надо помочь разобраться — мальчишкам или девчонкам? Не очень понятно...

**Здравствуй, Костя!**  
Не думаю, что тебя оставило безразличным умное, честное и, я бы сказал, очень мужское письмо Леонида Жуховицкого. Он хорошо объяснил тебе прошлое и виды на будущее. И признался: «Разговаривать про твою сегодняшнюю жизнь мне неинтересно».

Мне же интересно именно про сегодняшнюю.

Вспомни, Костя. В те долгие дни, недели, месяцы, когда ты был «незаметным» в классе, ты ведь не только потерпел из-за того, что «не выделялся», но и присматривался, наблюдал, к тем, у кого есть авторитет, за кем идут. Так же? Есть у тебя кто-то, на кого ты равняешься? Какой-нибудь десятиклассник, спортсмен, тренер, летчик?

Так вот, если из-за своих перепешных ослепительных побед в драках ты не разучился думать, постарайся услышать, чем тебе нравится человек, на которого хочешь походить. И ты непременно увидишь (какими бы другими достоинствами ни обладал твой кумир), что у него мужской характер. В четырнадцать — шестнадцать лет трудно, просто невозможно жить и равняться... на самого себя. Как бы могуч ни был сегодня твой кулак. Как бы ни упивался ты своими батальными успехами — разбитыми носами и расшатанными синяками. Так жить — скука. Вчера о тебе говорили «драчуном». Но ты растешь, и что скажут о тебе завтра? Хулиган?

Нет, Костя, это не для тебя. Каждый мальчишка мечтает воспитать в себе мужской характер: самостоятельность, стойкость, выдержку, готовность в любой момент помочь слабому, способность сохранять хладнокровие и мыслить, мыслить в самой отчаянной ситуации.

Почему ты должен быть исключением? Чем ты хуже других? Или ты испугался, что это трудно? Да, трудно. Порой тяжело быть настоящим мужчиной с ранней юности. Но ведь ты не из пугливых — это-то теперь всем известно. Почему же ты начинаешь с такой непростительной слабости? «Пусть обо мне другие беспокоятся!» — всем своим поведением говоришь ты. Конечно, беспокоиться будут. Твоя одноклассница Оля, писатель Леонид Жуховицкий, читатели «Смены».

Но скажу тебе честно: настоящий человек, сильный мужчина никогда себе такой слабости не позволит. Стыдно быть обузой товарищам, которым ты ничего хорошего еще не успел сделать. Ты об этом подумал?

Ну, подумай. Чем и хороша голова на плечах: можно красивую шапку носить, можно модную прическу завести, а иногда, глядишь, и мозгами можно пораскинуть.

Уважаемый товарищ классный руководитель!

Не знаю, к сожалению, как Вас зовут. Ну, предположим, Галина Петровна.

Обратиться к Вам меня заставляет строчка из письма Вашей ученицы: «Плохо теперь живется у нас тому, кто предупредит классного руководителя о том, что эта компания засасывает нового человека или собирается избить кого-то».

Уверен, что Вам об этом известно, Галина Петровна. Знаю — переживаете. «Плохо теперь живется у нас...» Как же сделать, чтоб жилось хорошо? «Помоги ему стать счастливым», — просит журнал. Кому ему? Косте? Но ведь плохо всему классу. И не может быть иначе, потому что настоящее счастье в розницу не дается. Как же сделать, чтобы все в классе были счастливы — и Костя, и Оля, и Вы?

Убежден, что Вы с коллегами напряженно над этим думаете. Может, что-то уже изменилось в лучшую сторону. Исследовать, понять, вникнуть дано только тому, кто рядом с детьми, вместе с ними. Издали же можно только составить модель ситуации. Пусть глубокую, пусть психологически обоснованную — все равно только модель. Вблизи все сложнее. И все же позвольте дать Вам один совет. Я понимаю, как банально это прозвучит: классу нужен АКТИВ. Нужен-то нужен, да где его взять? В классе разброд и шатания: одни запуганы, другие равнодушны, третьи думают только о себе. Никакой дружбы. Да и жизнь, видимо, НЕ ОЧЕНЬ...

Повторяю, Галина Петровна, вблизи Вам виднее. Актив не упадет с неба, его надо вырастить. И я готов назвать Вам двух активистов. Имя одной — Оля. Имя другого — Костя. С Олей понятно. Ее размышления о судьбе товарища, о жизни в классе, сам факт обращения с письмом в журнал. Но Костя? А почему бы и нет? Ведь преодолел же он свою незаметность, проявил активность, можно сказать, развил бурную деятельность. Значит, есть активность, есть деятельность, задача в том, чтобы сделать их полезными, то есть целенаправленными. Разве это не одна из главных обязанностей классного руководителя? Более того. Если не поставить вопрос так, тогда он может сам сформулироваться иначе. И мы уже будем думать не о том, как помочь подростку стать счастливым, а о том, как предотвратить несчастие...

Поскольку мы говорим об активе, то естественно представить себе роль комсомольской организации в классе. Не сомневайтесь, что в момент, когда Оля писала в редакцию, комсомольцы не чувствовали себя сердцем класса, а вы не ощущали их постоянной поддержки. Не случайно в ее письме о них ни слова.

Такое положение совершенно ненормально. Какие они все разные, наши восьмиклассники! Фантазеры и философы, остряки и нелюдимы, чуткие, поверхностные, самонадеянные... Но есть нечто общее у всех восьмиклассников страны: они мечтают о настоящем деле. Это суть их сути. Помогите им проявить себя.

Я намеренно, Галина Петровна, завел этот разговор «при детях». Потому что они уже не дети. Если мы беседем с ними на равных, то пусть послушают, чем озабочены взрослые. Нельзя строить счастье для них, но вместо них и без них. Иначе у подростков создается вредная иллюзия, которой поделился со мной в сочинении один девятиклассник: «Порой мне кажется, что все мы живем у бабушек холодильников, а поесть лень».

Предоставляем слово  
Владимиру Константиновичу  
Безденежных:

**Дорогие друзья!**  
В письме Оли С. много и подробно говорится о ее однокласснике Косте, который долгое время был тихим и смиренным, никому не доучал и вдруг «свихнулся». А вот о классе, где он семь лет учился, сказано мало.

\*\*\*

В дружном классе Костя не «свихнулся» бы, здесь ему незачем этого делать — нужно ли человеку искать сомнительных друзей, когда рядом так много друзей несомненных? Костина беда — недружный класс. Но разве это не Олина беда, и не многих других мальчишек и девчонок? Значит, самое время поговорить о настоящей дружбе в классе.

Часто забывается, что дружба не только радость, доброжелательность друг к другу, но и принципиальность, требовательность, суровость. Иногда получается: пока дружба ни и чему не обязывает, все идет хорошо; как только появляются серьезные претензии к кому-нибудь из друзей, тут же начинаются обиды, болезненные несогласия, жесткая неприязнь. Сколачивая коллектив, никогда нельзя забывать о сопотвительности со стороны тех, кто еще не привык подчинять свои собственные интересы и желания интересам и желаниям всех.

Группой в три-четыре человека, а тем более в одиночку, и игра — не игра, и поход — не поход, и праздник — не праздник. Поэтому коллективная дружба привлекает, манит, по ней ребята сильно тоскуют. Но и иному присмотрись — что же ему нужно от друзей? — и увидишь, что человек стремится получить от нее как можно больше, а отдать ей как можно меньше. Не мешайся наиболее справедливые, сознательные и настоящие коллективисты — такие «друзья» могут создать некое «содружество», что-нибудь вроде круговой поруки под заманчивым призывом «все за одного» и «своих не выдавать». При этом, не встречая сопротивления, разбиваются скверные привычки, несобранный склад ума. Не случайно именно в классах с круговой порукой не защищены слабым, больше других подвергается ядовитым насмешкам добросовестный ученик, он здесь и «зубрилка», и «подлиза», и «маленький сын», здесь скачует «серенький ученик»: ведь придумать что-нибудь дельное считается дурным тоном, встречается в штыки. Если дружба помогает ребятам изо дня в день расти, делая их жизнедеятельными, интересными, трудолюбивыми, то круговая порука, напротив, способствует разгильдяйству, развращенности, лени.

Принято считать, что дружба противопоставляется только двоечникам, пассивным и трудным ребятам, но как часто, обращаясь к сильному ученику за помощью для слабого, встречаешь пренебрежение, равнодушие! Сколько надо терпения, ума и справедливости, чтобы втянуть такого в братство, обещающее всем, и ему тоже, более интересную жизнь. Двоечник думает о том, чтобы отвязался от него и не заставили бы работать, трудный беспокоится за свою «свободу», над хо-

рошим учеником «не каплет». Нелегко здесь выковырять дружбу, а выковырять надо: ребята без нее жить просто невозможно.

Но вспомним о Косте. Сидит такой тихонький ученик в классе. В свою компанию его никто не берет: с ним, видите ли, неинтересно, серьезных поручений ему не дают — не верят. Крылья приобрести не помогут — все равно, дескать, не взлетит. К тому же и общественная жизнь в недружных классах течет вяло. Как в первом классе «красочно» оформляли альбомчики, так и в восьмом все оформляют. Раньше готовились к концертам для утренников, теперь — к концертам для вечеров, но по тому же принципу — «три номера от класса». Как раньше клеили, писали, маршировали, репетировали, «пропесочивали», так и теперь. Только раньше все это было новым и интересным, а теперь надоело и стало обыденным. Раньше хоть изредка, да играли все вместе, а теперь даже «Зарница» дальше строевого смотря не идет. Раньше если человек принес больше других макулатуры, на него смотрели с восхищением, а теперь с восхищением начинают смотреть на того, кто сумел ловко увиливать от этого мероприятия. От такой «активности» тихий, незаметный ученик еще больше скисает, терять надежду проявить себя хочет в чем-нибудь среди сверстников, утвердиться, доказать всем, что он не хуже других. А иногда ведь в таком слабом и хиленьком бродит и ждуть выхода огромнейшие силы. Не приходится удивляться, что Костя «свихнулся», приходится удивляться, как он не «свихнулся» еще два-три года назад. В лихой компании, как мы знаем из письма Оли, оказались куда лучшие условия для проявления личности: Костю приняли, оценили, взяли под защиту.

Часто ли недружные классы ходят в походы, в отдаленные экскурсии? Я имею в виду не прогулки, а настоящие походы, с хорошей нагрузкой, с преодолением немалых трудностей. Ведь в походах как раз и проявляют себя такие ребята, как Костя. Знаю по опыту (на моем счету свыше пятидесяти многодневных походов с ребятами), как часто ученики, безупречный за партией, в походе оказываются пассивными, беспомощными, эгоистичными. А какой-нибудь отпетый грубиян или тихоня вдруг обнаруживает себя дельным, внимательным и самым компанейским товарищем. Сколько возможностей предоставлено мальчишке проявить себя в военной игре: в обороне, прорыве блокады, во встречном бое, в разведке, во время штурмов, даже при штабе. Недаром А. С. Макаренко отмечал, что в игре подросток такой, как и в жизни. Обратите внимание — не за партией, а в игре. Вот и узнают, если нет подобных занятий, какой Костя в жизни, какие у него задатки, на что он способен.

Я предчувствую возражение: «А виноваты ли ученики сереньких классов, что у них такие однообразные мероприятия, что нет дружбы? Не они ведь все это планируют, и походы и игры не только от них зависят». Конечно, свалить все на взрослых, на учителей легче всего. Давайте разберемся по справедливости.

Речь идет не о малышах, а о старшеклассниках, у которых немалый опыт общественной работы, у которых сформировались свои позиции и взгляды. Знаете ли вы, как ценим в учениках такие качества мы, учителя, и как часто мы просим: «Ну, внесите же свои предложения, давайте их обсудим». И, к сожалению, как часто ребята отмалчиваются, а по глазам видно, что есть такие предложения, есть. Вот и приходится учителю навязывать свои решения. Не думайте, что радостно живется такому преподавателю, что он доволен активностью ради «галочки» в отчете, ради какой-то призрачной пользы. Неактивность школьника — это, пожалуй, самая горькая наша беда. От своего труда хочется получить отдачу, и удовольствие, и радость. Их не получишь, если с ребятами нет контакта, если они сидят рядышком и молчат, ожидая готовых решений. Порою со вздохом принимаешь свои предложения и чувствуешь, что ребята не согласны, что останутся они наедине и развернут такую критику — небу станет жарко, — а здесь молчат.

Я знаю очень многих ребят, которые умеют отстоять свою точку зрения по-деловому, с достоянным тактом и настойчивостью. Помню, как однажды Валя Кутепова, одна из моих толковейших учениц, прибежала ко мне в учительскую в самый неподходящий момент и говорит: «С вами сейчас говорить все равно, что под танк бросаться, но я снажу: Витину маму вызвать не надо, дома его сильно бьют, мы сами справимся», — и тут же предложила очень дельную мысль. Мне осталось только поблагодарить ее и одобрить предложенные ею выход. А он оказался действительно замечательным и вполне оправдал себя на практике, хоть мальчишка казался совершенно несносным. Его мать не смогла бы оказать и сотой доли той пользы, что сделала Валя с ребятами.

Не сделал бы этого и я, положившись на мать.

Понятно, в утверждении товарищества многое зависит от учителя, но, по моему глубокому убеждению, гораздо больше зависит от самих ребят. Был у меня класс, который я взял со второй четверти с самым тяжелым «наследством»: восемь двоечников почти по всем предметам и пять человек со сниженной дисциплиной. Вести душевные беседы об уважительности и дисциплине здесь было совершенно бесполезно. Начали мы свое содружество с тяжелого зимнего похода. Здесь, в непринужденной обстановке, присмотревшись друг к другу, мы обсудили, как же нам преодолеть туслику жизни класса. Щелотливый разговор начали сами ребята: им ведь до слез надоело прозябанье и вечное отставание. Все знали, что будет нелегко, было кому сопротивляться и было с кем повозиться. Но мы очень нуждались друг в друге и верили друг другу. Все вопросы мы стали разбирать сообща и прежде всего с точки зрения товарищества. Постепенно складывались крепкие «группы действия». Вокруг Володи Бахтеева был создан военный совет, организующий «Зарницу», походы, экспедиции; вокруг Володи Большанова — сильная группа корреспондентов. Они выпускали не только две классные газеты, но и рукописный сатирический журнал «Горные сливки», который, кстати, зачитывался до лохмотьев и нашим и другими классами, его очередного выпуска обычно ждали, как праздника. Вокруг Славы Давлатшина группировались хоккеисты дворовой команды; Таня Прицепла была душой ионькобегущей; вокруг Лены Латинной «вители музыкальные души» и т. д. и т. п. И каждая группа не замыкалась, а постоянно сотрудничала со всеми другими, притягивала к себе бездельных, неуспевающих, трудных. Нет, не насильно — стягивала своей увлеченностью, страстью. Когда юноры делали новую газету или журнал, стоял такой заразительный хохот, испели такие увлеченные споры, что другим было просто невмоготу оставаться в стороне. Несносные становились податливыми, а тихонькие — боевитыми и расторопными. С провинившихся, конечно, спрашивали, но, пожалуй, не было ни одного обиженого и оскорбленного; товарищество и справедливость ценялись превыше всего. И с успеваемостью дело было поставлено крепко. Ответственный за учебу имел право запретить любую затею, если она могла пойти во вред учебе. Где ребята на все брали время? Просто действовали по принципу: «Времени нет у того, кто ничего не делает». Все рассчитывали так, чтобы не подвести ни товарища, ни себя; обманул — следующий раз не поверят. Обсуждали все сообща, не стеснясь своих предложений, сомнений, доводов, даже если они могли показаться неулыбчивыми. И я как классный руководитель утверждаю, что ребята предложения и доводы были не хуже моих собственных. Главное, что без ребят, без их активности я никогда не сумел бы создать такого братства.

Вас интересуют результаты такой оживленной деятельности? Уже в третью четверть осталось трое неуспевающих из восьми, и то по одному-двум предметам, со сниженной дисциплиной не осталось ни одного. А в конце учебного года неуспевающих не было и в помине. Совет дружины единогласно признал 7 «Г» лучшим классом в школе, наградив его поездкой в Пермь. Интересно отметить, что на общешкольной линейке это известие было принято под бурные аплодисменты всей дружины — честь, которой редко удостоиваются лучшие классы.

Мне кажется, что в классе, где участвую Оля и Костя, нужно, во-первых, создать дружный коллектив. А во-вторых, сделать Костю своим, необходимым классом человеком. Организовать нужно класс в целом, поставив «под ружье» всех коллективистов, всех, кто дорожит товариществом и не хочет видеть Костю человеком несчастным. Думаю, что с самого начала нового учебного года актив класса должен сесть за «круглый стол» вместе с Костей и его друзьями. Нужно выяснять, чем он недоволен, что можно поправить в классе, какие обязательства готов взять на себя Костя, какие — класс, в чем можно уступить друг другу и в чем ни в коем случае уступать нельзя. При этом не должно остаться никаких обид и претензий. Нужно, чтобы справедливость была очевиднейшей и добродетельностью друг к другу тоже. В классе всем должно быть тепло, уютно и интересно. И понятно, что главенствовать должен не лицемерный показатель дружбы — шаргалка, подсазка и покрывательство, — а самоотверженная помощь друг другу, товарищество в высоком смысле этого слова. Это дело стоящее: здесь и слабый приобретает крылья, и сильный закалит свой характер, станет еще крепче, уверенней, окрыленной. А плыть и вздыхать, глядя со стороны на свой «не очень дружный класс», — это и первоклассник умеет.

## Из сумки почтальона

Уважаемая редакция!

Мне 49 лет. Возраст такой, что в ваш журнал можно было бы не обращаться, но на протяжении двадцати лет я являюсь вашим читателем, и, читая журнал, я чувствую себя молодым. Мне было ровно 17 лет — возраст ваших читателей, — когда я добровольно пошел на фронт защищать Советскую Родину от фашизма.

Да, тяжелое это было время — 1942 год, тяжелое для Родины и особенно для нас, молодых. Но все, кто чем мог, помогали фронту и отдали Родине все, что могли: кто здоровье, кто — жизнь. Когда в 1941 году под Старой Руссой погиб мой отец, я понял, что место мое на фронте. Я не совершил подвига, однако защита Родины — это каждый знает — есть священный долг, и я выполнял свой долг. Мы, советские солдаты, ежедневно совершали победы, большие или малые, и без этих побед не могло быть всеобщей победы над фашизмом, заклятым врагом человечества. Победа — общий подвиг народа. Сейчас, через 30 лет после Победы над фашизмом, мы, бывшие фронтовики, разыскиваем своих товарищей по оружию, ведем переписку, очень хотим встретиться друг с другом, но это ведь нелегко. Огромна наша Родина, кто знает, куда занесла судьба моих товарищей по оружию! Уважаемая редакция, я прошу вас поместить фотографию военных лет. Пусть мои товарищи, те, кто остался в живых, вспомнят прошлые огневые годы, когда мы, раненые бойцы, находились в госпитале, с еще не зажившими ранами досрочно рвали на фронт. Мы, бывшие раненые, помним и всегда будем помнить Моторкову Катю, внимательного, чуткого, умного врача, сутками не отходившего от раненых. Где она, наша спасительница! Где боевые друзья и товарищи по оружию, которые лежали тогда в госпитале: М. Беляев, А. Шелуцов, С. Солдатов, Н. Шилин! Я воевал в составе 3-го Прибалтийского фронта, 1-й московской гвардейской стрелковой дивизии 171-го гвардейского полка, 3-го батальона.



Уважаемая редакция! Я не писал в редакцию никогда, но, как участник войны, я хочу обратиться со страниц журнала «Смена» ко всей нашей молодежи: будьте достойны ваших дедов и отцов, отстоявших вам мирную, счастливую жизнь.

С горячим приветом  
П. ГЛУШАКОВ,  
Омская обл.

Документальный рассказ Олега Моисеева «Мундштук полковника» и воспоминания генерала Н. М. Хлебникова о полковнике Недоговорове («Смена» № 24, 1974) получили много читательских откликов. В ряде школ на уроках мужества были прочитаны материалы, вызвавшие большой интерес учеников. Нескольким писем пришло из школ Смоленской области: это и понятно, так как именно там разыгрывались описанные в журнале боевые события.

На уроке мужества мы читали рассказ о комбриге В. Л. Недоговорове. Мы очень рады, что те золотые люди, которые прошли с боями по Смоленской земле, могут лично в своих воспоминаниях рассказать о тех героических днях. Мы живем на Духовщинской земле и о своих освободителях свято помним. У нас, в Николо-Берновичах, есть братская могила, за которой мы ухаживаем.

Смоленская обл., Николо-Берновичская школа,  
ШТАБ «ПОИСК».

Рассказ О. Моисеева передавался по радио в Смоленске, а также в Астрахани — на родине Героя Советского Союза Недоговорова.

В адрес Олега Моисеева поступило письмо и от Нины Викторовны Поляковой, той самой девочки-школьницы, которая 32 года назад передала будущему автору мундштук на фронт от отца. Она пишет:

«Горячее, сердечное, человеческое спасибо Вам за Ваш чудесный рассказ о нашем отце и муже В. Л. Недоговорове. У Вас нашлось столько хороших, теплых слов о покойном, полных чувства искреннего боевого товарищества, что мы еще раз оценили и глубоко пережили и его ратный подвиг и те страдные боевые дни, через которые прошли и он, и Вы, и все, кто грудью защищал Родину... Сколько скорби и гордости доставил нам тот венок, который Вы возложили на его могилу...»

# ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ

Михаил  
БОТВИННИК

Статья выдающегося советского шахматиста экс-чемпиона мира М. М. Ботвинника предназначена для сборника, в который включены все партии, сыгранные Анатолием Карповым в трех претендентских матчах. Сборник выйдет в ближайшее время в издательстве «Молодая гвардия». И хотя некоторые высказывания автора могут показаться спорными, мы не сомневаемся, что эта публикация будет с интересом встречена шахматной общественностью и читателями «Смены».



Фото Дмитрия ДОНСКОГО

ри матча пришлось сыграть Анатолию Карпову — с Л. Полугаевским, Б. Спасским и В. Корчным, — чтобы завоевать право быть участником решающего состязания на первенство мира. А затем ввиду отказа Р. Фишера защищать титул чемпиона Карпов стал новым, двенадцатым чемпионом мира. Нелегкая была задача: если Фишер сыграл в 1971 году в трех отборочных матчах 21 партию, Спасский в 1965 году — 29, а в 1968 году — 26 партий, то Карпов провел за шахматным столиком 43 встречи...<sup>1</sup>

Да и партнеры были у него большего масштаба. Правда, Полугаевский впервые попал в соревнование претендентов, но Спасский дважды выигрывал подобные состязания и один раз был чемпионом мира, а Корчной — многократный участник соревнований претендентов и второй раз — финала.

Но попробуем более точно оценить этих шахматных бойцов.

Еще в 1939 году я предложил определять мощь шахматиста по четырем признакам.

Первый из них — шахматный талант. Без специфического шахматного таланта крупным шахматистом не станешь (правда, если верить Эм. Ласкеру, то первый разряд получить все же можно). Этому признаку удовлетворяют — хотя и в разной степени, да и таланты их различны по типу — все три матчевых противника Карпова.

Второй признак — характер. И не только спортивный характер, что обычно связывают с волей к победе, стойкостью в защите, спортивной хитростью, проникновением в психологию партнера. Не меньшее значение имеет и то, как шахматный мастер управляет собой, когда он не сидит за шахматным столиком, когда он вне шахматных состязаний.

Действительно, жизненный режим мастера имеет мало общего со спортивным характером. Спит ли шахматист по ночам или ведет легкую жизнь и просыпается лишь к обеду, занимается ли он физической культурой или поигрывает в карты, бережет ли трудоспособность своей нервной системы или злоупотребляет алкоголем — это зависит от характера человеческого, от воспитания и самовоспитания.

Настроен ли шахматист критически к своему творчеству (и к своей особе) или готов обниматься с любым льстецом, отличается ли он мелочностью или выделяет главное (с точки зрения своего совершенствования), на первом месте у

него шахматы или материальная сторона жизни — и это зависит от человеческих качеств шахматиста. Сколько крупных талантов было загублено по той простой причине, что обладатели их оказывались мелкими людьми...

Поскольку тема эта деликатная, не будем ее затрагивать. Но, как говорится, «сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок»...

Что же касается спортивного характера этих шахматных богатырей, то о нем стоит поговорить особо. В наименее выгодном свете тут предстает Л. Полугаевский — он недостаточно пронизителен как спортсмен, и, видимо, поэтому матчи ему даются труднее, чем турниры, а отборочные соревнования для него особенно неприятны, ибо именно здесь надо демонстрировать те самые спортивные качества, о которых уже говорилось.

Б. Спасский обладает великолепным характером спортсмена: он никогда не унывает, на него не влияют случайные поражения, он умеет концентрировать все свои возможности в решающий момент (во всяком случае, так было).

В. Корчной не умеет управлять собой так хорошо, как экс-чемпион мира. Как спортсмен, он более прямолинеен, но все же достаточно силен.

Третий признак — здоровье. Шахматы хотя и интеллектуальный, но напряженный труд, шахматист обязан выдерживать жесткую нагрузку. Какова эта нагрузка, можно пояснить на следую-

<sup>1</sup> По правилам ФИДЕ в 1965—1971 годах максимум партий в трех матчах мог быть равен 32, в 1974 году — 60!



щем примере: в мае 1961 года моя 20-я партия матча-реванша на первенство мира с Талем была отложена после почти пяти часов игры в трудном для меня положении. Последовала бессонная ночь: необходимо было найти шанс сделать ничью; часа два мне все же удалось поспать перед доигрыванием. Мой партнер не нашел при анализе выигрывающего продолжения, и я мог сделать ничью. Однако сказалась усталость, я спутал подготовленные варианты и... вновь оказался на грани поражения. После шести часов доигрывания, по общему мнению, мое положение было уже безнадежным. Опять бессонная ночь (тут поспать совсем не пришлось) и второе, на сей раз четырехчасовое доигрывание. В итоге — ничья. Способен ли на такое напряжение человек, если он не настоящий шахматист? Вряд ли. И Полугаевский, и Спасский, и Корчной на такие перенапряжения способны.

И, наконец, четвертый признак — специальная подготовка. После того, как в прошлом шахмат действовали Стейниц и Чигорин, Эм. Ласкер и Рубинштейн, Нимцович и Алехин, Рагозин и Болеславский, известно, что такое специальная подготовка и для чего она нужна. Каждому крупному мастеру полезно иметь свою собственную теорию начал, которую знает только он, теорию, которая тесно связана с планами игры в середине партии.

Это очень полезно, но — увы! — далеко не все на это способны, и не каждый шахматист пытается вести такие разработки.

Чтобы успешно действовать в этой области, надо обладать не только работоспособностью, но и талантом поиска, талантом исследователя. Когда такой большой талант появляется, он косвенно влияет на творчество других гроссмейстеров: изучая его партии, другие мастера узнают, в каких областях шахматной теории сейчас надо работать, и побеждает в шахматах исследовательское направление. Нет такого ведущего исследователя — побеждает тенденция практицизма.

Но если в последние годы и превалировал практицизм, это не значило, что гроссмейстеры могли спать спокойно, — работать все равно надо, специальная подготовка необходима.

В этом отношении Корчной имеет явное преимущество перед Спасским и, пожалуй, перед Полугаевским. Думаю, однако, что даже Корчной не достиг в этой области того, чего он мог бы достичь. Суть дела в том, что мастер может быть уверен в своем искусстве анализа лишь тогда, когда он проверяет свои анализы. А проверка возможна при наличии критики опубликованных работ со стороны читателей. Молчат читатели шахматных журналов — значит, мастер научился анализировать; находят читатели «дыры» в анализах — мастеру еще следует совершенствовать свое аналитическое искусство.

Соперники Карпова, за исключением Полугаевского, почти не публикуют исследовательских работ. Стало быть, своих пределов в области искусства шахматного анализа они могли и не достичь...

Теперь, после того как мы оценили силу противников Карпова по всем четырем признакам, читатель может более четко представить себе, какой барьер был преодолен молодым гроссмейстером в этих матчах.

Зимой 1964 года я давал в Москве сеанс с чадами юным шахматистам. Среди них был и Толя Карпов из Златоуста. Щупленький, маленький — было ему от роду неполных 13 лет, но кандидатом в мастера он уже был. Игра его не произвела тогда большого впечатления. Но не следует этому удивляться: юный Боря Спасский в таком же возрасте играл со мной в массовом сеансе в Ленинграде, и тогда его игра также не произвела большого впечатления, однако это не помешало Спасскому через двадцать лет завоевать звание чемпиона мира. И Карпов этого добился одиннадцать лет спустя!

Несколько позже проездом из Челябинска мы с Я. Рохлиным побывали в Златоусте, где я провел сеанс одновременной игры — шахматы в городе популярны. Рохлин уговорил меня выступить в Златоусте именно потому, что там жил Толя, — он уже подавал большие надежды. Тогда и познакомились мы с родителями Толи, были у них в гостях. Хорошая семья, и серьезный мальчик!

В 1966 году, когда Толе было 15 лет, на турнире в Ленинграде он завоевал звание мастера.

Большой успех пришел к нему в декабре 1968 года, на командном первенстве СССР в Риге. Выступая на юношеской доске за команду Вооруженных Сил, Толя набрал 10 очков из 11 возможных!

В то время он уже был «грозою» в молниенос-

ной игре. Гроссмейстеры побаивались его и избегали встреч с ним в пятиминутных партиях. Толя считал варианты с поразительной быстротой и точностью. Конечно, игра «блиц» никакого отношения к серьезным турнирным партиям не имеет, но все же Толя стал завоевывать уважение.

Тогда же я написал статью, где предсказывал успех Карпова как в отборочном соревновании сильнейших юношей, так и победу в юношеском чемпионате мира. Статья была опубликована в феврале 1969 года.

Летом 1969 года Толя Карпов стал чемпионом мира среди юношей. В Стокгольме он опередил ближайшего конкурента на три (1) очка. Четырнадцать лет прошло с того времени, как Боря Спасский в 1955 году завоевал то же почетное звание. И вот еще один молодой советский шахматист повторяет успех Спасского.

Отец Толи был назначен главным инженером в Тулу. Школа окончена с медалью. Толя поступает в Московский университет на механико-математический факультет. Первый семестр успешно завершен.

Но юный студент трезво оценивает обстановку — времени для шахмат остается мало, и он переходит на экономический факультет; экономику с шахматами, оказывается, совмещать легче...

Затем Карпов перевелся на экономический факультет Ленинградского университета. Когда я поднимался на шахматный олимп, то принимал лишь те решения, которые, безусловно, содействовали достижению поставленной цели; если польза была неясной, я предпочитал отказываться от таких жизненных шагов. С этой точки зрения я бы не менял высшее учебное заведение. Очевидно, какие-то веские соображения у Карпова были, раз он на это решился.

Карпов продолжал успешно учиться в Ленинградском университете вплоть до того, как он попал в цикл отборочных соревнований ФИДЕ. Теперь надо было серьезно заниматься шахматами, и гроссмейстер-студент взял академический отпуск.

Чемпион мира среди юношей в том цикле получал право участия в межзональном турнире. Это было весьма кстати, так как избавляло его от необходимости проходить отбор в зональном турнире ФИДЕ — чемпионате СССР. Но Карпов решил энергично накапливать турнирный опыт и в конце 1971 года весьма успешно провел три соревнования подряд: чемпионат СССР, турнир памяти Алехина и рождественский турнир в Гастинге. Неожиданно по сумме успехов Карпов вышел как турнирный боец на первое место среди советских гроссмейстеров!

Наступил 1973 год, и Карпов включился в отборочный цикл ФИДЕ. Где-то на недоступной высоте восседал на шахматном троне, как утверждала американская пропаганда и все окружение нового чемпиона, «самый гениальный шахматист всех времен» Роберт Фишер. Мог ли надеяться чемпион среди юношей Анатолий Карпов завоевать право на матч с Фишером?

Лично я был уверен, что это произойдет в следующем цикле и что в матче на первенство мира 1978 года Карпов выйдет победителем. Ну, а в этом?

Казалось, что Толя еще слишком молод, да и трудности на пути к завоеванию звания чемпиона мира были исключительными. ФИДЕ ввела в действие новые правила отбора. Межзональный турнир был поделен на два независимых соревнования. Если раньше надо было войти в шестерку победителей, то теперь необходимо занять место не ниже третьего — задача, естественно, в несколько раз более сложная. Если ранее предельное число партий, которое могло быть сыграно во всех трех матчах (в четверть-, полу- и финальном), равнялось 32, то теперь оно было увеличено до 60!

Я поэтому и предполагал, что в цикле 1973—1975 годов у молодого шахматиста могут быть лишь две задачи. Минимальная — выйти в претенденты с тем, чтобы обеспечить себе участие в межзональном турнире 1976 года. И максимальная — стать участником финального матча претендентов, чтобы обеспечить себе участие в соревновании претендентов 1977 года.

Однако Карпов добился большего!

Первый барьер — межзональный турнир в Ленинграде — был преодолен им благополучно: делаж первого и второго места с В. Корчным.

Второй барьер — матчи претендентов. Карпов принимает, на мой взгляд, странное решение: для подготовки он играет в двух турнирах — в чемпионате СССР и в Мадрид. Он стремится улучшить свою практическую форму. Я бы предпочел закрытые тренировочные партии и иссле-

довательскую работу. Но, как говорится, победителей не судят...

Начало 1974 года. Москва. Матч с Полугаевским. Большинство гроссмейстеров болеет за более пожилого участника, к молодому же относятся настороженно. Хороший признак: когда в 20-е и 30-е годы я преодолевал сопротивление старшего поколения советских мастеров, наблюдалась аналогичная ситуация.

Начало матча было трудным. Первые три партии заканчиваются ничью. Карпов не понял сначала, в чем состоит слабость партнера. Но молодой гроссмейстер использует одну из самых сильных сторон своей натуры — программу самообучения — и перестраивается. Суть дела в том, что Полугаевский силен, когда он знает, что ему надо делать. Когда же план игры неясен и борьба затягивается, Полугаевский играет слабее. После четвертой партии Карпов обретает уверенность, и при счете 3:0 матч заканчивается на восьмой партии.

К матчу со Спасским атмосфера еще более накалилась. Спасский к тому времени, казалось бы, восстановил свою спортивную форму, утраченную после матча с Фишером. Он завоевал звание чемпиона СССР и легко выиграл четвертьфинальный матч у Р. Бирна.

«Все» считали, что полуфинальный матч Спасский легко выигрывает. (В «игру в прогноз» включился даже президент ФИДЕ, что ему было совсем не к лицу.) Да и Спасский, конечно, верил в свою победу.

Начало матча подтвердило прогнозы. Карпов берет тайм-аут (у него поднялась температура), но все же терпит поражение в первой партии. И у Спасского и у специалистов нет более сомнений в исходе борьбы. Спасский даже не очень спешит, отказываясь белыми от борьбы: во второй партии на семнадцатом ходу — ничья...

Теперь ясно, что это решение Спасского было симптоматичным. Оно характерно для нынешнего Спасского, который хочет побеждать «малой кровью». И когда в последующих партиях Карпов навязал своему противнику жесткую, бескомпромиссную борьбу, Спасский потерпел четыре поражения в девяти партиях. После одиннадцати встреч счет был 7:4, такой же, как и в матче в Рейкьявике.

Будем справедливы, поражение в этом матче потерпел не шахматный талант Спасского, Спасский проиграл как человек. Он имел благоприятные игровые моменты, но не использовал их. Тяжелая борьба ему сейчас не по душе!

Карпов играл этот матч блестяще. Трудно сказать, где проявил он большее мастерство — в атаке или защите. Счет вариантов сочетался с искусством позиционной борьбы. Карпов понимал, что превзойти Спасского можно лишь тогда, когда все отдашь шахматам...

Этот матч прояснил положение дел на шахматном Олимпе. По крайней мере для тех, кто хотел понимать... Любители шахмат признали успехи Карпова, и всех занимал следующий вопрос: будет ли поражен и Корчной? Ведь Корчной победил Петросяна еще легче, чем Карпов Спасского! «Не волнуйтесь», — отвечал я на вопросы любителей шахмат, — не для того Карпов выигрывал у Полугаевского и Спасского, чтобы проиграть Корчному...

Карпов выиграл и этот матч, но борьба носила иной характер, нежели в матче со Спасским. На сей раз Карпов играл более расчетливо, он по возможности избегал риска. Действительно, матч со Спасским — это был своего рода прыжок в неведомое (ранее таких успехов у Карпова не было): играя с Корчным, Карпов уже чувствовала свою силу, ему надо было выиграть матч — и только! В особенности это почувствовалось, когда после шестой партии перевес стал уже в два очка. Тогда Карпов не избегал белыми делать ничьи (семь французских защит...), вынужден был проявлять чудеса стойкости в обороне (11-я и 13-я партии). Когда же Корчной проиграл третье очко (17-я партия), матч вообще потерял бы всякий интерес, если бы в тот момент не проявились новые обстоятельства, после чего борьба возобновилась с крайним ожесточением.

Карпову было тогда 23 года, и у него не могло не быть недостатков. Один из них очевиден: Карпов далеко не Портос. Молодому гроссмейстеру надо обращать большее внимание на свое физическое состояние. Весь режим дня — как до, во время, так и после соревнования — должен быть нацелен на это. Видимо, этого пока нет, и после тяжелых 11-й и 13-й партий Карпов не сумел восстановить силы; это можно заметить по 15-й партии, проведенной им не очень уверенно.

Второе его уязвимое место также очевидно: он пока еще не совсем равнодушен к «медным

трубам» («огонь и воду» он уже прошел). После третьей его победы все восхваляли игру молодого мастера; чуть закружилась голова, он и потерял чувство опасности. И сильнейшая сторона спортивной мощи Карпова исчезла.

Есть и третья задача, которую Карпову надо еще решить, — развитие своих исследовательских способностей. На финише матча сказались относительно скромные резервы его дебютного арсенала. В итоге после 21-й партии счет стал 3:2. И вот тогда — воздадим должное молодому гроссмейстеру — Карпов сумел компенсировать свои минусы и удержать на финише победный счет.

Итак, сильные стороны Карпова: способность к самопрограммированию, чувство опасности, счет вариантов и позиционное мастерство (искусное создание доминанции на доске) — позволили ему преодолеть пять отборочных барьеров. Но Карпову надо работать; он должен помнить, что он теперь принадлежит не столько себе, сколько шахматному миру, который нуждается в шахматистах, обладающих большой силой и способных в течение долгого времени сохранять эту силу. Вырастить такого шахматиста — дело сложное. Можно надеяться, что печальный опыт высокоталантливых гроссмейстеров, преждевременно одряхлевших (в шахматном отношении), будет учтен Карповым.

Для В. Корчного это был, пожалуй, наибольший успех в его шахматной жизни. Он проявил себя как настоящий боец — он не утратил своей силы, хотя ему и идет пятый десяток.

На что же после победы Карпова могли надеяться советские шахматисты?

Прежде всего на то, что Фишер будет в состоянии играть матч и играть в полную силу. Это как раз то, что было бы полезно Карпову для дальнейшего совершенствования своего мастерства.

Однако нельзя не сказать о том трудном положении, которое в последние годы сложилось в шахматном мире.

С 1886 года, с матча Стейниц — Цукерторт, вплоть до смерти Алехина в 1946 году, все было просто — шахматный мир был подобен феодальному обществу: во главе «король» (чемпион) и крупные «феодалы» (гроссмейстеры), с которыми «король» договаривался о законах шахматного государства, сводившихся к одному — как проводить матчи на первенство мира.

В 1924 году «простолюдины»-шахматисты организовали свой «парламент» (ФИДЕ), но «король» не признавал за ним какой-либо законодательной власти. Когда однажды «король умер» и умер неразвенчанным, «парламент» провозгласил свою власть, и она была признана всеми шахматистами — шахматный мир обрел демократию!

Надо было составить новую и справедливую конституцию шахматного государства. Конечно, она (как всякая конституция) должна быть стабильной. Такая конституция и была принята в 1949 году на конгрессе в Париже. В ее формировании большую роль сыграли советские шахматисты, сила которых была признана всем миром. Основные принципы конституции были таковы:

1. Один раз в три года шахматный мир обязательно должен быть свидетелем матча на первенство мира (матч имеет не только спортивное, но и творческое значение; пропускать трехлетний срок нельзя, ибо это нанесет ущерб развитию шахмат).

2. Матч проводится на большинство очков из 24 партий, чемпион имеет одно преимущество — при счете 12:12 он сохраняет свое звание (число партий было ограничено, поскольку в полную силу мастер может сыграть лишь около 20 партий; увеличение числа партий неизбежно связано со снижением творческого уровня матча).

3. По болезни участник три раза может не явиться на игру. Если участник заболел до матча, то срок матча может быть отодвинут до 6 месяцев (пока участник болен).

4. Поверженный чемпион имеет право на реванш. (Это традиционное право стало особо необходимым, ибо чемпион может потерять звание из-за болезни.)

5. Матч должен быть проведен в стране с благоприятным климатом и в наиболее благоприятное время года.

6. Призовой фонд фиксирован (он был определен с учетом того, чтобы любая известная шахматная страна могла стать организатором матча).

Почти сразу же после 1949 года на эти правила началась атака, но без особого успеха. Недовольство вызывал тот факт, что советские шахматисты прочно держали первенство мира, наши противники за шахматной доской наивно полагали, что эти справедливые правила имеют какой-то подтекст, выгодный советским шахматистам. Да, они были выгодны советским шахматистам,

но лишь потому, что они «выгодны» сильнейшим. Они были выгодны молодым талантам, когда они восходили на шахматный Олимп. До 1972 года эта конституция шахматного государства в основном сохранялась, а затем она быстро превратилась в клочок бумаги.

Что же произошло?

А произошло то, что с появлением Фишера одновременно появились и какие-то тайные силы, которые с помощью денег (то бишь призового фонда) стали хозяйничать в шахматном мире. Теперь, если верить всему, что пишет западная пресса, матч с участием Фишера возможен лишь в стране, где есть американская военная база: именно такие страны назначали призовые фонды, превышающие фиксированный фонд прежних правил в десятки (в 1972 году) и сотни раз (в 1975 году)!

Некоторые говорят: ну и отлично, наконец шахматисты-чемпионы будут получать достойное вознаграждение за свой труд. Что же тут плохого?

Плохо то, что мастер, узнав, какой непривычно большой приз его ожидает, теряет творческое настроение. Во время соревнования мастер должен служить только шахматам, а все остальное совершать автоматически, по стандарту. Вот приз и может быть любой, но обязательно стандартный.

Быть может, в 1972 году Спасский играл ниже своих возможностей именно поэтому? И в таком же положении может оказаться любой участник матча на первенство мира. Напрасливается возражение: почему же Фишер тогда не играл ниже своих возможностей?

Даже если участники в равном положении, то теория равных возможностей здесь неуместна. Если, например, заставить обоих партнеров играть стоя (а не сидя), кто победит? Далеко не обязательно, что тот, кто победит в нормальных условиях.

Добавим, что положение Фишера и его противника лишь на первый взгляд являлось одинаковым; американцы с малых лет привыкают к большому бизнесу...

Для того, чтобы пустить в ход большие деньги, потребовалось содействие президента ФИДЕ. Все это удобно делать, когда происходит суматоха. Видимо, поэтому в 1972 году в критический момент переговоров о матче президент... исчез! Увы, это же г-н Эйве (в меньшей мере) повторил и в 1975 году.

Будем надеяться, что теперь вторжение «сил» в творческий мир шахмат будет ликвидировано.

У крупных мастеров и у ФИДЕ есть много других забот. До сих пор шахматные мастера не имеют должных прав, они не имеют своей творческой организации. Все это не ново. В печати не раз дискутировался вопрос о достойном вознаграждении шахматистов за их творческий труд, об охране и регламентации труда гроссмейстеров, о стандартизации фигур, досок, часов, помещений для игры и прочем.

Вот, например, что писал полвека назад Эммануил Ласкер в брошюре «Мой матч с Капабланкой»: «...Шахматный мир слишком легко относился к своим обязанностям... среди шахматистов установилось мнение, что таких обязанностей вообще не существует. Когда какой-нибудь юный талантливый игрок возносится до небес, не удивительно, что он отдается игре и видит в том свое призвание. Это очень нравится шахматному миру... а молодой человек находит удовлетворение в лесть и похвалах. Но позже, когда он становится зависимым от шахмат, некуда уже обращаться, и быстро наступают нищета и разочарование. И это лежит на совести шахматного мира.

Конечно, мне возразят, что шахматы не могут быть профессией. Но миллионам шахматистов, разыгрывающих опубликованные партии маэстро, участь на них и получая духовное наслаждение, не следовало бы держаться такой точки зрения. Опираясь на подобные аргументы, музыкальный мир мог бы лишиться куска хлеба... талантливых музыкантов, что, конечно, было бы явной несправедливостью. Только те, кто всецело посвящает себя определенному делу, могут дать что-нибудь великое в этой области».

Ласкер ратовал и за создание ФИДЕ — он писал, что «...молодые маэстро... добьются объединения шахматного мира в деятельную организацию». Теперь ФИДЕ существует, но, как догадывается читатель, Ласкер не был бы удовлетворен ее деятельностью.

Шахматы соединяют в себе и спортивный (результат партии) и творческий (содержание партии) элементы. Ласкер расценивал шахматы как полноправную область творческой деятельности человека. Поэтому он и пришел к выводу о необходимости введения авторского права масте-

ров на текст сыгранной ими партии. Он писал, что шахматная партия является «продуктом творчества двух больших личностей...». Но Ласкер не мог изменить закон об авторском праве и лишь попытался защитить свои авторские права во время матча 1921 года. «...я путем долгих переговоров с Капабланкой, — писал Ласкер, — условился, что партии матча останутся нашей собственностью...». Далее он отмечает, что это условие не было соблюдено.

Если бы предложение великого шахматиста прошлого было принято, разве не стали бы мастера придавать большее значение творческому содержанию партий?..

Да, положение в шахматном мире нуждается в переменах.

Роберт Фишер после того, как он завоевал в Рейкьявике звание чемпиона, отгородился от шахматного мира китайской стеной. Как чемпион, он не сыграл ни одной партии, не опубликовал ни одного анализа, ни одной статьи. В октябре 1973 года шахматисты видели его в последний раз, когда он в качестве зрителя посетил международный турнир на Филиппинах. С тех пор Фишер исчез, он потерял с шахматным миром непосредственный контакт. От его имени действовал г-н Эдмондсон. Нет оснований полагать, что у Эдмондсона не было полномочий представлять Фишера, но нет оснований и утверждать, что такие полномочия действительно были. Шахматный мир верил в феноменальную мощь Фишера, а ФИДЕ потакало всем требованиям Эдмондсона, который утверждал, что это и есть требования чемпиона.

Эдмондсон настаивал на изменении правил матча, принятых в 1974 году в Ницце, и создавшееся положение обсуждалось в декабре 1974 года на заседании бюро ФИДЕ в Малайзии. Решения конгресса в Ницце были подтверждены.

Тогда был собран в марте 1975 года внеочередной конгресс в Берген-ан-Зее (Голландия). Положение было критическим, предполагалось, что большинство делегатов поддержат новые изменения правил.

Но «тайные» силы — впервые с 1972 года — потерпели неожиданное поражение. В основном шахматная Европа — оплот и родина современных шахмат — дала отпор: в целом американские требования не были приняты. После конгресса Эдмондсон пытался вновь апеллировать в бюро ФИДЕ, но это оказалось безуспешным.

Эти решения конгресса в Голландии привели к быстрой развязке. Правда, ничто не мешало Фишеру дать согласие играть матч на утвержденных условиях — отказаться от игры никогда не поздно. Однако от Фишера не последовало на запрос ФИДЕ никакого ответа — срок истек 1 апреля 1975 года в 24 часа по средневропейскому времени. За уклонение от боя Фишер был лишен звания, а Карпов провозглашен чемпионом мира.

Конгресс в Берген-ан-Зее — это луч надежды в нынешнее неспокойное шахматное время. Его решения говорят о том, что нельзя уже безнаказанно пренебрегать общими интересами в угоду интересам эгоистическим. Но эти решения лишь первый шаг, за ними должны последовать другие, которые и приведут к справедливому порядку в мире шахмат.

Конечно, и шахматный мир и Карпов сожалеют о том, что матч 1975 года не был проведен. Однако сожалениями тут нельзя ограничиваться: ФИДЕ обязана оповестить шахматистов всего мира о том, что же случилось с Робертом Фишером.

Как каждый большой шахматист, Фишер принадлежит всему миру. Шахматисты имеют право общения с бойцом, который ранее вызывал своей бесстрашной игрой столько симпатий; может быть, калифорнийский «кузник» еще сменит свое затворничество на поединки за шахматной доской?

Итак, у шахматистов земного шара появился новый и молодой лидер — Анатолий Карпов. Он пользуется большой популярностью во всем мире, и, конечно, прежде всего в СССР, особенно среди советской молодежи. Не случайно А. Карпов (вместе с другими выдающимися советскими спортсменами) избран членом ЦК ВЛКСМ.

Анатолий Карпов, несомненно, сильнейший шахматный боец наших дней. Дважды, в 1973 и 1974 годах, ему присуждалась премия Оскара как лучшему шахматисту мира по результатам прошедшего года. 24 апреля 1975 года президент ФИДЕ М. Эйве официально провозгласил его чемпионом мира. Перед Анатолием Карповым открыт трудный путь к новым достижениям. Шахматный мир с удовлетворением встретил заявление нового чемпиона, что он уже в ближайшее время примет участие в крупных шахматных баталиях. Пожелаем ему удачи!

# ВСТАНЬ ДО СОЛНЦА!



Михаил ЛАВРЕНТЬЕВ.  
Фото Вадима ОПАЛИНА.

**К**то сказал, что земля открыта! Оглядишься вокруг. За порогом твоего дома простирается «терра инкогнита» — земля неведомая.

Вслушайся в предрассвет и уют тишину. Ты услышишь миллионы шагов. Это идут открывать неведомые края землепроходцы XX века — туристы.

Не верь тем, кто утверждает, что все дороги хожены и перехожены, что справочники и путеводители, кино и телевидение могут заменить дорожные впечатления.

Ты видел, как вьет гнездо полевая

птаха! Ты слышал, как в полдень поет ветер в горных ущельях и на закате плещет рыба в лесных озерах! Ты вдыхал аромат чая, заваренного в помятом походном котелке на туристском костре!

Самую ясную и щедрую радость дарит путнику родная земля. Десять лет назад я встречал весенний рассвет в Мещере, в лесах за Гусь-Хрустальным. Помню, как непрошенный гость — туман вполз в палатку и выжил нас на поляну, полную росой. Деревья стряхивали с себя дрему вместе с каплей, шевелили ветками, будто разминаясь перед дальней дорогой. Когда мы прибрали бивак и погасили костер, они дружелюбно закивали кружевными макушками. Мы уходили по не приметной стежке,

заросшей хвощом, и ветер, опережая нас, разносил по лесу утренние новости.

Группа шла по лесу Мещеры. Словно устыдившись своей неуместности, молчали транзисторы. И мы видели, как подбегал к тропе храбрый заяц, как лениво и нехотя уступал нам дорогу старый тетерев, истомленный многодневным токованием и дуэлями на токовище, как рядом с высушенной березой выбрасывала первый лист зеленая дюймовочка — новорожденная березка, как в ольшанике распускал лучики-лепестки кукушкин цвет — волшебная трава, которой издавна лечили на Руси самый горький недуг — сердечную боль...

И если ты захочешь стать очевидцем простого волшебства — распах-

Владимир САВЕЛЬЕВ

Ни ненавистью, ни любовью  
не смея смутить естество,  
лежу у щек Подмосквья,  
затянут дыханьем его.

Спиной приминая на лете  
ромашковые лепестки,  
лежу, приземленным этим  
возвысив живые мирки.

Лежу: муравьи-доброхоты,  
до сути постигшие труд,  
что крошечные вездеходы,  
у самого носа ползут.

Над баночкой из-под «Вноль»  
взмывают шмели в синеву,  
как будто бы кто-то завел их  
и ключик забросил в траву.

А яблоки светятся росно.  
И чудится мне: невадали,  
рассыпавшись, замерли  
звезды,  
чуть не дотянув до земли.

Всего-то чуть-чуть...

Но измерьте  
в себе эту вещую страсть:  
не за два мгновенья  
до смерти,  
а просто к планете припасть!

Дремлю я здесь или тоскую!  
Заметно набравший сил,  
я собранность не городскую  
в душе своей вновь  
воскресил.

И вздрагиваю с непривычки  
и локтем вожу в синеве,  
едва лишь спина электрички  
скользнет в запыленной траве.



ни дверь дома своего и сделай первый шаг по земле неведомой, где только для путешественников расцветает гордая Роза Ветров.

Каждому поколению суждено заново «открывать» для себя свою страну. В какой-то момент ты вдруг начинаешь видеть то, чего раньше не замечал, а что было известно тебе, вдруг предстает в новом освещении или оборачивается дотоле неведомой стороной. Именно поэтому каждый наблюдательный турист открыватель.

В давние времена по неторным тропам Якутии проходил богатырь Мюльдю Сильный. Он умел говорить с солнцем и мог повелевать пургой, его слушались олени и летние травы, его любили бедняки и боялись жадные богачи, потому что Мюльдю обещал сделать каждого якута счастливым и сильным. Так говорят олонхо — народные сказания.

Сбылась мечта былинного богатыря. В селениях-наслегах зазвучали новые песни, молодежь придумала новые пляски и танцы, даже северные ночи отступали перед электрическим сиянием новых городов и поселков Якутии. Но все реже и реже звучали стародавние протяжные сказания-олонхо, все меньше становилось даже в самых далеких наслегах певцов-олонхохосов.

— Песня не должна навсегда покинуть землю, на которой она родилась! — решили юные туристы и краеведы Легойской средней школы Усть-Алданского района. И пошли искать песню.

Древние олонхо стали первыми экспонатами одного из самых удивительных и интересных музеев, которые мне довелось повидать в стране. — Музея якутской литературы. Школьного музея, куда приезжают для исследовательской работы ученые-филологи, историки и искусствоведы из Якутска и Москвы. Сельского музея, оформлению и содержанию которого мог бы позавидовать большой город.

Сменяются поколения школьников, но поиск продолжается. Каждое лето в дальний путь уходят из Легойского туристы-искатели. Записи олонхо о Мюльдю Сильном экспонируются в первом из четырнадцати разделов школьного музея. «Фольклор Якутии», «От ликбеза до университета», «Якутская пресса», «Писатели и поэты Якутии» — эти названия экспозиций говорят сами за себя.

В книге отзывов я прочитал такую запись: «Мы, геологи, приехали в Якутию искать алмазы только в недрах земли, а нашли их и в песнях,

рожденных землей, и в сердцах юных легойских краеведов — хранителей песни!»

Прислушайся к звукам земли! От Якутии до горного Крыма, от края до края нашей просторной Родины ты услышишь шорох шагов, всплеск весел, скрип снегов и мерный рокот моторов. Это идут, плывут, едут по земле туристы. Ты встретишь их в лесах Брянщины, в партизанском урочище Медвежьей Печи, в Приполярном Урале и на «Золотом кольце» Центральной России, в Прибалтике и на реке Кама, в Карелии, на Сахалине, в Белоруссии.

Турист СССР. Его возраст — от семи до семидесяти. Место жительства — вся страна. Он шагает по росистым лугам, рассекает грудью туристского челна-байдарки зеркала дремлющих озер и рек, будит песнями облака, прикорнувшие на отрогах гор, ловит первый луч восхода на спицы дорожного велосипеда, опускается в тишину и сумрак подземных пещер, мчится навстречу новым впечатлениям в туристском поезде и автомобиле, с рюкзаком за плечами садится в седло мотоцикла или отправляется в путешествие на лыжах, а то и верхом на лошади.

Турист СССР. Он бережно прикасается ладонью к незажившей ране земли — брустверу осыпавшегося окопа и, скинув шапку, молча стоит перед краснозвездным обелиском. В октябре прошлого года ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе комсомольских организаций Белоруссии по развитию туристской экспедиции «Моя Родина — СССР». Речь идет о вовлечении всех категорий молодежи во Всесоюзную экспедицию. В этом году только Бюро молодежного международного туризма «Спутник» проведет по маршрутам экспедиции 1 миллион 200 тысяч юношей и девушек. 17 поездов «Дружба» прибудут в города-герои.

Несколько лет назад вместе с туристами турбазы «Беларусь», что притулилась у самого берега раздольного водохранилища — Минского моря, я ходил в многодневный лодочный поход. Вечером, остановившись на ночлег, мы собирали сухняк для костра и тогда заприметили странное дерево — сухую сосну с искореженным, изогнутым стволом, обезображенным горбатыми, корявыми наростами.

Гулко застучал по мертвой коре топор. Ствол упал на песок почти беззвучно. И лишь тут мы увидели, как затупилось и зазубрилось лезвие топора. Стали искать причину. И нашли ее: десятки стальных осколков и

пуль, буквально изрешетивших одинокое дерево три десятилетия назад. Наверное, сосна тогда истекала смолой, смлилась жить и тянуться к солнцу, но металл оказался упрямей дерева. И оно умерло там же, где и родилось, у песчаной бухточки, где мы нашли еще пробитую красноармейскую каску.

Каждый из нас взял по куску металла. Мы договорились узнать, кто здесь воевал, кого сосна прикрыла своим телом.

А может быть, тебе или твоему другу удастся прочитать зашифрованную временем эту историю или тысячи других, подобных ей!

Ты пройдешь вдоль обороны сорок первого — сорок второго годов, прошагаешь на запад по дорогам наступления сорок третьего — сорок пятого и где-то там, у памятника с незнакомыми тебе именами, дашь сам себе клятву. Чтобы только зорь, а не пожарница алели над горизонтом, чтобы раненые деревья не истекали соком, чтобы старые солдатские вдовы на заросших горькой польникой военных расстанях никогда не повстречали своих плачущих дочерей и невесток, зажавших в руках серенькие листки солдатских похоронок. Чтобы черные взрывы не разрушали чистую рассветную тишину.

Взрыв... Это слово все чаще употребляется в нашем лексиконе лишь тогда, когда мы говорим о строительстве каналов и плотин, когда понимаем слово «взрыв» в переносном смысле.

Туристский взрыв. Так во второй половине XX века социологи назвали глобальное явление, буквально всколыхнувшее планету. Если раньше, до пятидесятих годов, в путешествия выходили ярые энтузиасты или привилегированные одиночки, то вот уже четверть века подавляющее большинство человечества обуяла неукротимая тяга к перемене мест.

Любители сравнений и параллелей сели за пульты ЭВМ и подсчитали: «...Общая длина пути, пройденного туристами планеты за один год, равняется расстоянию до Луны и обратно...», «...груз, переносимый туристами в рюкзаках, мог бы разместиться только в ста товарных составах...». Это забавная статистика. А вот и печальная. Кто-то из вычислителей вывел такой эквивалент: «Один турист за год наносит зеленым насаждениям столько же вреда, сколько... две козы, содержащиеся без привязи». Что же, это равенство нетрудно нарушить, стоит лишь привязать нерадивых коз. Сложнее с туристом. Как с ним поступить! Однозначный ответ здесь

попросту невозможен. Вот почему как результат туристского взрыва во многих странах мира, в том числе и в СССР, рядом с символом путешествий — Розой Ветров — расцвела новая наука, изучающая проблемы рекреации — активного отдыха человека.

Ты знаешь, сколько тысяч «как», «где» и «почему» породил массовый туризм! Например: как совместить задачи охраны природы с задачами туризма; как удовлетворить запросы туриста, вобравшего в себя чуть ли не весь мир человеческих увлечений; где воздвигнуть «туристские базисы», способные утолнить жажду первооткрывательства путешественников и отвечающие требованиям законов природопользования; куда направить бурные туристские потоки и где закрыть доступ любителям путешествий; почему один турист стремится на комфортабельные базы, на специально оборудованные теплоходы или автобусы, наслаждается сервисом, а другой бежит от этого сервиса, как от лесного пожара, забирается в крошечную глухомань и сторонится всех видимых очагов цивилизации!

Над многоплановыми проблемами отдыха и туризма работают научно-исследовательские институты и лаборатории, советы по туризму и экскурсиям, общественные молодежные организации.

Так, при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова не первый год занимается исследованиями и решениями проблем рекреации молодежный совет по охране природы. Под руководством председателя совета кандидата биологических наук Николая Марфенина и ученого секретаря совета биолога Дмитрия Кавтарадзе студенты МГУ совершили экспедиции на Дальний Восток и в Мещеру, на Байкал и в Подмосквье.

«Рациональное планирование рекреационных территорий», «Определение допустимых нагрузок на лесные массивы» — вот лишь две темы исследований из многих, по которым студенты-москвичи сделали серьезные выводы и научно обоснованные заключения.

К голосу молодых все чаще прислушиваются в организациях и ведомствах, занятых вопросами развития туризма и охраны природы.

Благородную задачу сберечь красоту и богатства земли поставили перед собой студенты Казанского университета имени В. И. Ульянова-Ленина. На базе кафедры охраны природы и биогеоценологии казанские студенты исследовали ряд проблем,

## Точка касания

А помнишь мир, где мы казались просто нищими!  
С измотанностью лишь упрямостью борясь,  
ребята лебеду пинали сапожницам,  
чтоб в двери не тащить саратовскую грязь.

С комбинезонов грязь обмахивали ветошью,  
сшибали с кепок пыль. Потом шагали в зал,  
верней, в тот самый мир, где взгляд  
библиотекариши  
и влек нас, и смущал, и вновь остепенял.

В тот мир, где стеллажи вдоль стен тянулись  
двоенно, где книги, громоздясь почти  
до потолка,  
равнение по рядам держали, словно вонны  
в своих глухих плащах,  
потершихся слегка.

В тот мир, где абакур висел багровым бакеном,  
где кактус и вьюнок сплетались в полусне.  
Где стыло, как лучи, завязанные бантиком,  
на остреньком носу старинное пенсне.

Сомнение в себе есть первый шаг познания.  
В том мире даже стол, не знавший скатертей,  
был вроде не столом,  
а точкою касания  
падовой и чернил, обложек и локтей.

Над ним мы свой досуг, не жадничая,  
тратили,  
приоткрывались вдруг и замыкались вновь.  
Особо в те года ценила наша братня  
не книги про войну, а книги про любовь.

И, томик залучив, хрустящими  
газетами  
спешила обернуть неяркий переплет.  
Нам следовало знать: с дорогами воспетыми  
становится ли в ряд дорога  
на завод!

Нас угнетал вопрос: с тоской или с охотою  
студентки в местный клуб являются к шести!  
Мы жаждали постичь: дышать нам лишь работою,  
чтоб в этом да еще в семье себя найти!

Да, в жизни, чьи ходы неведомы заранее,  
держался стол под гнетом прозы и стихов  
не точкою над «и», а точкою касания  
и тропок, и путей, и замкнутых кругов.

Топталась у него начальство и рабочие...  
Сердита и добра, устала и горда —  
столы библиотек, как будто многоточия,  
судьба моя несет сквозь дали и года.

Рисунок Михаила ПАПКОВА

возникающих при походах в горы.  
Для наиболее объективного изучения  
норм природопользования были при-  
влечены к исследованиям и туристы-  
«горняки» и опытные горноальпинисты.  
На туристских трассах Иркутской  
области несколько лет патрулируют  
студенты Иркутского университета  
имени А. А. Жданова. В дружинке по  
охране природы вместе с ними — мо-  
лодые рабочие заводов, комсомоль-  
цы — учащиеся ГПУ и техникумов.

Дружинники одергивают и призы-  
вают к порядку тех горе-ходово-  
в, которые придерживаются принципа  
«после меня — хоть потоп», на при-  
валах инструктируют туристские груп-  
пы, следят, чтобы не возникали лес-  
ные пожары.

Не так давно появился новый тер-  
мин: «индустрия туризма». Можно на-  
звать сотни туристских баз и кемпин-  
гов, указать адреса многочисленных  
пунктов проката походного снаряже-  
ния и инвентаря, рассказать о турист-  
ских поездах, кораблях, автобусных  
маршрутах, о целых туристских ком-  
плексах, например, таких, как «Золо-  
тое кольцо», но все это даже при  
подробном перечислении и описании  
не исчерпает понятия «индустрия ту-  
ризма». Новая индустрия внесла свои  
дополнения в географическую карту.

Посмотри на карту Литовской ССР.  
В сорока километрах южнее Каунаса,  
на берегу реки Нямунас, найди горо-  
док Бирштонас. Здесь одно из звень-  
ев туристской индустрии страны —  
турбаза, по праву считающаяся одной  
из лучших. Гости турбазы «Биршто-  
наса», а сюда приезжают со всех кон-  
цов Союза, получают, кроме благ,  
предусмотренных туристским серви-  
сом, хорошее «туристское образова-  
ние». И что особенно примечательно  
— здесь учат не только смотреть,  
но и видеть, замечать прекрасное в  
природе, понимать природу, учат  
слышать даже самые тихие позывные  
земли. И не зря говорят в Бирштона-  
се: каждый турист становится у нас  
поэтом или художником.

Интересная встреча с художниками  
произошла у меня в Хачмаском райо-  
не Азербайджана. Группа самоде-  
ятельных живописцев из Сумганта  
прибыла сюда на мотоциклах. Там,  
где золотые пески приморского пля-  
жа окаймляются сочной зеленью ду-  
бов, буков и грабов, путешественни-  
ки расставили мольберты, уложили в  
кружок рюкзаки, загнали в тень свои  
«Явы» и «ИЖы». И отправились за  
родниковой водой. Потому что ни од-  
но серьезное дело не начинается без  
чаепития, а настоящий чай можно за-  
варить только на родниковой воде.  
Так авторитетно заявили сумгантские

туристы. Мы медленно поднимались  
по пологому склону, стараясь не  
сплунуть полуденную безветренную  
тишину, какая бывает только в очень  
жаркие дни в лиственных лесах За-  
кавказья.

Солнце и резные листья деревьев  
отпечатывались на черной влажной зем-  
ле четкие графические узоры, ле-  
нивые зеленые ящерки дремали на  
темных корягах, не обращая на нас  
никакого внимания, упругие травы  
выпрямлялись тотчас после того, как  
по ним ступала нога.

— Скоро родник, — сказал мне со-  
сед по тропе.

Мы поднялись на лесистый холм, в  
центре которого увидели круглую,  
словно циркулем вычерченную зем-  
ляную чашу.

Идущий впереди вдруг остановил-  
ся у края чаши и огорченно развел  
руками:

— Что натворил проклятый ливень!  
Каких камней навалил! Родник за-  
хотел задушить!

Все сияли кеды, засучили по ко-  
лена джинсы и забрались в жирную  
грязь. Скользкие тяжелые камни пе-  
редавали из рук в руки. Кто-то сбег-  
ал за лопаткой и расчистил сток.  
Солнце катилось на запад, вокруг  
становилось все сумрачней. Выходной  
день подходил к концу. Когда род-  
ник ожил и запел тоненьким голосо-  
ком свою извечную песню, было уже  
темно. Мы напились из горстей и на  
ощупь вышли к месту стоянки. Ху-  
дожники сложили мольберты, а к ба-  
гажнику последнего мотоцикла при-  
торчили холодный пустой самовар.

— А чай! — спросил я.

— Приходи в следующее воскре-  
сенье! — засмеялись ребята. — К род-  
нику пойдем, самой вкусной на свете  
воды наберем, самый душистый чай  
заварим. Жажды не будет. На душе  
легко станет!

Я часто вспоминаю встречу у безы-  
мянного родника. И если тебе до-  
ведется выйти на туристскую тропу,  
выходи на нее другом земли, ее по-  
чтительным сыном и заступником. И  
она сторицей отплатит за благоже-  
лательность и доброту. Напоят тебя,  
как из ключа с живой водой, мудро-  
стью дороги.

В Азербайджане записаны эти сло-  
ва путников-мудрецов, слова, не по-  
терявшие значения за многие сто-  
летия. Мудрость дороги... Запомни  
ее: «Сначала пройди предстоящий  
путь мыслью и сердцем и лишь по-  
том ногами», «Глупый перед дорогой  
много ест, умный — много слушает»,  
«Если сердце не чувствует, то и гла-  
за не видят», «Если голова не дума-

ет — ноги зря ходят», «Кто ест в оди-  
ночку, тому и груз тащить одному»,  
«Загородившего дорогу проклинают  
братья, сломавшего куст проклинают  
сыновья, погубившего зря дерево  
проклянут внуки», «Самая красивая  
одежда путника — скромность», «Ес-  
ли ты устал, знай, что твой друг ус-  
тал вдвойне», «Выбери себе спутни-  
ка до того, как тронешься в путь».

Выбери себе спутника... Этот совет  
особенно полезен, если ты задумал  
отправиться в сложное многодневное  
путешествие. Обязательное условие  
такого похода — психологическая со-  
вместимость спутников. Когда трудно-  
сти дальней дороги преодолеваются  
сообща, все положительные и отрица-  
тельные качества характеров прояв-  
ляются зримо, от товарищей их не  
утаить. В минуты наивысшей физиче-  
ской усталости (а не обойтись и без  
таких минут!) неожиданный эмоцио-  
нальный срыв, вспышка недоброже-  
лательности по отношению к спутни-  
кам, каприз могут на долгое время  
испортить всем хорошее настроение,  
омрачить весь долгожданный отпуск.

Бывалые мастера туризма советую-  
т: перед тем, как выйти на старт  
путешествия, опытным путем надо оп-  
ределить, будет ли сплоченным, а  
значит, и сильным коллективом. Обяза-  
тельно требуется испытать будущих  
спутников «на уживчивость» — в по-  
ходах выходного дня, в тренировоч-  
ных вылазках на местности, похожей  
на трассу большого похода. Испыта-  
ние «на уживчивость» и дисциплини-  
рованность продолжается при вы-  
боре и подготовке снаряжения, при  
составлении рациона питания, при  
разработке маршрута, при коллеги-  
альном распределении индивидуальных  
обязанностей между членами  
группы. Надо твердо запомнить: в  
дальнем походе каждый выполняет  
роль того или иного руководителя,  
в зависимости от способностей, опы-  
та и возможностей. Любому из них  
должны помогать в случае необходи-  
мости остальные туристы, точно так  
же, как он сам обязан безропотно  
ассистировать товарищам.

Есть и еще одно непеременимое ус-  
ловие комплектования группы: каж-  
дый из твоих спутников должен быть  
любопытным и наблюдательным  
человеком. Иначе никаких открытий  
на туристской тропе не произойдет,  
позыные земли не будут услышаны,  
и путешественники уподобятся неза-  
дачливому котенку из старой англий-  
ской песенки:

— Где была ты, киска!  
— У королевы у английской!  
— Что ты видела при дворе!  
— Видела мышку на ковре!

Великий знаток и певец дальних  
дорог Михаил Михайлович Пришвин  
писал: «Пусто никогда не бывает в  
лесу, а если кажется пусто — сам ви-  
новат». Точно так же можно сказать  
о дорогах среди полей или среди  
гор, о речных и озерных маршрутах:  
«...если кажется пусто — сам вино-  
ват».

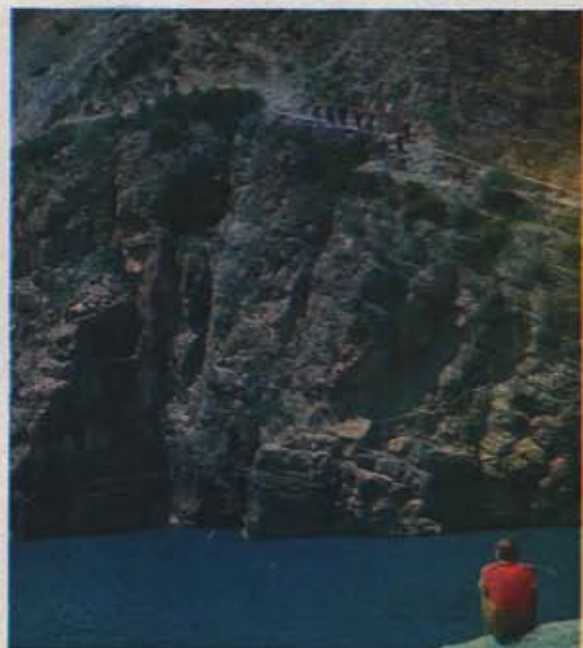
Один из патриархов туризма, стар-  
ейший ленинградский педагог Нико-  
лай Сергеевич Полякин, как-то очень  
точно сформулировал: «Турист — это  
практичный романтик», — и пояснил:  
«...практичный — потому, что поход —  
мероприятие сложное и требующее  
практической сметки, поход — не  
прогулка. А романтик — потому, что  
без романтики всякое путешествие  
превращается в унылое перемеще-  
ние рюкзака из пункта «А» в пункт  
«Б» и в нерациональное использо-  
вание шагомера».

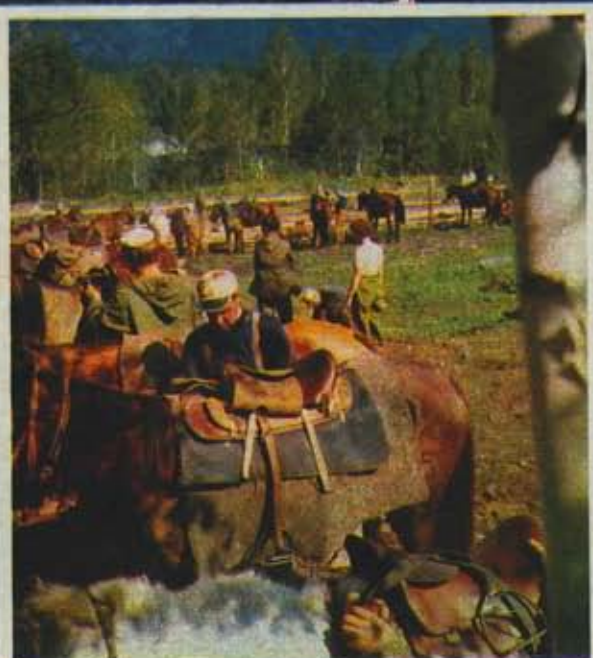
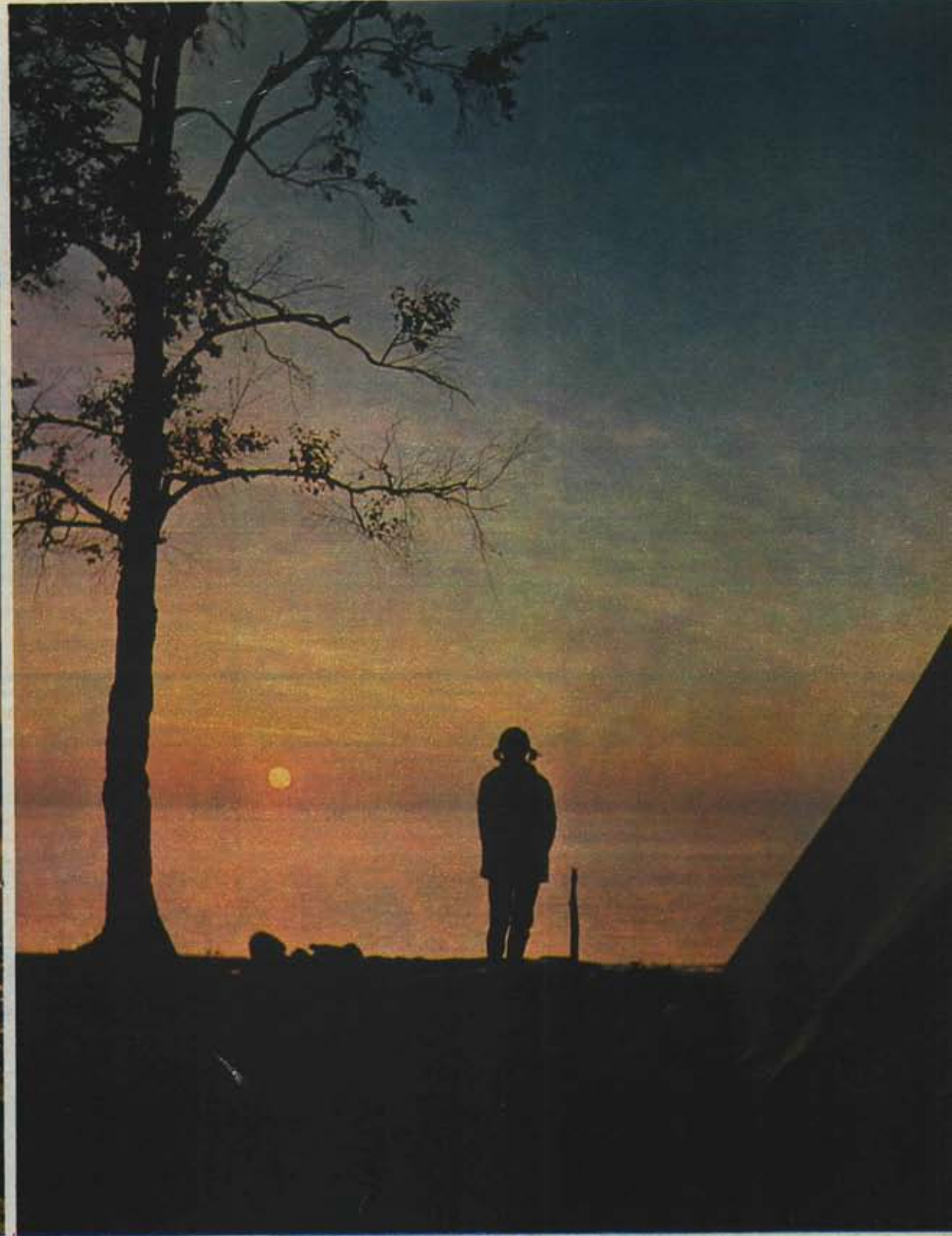
Кстати, о «Шагомере». Так называ-  
ется стенная газета туристов и кра-  
еведов Беседского совхоза-техникума  
Ленинградской области. Завтрашние  
специалисты сельского хозяйства и  
сельские строители, создатели и кор-  
респонденты «Шагомера» избрали  
мерилом спортивных, военно-патри-  
стических и краеведческих походов не  
только пройденный километраж, но и  
общественно полезную и агитацион-  
ную работу, совершенную туристами  
и краеведами.

В пяти километрах от Беседы по  
зарастающим просекам, вдоль дорог  
и на берегах быстрых ручьев зимой  
и летом несут бессменный караул у  
лужского оборонительного рубежа  
обросшие мхом железобетонные на-  
дольбы. Здесь в перае месяцы вой-  
ны части Красной Армии сдержали  
натиск гитлеровских дивизий, не да-  
ли врагу осуществить план молни-  
еносного захвата Ленинграда.

Лужский оборонительный рубеж —  
маршрут постоянных походов парней  
и девчат из Беседы, взявших шефство  
над многокилометровой лесной зо-  
ной. Молодые патриоты расчищают  
площадки и просеки у железобето-  
нных пирамид, хранящих на плоско-  
стях, обращенных к западу, следы бе-  
шеного артиллерийского и пулемет-  
ного огня, помогают лесничеству ох-  
ранять леса от пожаров, водят с со-  
бой к месту воинского подвига октя-  
брат и пионеров из окрестных  
школ.

До сорок первого года неподалеку  
от Беседы была большая деревня Вы-  
ползово. Ее дотла сожгли фашисты.  
Туристы техникума разработали про-  
ект, изготовили и установили перед  
руинами Выползова памятный указа-





тель. И стало неписанным законом: когда идут на поля отряды трудовых десантов, когда уходят в поход по родному краю следопыты, у памятного указателя они останавливаются на минуту молчания.

На одном из слетов юных туристов Подмосквья я прочитал в стенгазете, выпущенной ребятами из Куркина, ответы на вопрос, заданный редакцией: «Зачем ты ходишь в походы!»:

«Чтобы закалиться и отдохнуть». «Для расширения кругозора». «Чтобы научиться искать и находить».

«Хочу встретиться с интересными людьми».

«Люблю посидеть у костра и помечтать».

Газета называется «ЛУЧ». «ЛУЧ» — первые буквы еще одного определения туристов:

Люди,  
Узнающие  
Чудеса.



## ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ОСТРОВ СВОБОДЫ УЧИТСЯ
2. И ТУТ КРИЗИС!
3. У ХРАМА БЕНЗАЙТЕН
4. КЕЛЬТЫ В ЕВРОПЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ
5. КОНЦЛАГЕРЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ
6. ТИШЕ! ЗДЕСЬ ВЫРАЩИВАЮТСЯ УЛИТКИ
7. ПО «СТЕНЕ СМЕРТИ»
8. СПАСИТЕЛЬНОЕ ПРОТИВОЯДИЕ
9. КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ДНО ОКЕАНОВ!
10. КОИМБРА. ГОРОД СТУДЕНТОВ
11. «УБИТЕ ЕЩЕ РАЗ!»
12. МЫШЛЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА

Обзор зарубежной прессы.  
Материалы печатаются в изложении.

### 1.

Перед революцией четверть населения Кубы была неграмотной. Теперь остров Свободы является единственной страной Латинской Америки, где неграмотность ликвидирована полностью. Число учащейся молодежи за первое десятилетие после победы революции утроилось. Прежде, во времена правления диктатора Батисты, девять тысяч учителей были без работы. Из каждых ста детей, начинающих обучение в школе, до третьего класса доходило только 85, а оканчивало школу всего шесть человек. Сейчас обучение в школе является обязательным для всех детей с шестилетнего возраста. Система образования складывается из шестиклассной начальной школы и четырехклассной средней. Если ученик средней школы собираются учиться в вузе, то предварительно он должен окончить еще одну с трехлетним сроком обучения — преуниверситариа.

Большая роль отводится на Кубе сельской средней школе нового типа. Каждая такая школа, где обычно учатся 250 юношей и столько же девушек, представляет собой своего рода маленький учебный городок. Школе принадлежит сельскохозяйственный участок площадью 500 гектаров. Все ученики три часа в день работают в поле, выполняя полный комплекс сельскохозяйственных работ. Руководство работой учеников осуществляют квалифицированные специалисты. Сейчас на Кубе действует уже несколько десятков таких школ.

«ВОЭМИА», КУБА

### 2.

В течение последних 25 лет в области торговли картинами происходил настоящий бум. На каждом крупном аукционе побивались все прежние рекорды стоимости картин. Так, с 1959 года цена на импрессионистов увеличилась в 20 раз, на модернистов — в 200, а на некоторых современных художников — в 300 и более раз. При этом беззастенчивые торговцы не устали напоминать, что живопись была и остается самым выгодным помещением капитала.

Однако сейчас и в этой области появились приметы явного кризиса. Летом 1974 года на аукционе в Лондоне картина Моне «Сена в Аржантее», оценивавшаяся в 1972 году в 604 800 долларов, была продана лишь за 466 200 долларов. На октябрьском аукционе в Нью-Йорке один из натюрмортов Брака был продан за 270 тысяч долларов, тогда как обычно его стоимость колебалась между 400 тысячами и 500 тысячами долларов. Картины Моне, Дега, Пикассо покупались за цену на 30—40 процентов ниже их прежней цены. А примерно треть из выставленных на продажу полотен вообще не нашла себе покупателей. Такое положение заставляет многих «любителей живописи» побыстрее сбывать приобретенные раньше картины. Японцы, совершившие в 1972—1973 годах массовые закупки на аукционах живописи, теперь стараются освободиться от своих приобретений. Уже к июлю 1974 года во французской таможне хранилось 1 500 полотен, присланных на продажу из Японии.

На последнем аукционе в Лондоне в декабре 1974 года стало ясно, что все это не просто изменение конъюнктуры, а самый настоящий кризис. Больше половины полотен вообще не удалось продать. Цены на Моне, Сислея, Сезанна продолжали падать. Но особенно обесцениваются модернисты, то есть те, на ком больше всего нажились торговцы в годы бума. От их полотен сейчас уже отказываются музеи Европы и Америки. Да и так называемые «любители живописи» тоже стали разборчивее. И если раньше они покупали только «под-

пись», то теперь этого им уже недостаточно. Ныне устроители аукционов вынуждены по-иному агитировать своих клиентов: «Никогда не покупайте картину только для того, чтобы выгодно вложить в нее средства. Покупайте то или иное произведение искусства лишь тогда, когда вы любите его по-настоящему. Только в таком случае это и будет тем выгодным и надежным помещением капитала, какое вы ищете».

Ну, а уж если торговцы заговорили о любви и искусству, значит, дела действительно плохи...

«ЭКСПРЕСС», ФРАНЦИЯ

### 3.

Неподалеку от Токио находится храм богини счастья — Бензайтен. Верующие утверждают, что вода, пробивающаяся на поверхность в одной пещере у храма, может оказаться полезной для тех, кто полетел ею своим... деньгам.

Когда у японцев начинает катастрофически не хватать денег, они особенно усиленно посещают храм Бензайтен. И молодые и старые старательно поливают купюры в ожидании обогащения, а богатство все не идет и не идет. И вспоминаются страницы бесстрастного «Пинокино» — Буратино, которого уговорили зарыть денюжки в землю [чтобы эти солдаты превратились в множество лис]. А потом их изъяли оттуда продвигая кот Базилио и лиса Алиса.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ



### 4.

Недавно румынским археологам удалось обнаружить у деревни Финтинеле в Трансильвании большое древнее захоронение латенского типа. Находка является одним из наиболее крупных кельтских захоронений в Европе. В восьмидесяти исследованных до настоящего времени могилах обнаружены украшения, керамика и оружие, которые помогут разъяснить спорные вопросы истории кельтов. До сих пор единственным местом, которое подсказывало археологам хронологические рамки в истории кельтских племен, был кельтский некрополь в Мюзингене (Швейцария).

Раскопки в Финтинеле должны, по мнению ученых, дать ответ на ряд вопросов, связанных с проникновением кельтов в Восточную Европу. До последнего времени считалось, что кельты из мест своего

первоначального обитания постепенно продвигались на юг, запад и восток. В некоторых местах они иногда задерживались на десятки лет. Ученые полагают, что кельты проникли в Трансильванию около 300 года до нашей эры. Однако открытия в Финтинеле свидетельствуют, что кельты пришли в Трансильванию на одно столетие раньше, то есть около 400 года до нашей эры. От того времени сохранилось 23 могилы.

Как полагают специалисты, результаты открытия ученых приводят не только к изменению взгляда на распространение кельтов в Европе, но и к новым концепциям развития культуры в районе Карпат и Дуная.

«ФЛАКЭРА», РУМЫНИЯ

### 5.

Из Чили пришло зловещее известие. Как заявил генеральный секретарь международной комиссии юристов в Женеве Найл Макдермот, режим Пиночета намеревается создать в стране так называемые трудовые лагеря для подростков и юношей. В них должны быть заключены 600 тысяч детей. В лагерь в первую очередь стремятся отправить детей, родители которых были уничтожены во время военного путча. На следующем этапе расширения системы лагерей в них будут сосланы подростки и юноши, поддерживавшие законное правительство Альенде.

Как известно, фашистская хунта ликвидировала ежедневную выдачу детям пол-литра молока, введенную ценой больших финансовых жертв правительством Альенде. После прихода к власти фашистов народ доведен до крайней нищеты. А сейчас генералы замышляют загнать детей в такие же лагеря, в которых до сих пор содержатся в условиях оскорбляющих человеческое достоинство, более 10 тысяч взрослых. При этом выдвигается циничный тезис о необходимости «перевоспитания» подростков.

«ДИ ТАТ», ФРГ

### 6.

Забор окружает футбольное поле, давно не используемое, и на нем предупреждение: «Тише! Не беспокойте улиток!»

Поле это, находящееся в одном из итальянских городов, — ферма улиток, а улитки весьма болезненно реагируют на любой шум, даже на такой, как тяжелые шаги или крик.

Шум расстроил и капитана Карбони, который потратил заработанные армейской службой деньги на затею, которая, как он полагает, принесет ему богатство. Идея такого использования средств появилась у капитана после того, как он прочитал о человеке, который начал с двух цыплят и пришел к тому, что стал богатейшим производителем цыплят и яиц в Америке.

Карбони решил специализироваться на разведении улиток, этого деликатеса, за которым охотятся гурманы всего мира. Капитан досконально изучил все тонкости, связанные с выведением улиток.



Потом он нашел заброшенное футбольное поле и засадил его мятой, кудрявой петрушкой, шалфеем, розмарином и т. д. и выпустил на поле две тысячи улиток, каждая из которых откладывает 120 яиц в год. Теперь заказы поступают из США, Англии и даже Франции, традиционного поставщика улиток. Вот почему он призывает к тишине: если улитки нервничают, они становятся менее вкусными.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

7.

Эта ограниченная кругом вертикальная стена носит у могогонщиков название «стена смерти». Она опасна и для взрослых могогонщиков, демонстрирующих на стене свое искусство. Десятилетний школьник из Лингбю (Дания) Сорни Арги любит пролазить свою необычайную храбрость, выступая в ярмарочных балаганах различных городов страны.

Маленький Сорни считается профессионалом и этим летом совершил зарубежное турне по ФРГ, где будет жаться по «стене смерти» со скоростью 80—100 километров в час. На снимке: Сорни и его семилетняя сестра Катрин на тренировке.

«СЕ», ШВЕЦИЯ



8.

Под впечатлением страданий и смерти пациента, отравившегося ядовитыми грибами, доктор Пьер Бастьен из города Нанси во Франции начал изучать возможность создания противоядия, способного спасти жизнь пострадавших.

Исследования, предпринятые доктором Бастьеном, продолжались несколько лет и привели к неожиданному положительному результату. На базе медикамента, составленного из витаминов С и В, и антибиотиков, он достиг значительного успеха. Интересно, что в начале своих опытов, убежденный в эффективности созданного лекарства, доктор Бастьен испытал его... на себе. Он съел приготовленные его женой ядовитые грибы и использовал в качестве противоядия новый препарат. Опи-

раясь на наблюдения, сделанные при этом необычном и драматическом эксперименте и при лечении трех других пациентов, отравившихся грибами, Бастьен сумел усовершенствовать свой препарат.

«ИЛЛЮСТРЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

9.

Кому принадлежит дно океанов? Этот вопрос не раз повторялся на Международной конференции по морскому праву в Каракасе (Венесуэла). И не случайно: ответ на него волнует многих. Ведь речь идет о 71 проценте всей поверхности планеты, о несметанных богатствах, хранящихся на дне океанов.

Миллиардер Говард Хьюдженс уже построил лабораторию «Гломер эксплорер», главная цель работы которой — определить, как наиболее эффективно использовать морское дно, особенно запасы меди, марганца, никеля, железа, олова и кобальта. В глубинах океанов скрывается в 4 тысячи раз больше марганца и в 5 тысяч раз больше кобальта, чем внутри земли.

В 2000 году океаны смогут прокормить 30 миллиардов людей, в то время как материка — только 6 миллиардов. Неудивительно, что вокруг океанов шло множество споров в Каракасе. Дело в том, что разные государства имеют различные территориальные воды. Так, для Великобритании они составляют три морские мили, 12 — для Франции, 30 — для Мадагаскара, 200 — для Латинской Америки и т. д. По этому поводу случаются и конфликты, которые нередко рассматриваются даже в ООН.

«ВИДНОКРЕНГИ», ПОЛЬША

10.

Существующий в Коимбре с XVI века университет — гордость Португалии — прошел долгий путь развития. Лет двести назад это учебное заведение было реорганизовано — созданы заново или модернизированы кафедры иностранных языков, математики, физики и медицины, но затем начался спад — университет попал под контроль всемогущей церкви. Время как бы остановилось в Коимбре. Во всех обычаях и традициях здесь царит прошлое. Студенческие мантии старинного фасона, замысловатые ритуалы приема новичков, архаический порядок приращения докторских степеней — все доныне идет по строго соблюдаемым правилам.

С Коимброй оказались связанными исторические судьбы страны — именно из Коимбрского университета в правительство пришел профессор экономики Салазар, чтобы стать затем диктатором и затормозить развитие Португалии без малого на полвека. Из Коимбрского университета вышел и политический наследник Салазара — Каэтану, тоже бывший профессор, продолживший курс своего печально известного предшественника. Впрочем, Каэтану недолго стоял у кормила власти — в стране началась революционная изменения. Старый режим затрещал по всем швам и рухнул, а Португалия решительно встала на путь крупных социальных и экономических преобразований.

Все это знают нынешние студенты. Их овеянная легендами Коимбра со свержением салазаровской системы вступила в новую эпоху. Изменяются не только окрестности древнего города (урбанизация), изменяется и сам его дух. Студентам и прежде приходилось бунтовать, они не подавались официальной политической демагогии, но борьба эта была эпизодической, и в конце концов все оставалось прежним.

Теперь же и Коимбра освободилась от салазаровского наследст-

ва». В каждом студенческом кафе висят ныне плакаты и лозунги, свидетельствующие о том, что студенты активно включились в политическую борьбу на стороне прогрессивных сил. Студенты, например, категорически протестуют против возвращения в университет в качестве профессоров членов бывшего правительства. «Мы не хотим иметь преподавателями фашистских реакционеров. Коимбра не место, где они могут безнаказанно доживать свой век», — заявляют они на своих собраниях. В старинном университетском городе веет новый дух, дух революционных изменений.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ», ЧССР



11.

Бейт-Шеан — таково название небольшого городка в долине Иордана. Кроме евреев, здесь с незапамятных времен живут и арабы. Согласно библейской легенде, на воротах этого города одержавшие победу филистинцы повесили тела побежденного царя Саула и его сына в качестве военных трофеев. Недавно там вновь появились подобные «военные трофеи». События, которые произошли в Бейт-Шеане, явились следствием фанатизма, доведенной до предела истерии ненависти, которую сознательно разжигают израильские власти.

Бомба, взорвавшаяся в одном из домов, убила трех человек и несколько ранила. Местная полиция немедленно объявила это трагическое событие делом рук членов палестинской организации сопротивления. В фанатическом исступлении группа жителей города при молчаливом попустительстве полиции немедленно начала осуществлять «ответную акцию». Они поймали нескольких арабов, силой затаскали их в дом, где взорвалась бомба, и выбросили с высоты четвертого этажа на улицу. Озверевшая толпа принялась лynchевать жертвы. Уже мертвых людей били палками, бросали в них камни, жгли, выкалывали глаза... Этого фанатикам показалось мало. Изувеченные тела приволокли на площадь, где облили бензином и по-

12.

«Издатели учебников для колледжей все чаще и чаще вынуждены прибегать к упрощению языка в книгах, чтобы приспособиться к новым явлениям в современной высшей школе — к тому, что сейчас студенты не могут читать на прежнем, традиционном для колледжей уровне», — констатирует газета «Нью-Йорк таймс».

Печально, но это только одно из свидетельств неблагоприятного положения, сложившегося в США с изучением родного языка. В университете штата Висконсин более чем треть претендентов, желающих поступить на факультет журналистики, не отвечала самым минимальным требованиям в знании грамматики, пунктуации и даже использовании слов. В Калифорнийском университете сорок пять процентов вновь принятых студентов должны были пройти специальный коррективный курс английского языка.

Сейчас модно доказывать, что нельзя от молодежи, выросшей в эпоху телевидения, требовать такого же навыка в чтении, как от предыдущих поколений. Кое-кто даже утверждает, что это теперь и не столь важно, поскольку чтение сейчас якобы не нужно для того, чтобы человек был хорошо информирован.

Несомненно одно: наша система образования — и мы сами — пришла к антиязыковой культуре. Молодежь не знает языка, потому что ее не этому учат. Но ведь без языка мы не можем ни учиться, ни думать. Тот, для кого письменность представляет собой глубочайшую тайну, будет считать и мир, в котором мы живем, такой же тайной.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США



Рисунок Андрея НЕКРАСОВА



Рисунок Сергея ТЮННИНА



Рисунок Валерия АШМАНОВА

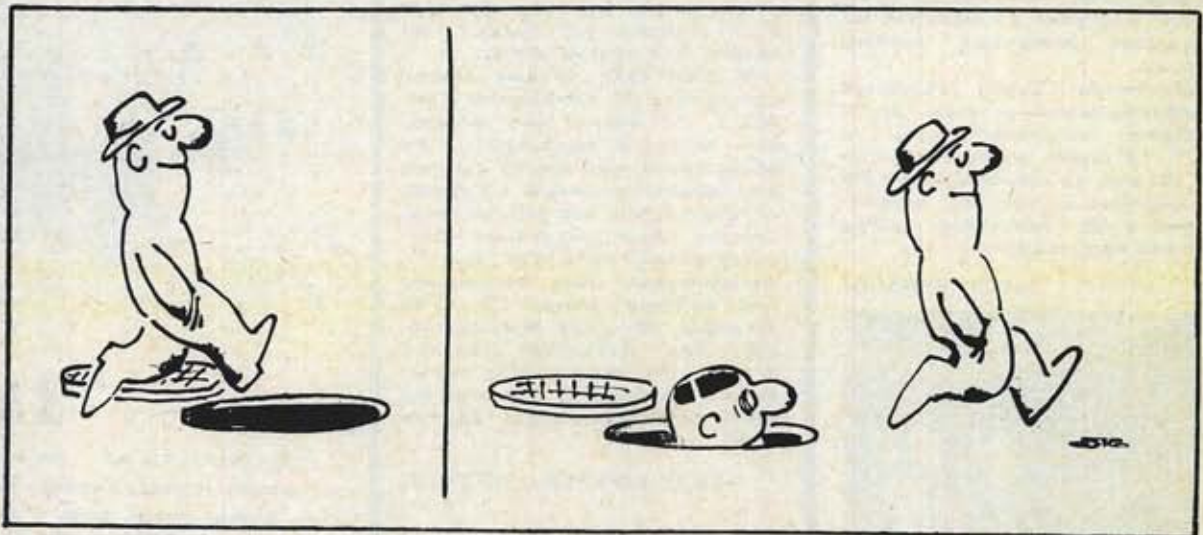
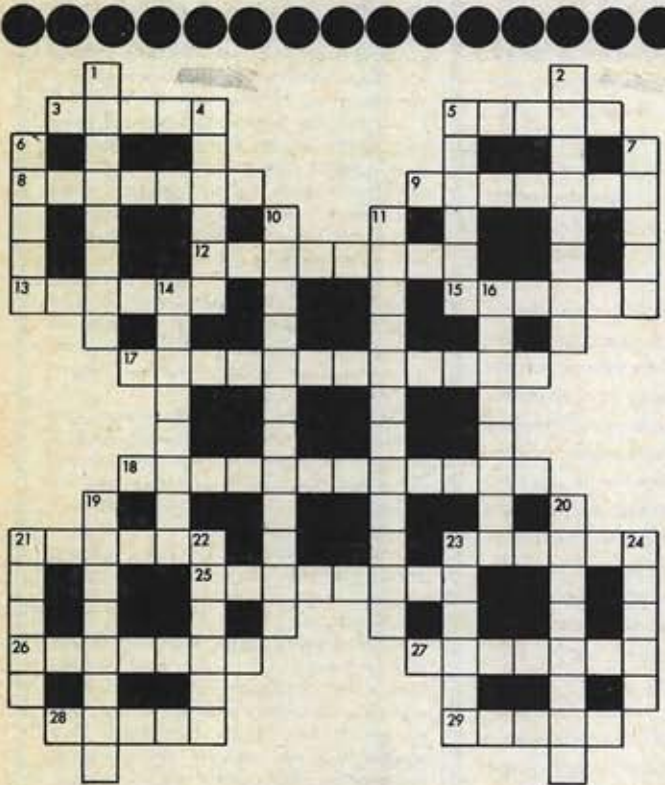


Рисунок Олега ТЕСЛЕРА



Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА



# КРОССВОРД

Составил В. НИКАНДРОВ, г. Дзержинск

По горизонтали:

3. Приток Оби.
5. Картина Н. К. Рериха.
8. Составитель жизнеописаний выдающихся людей.
9. Высота боковой грани пирамиды.
12. Прибор для определения плотности жидкостей.
13. Предписание врача на изготовление лекарства.
15. Ровное пространство вдоль речного русла.
17. Порт на Черном море.
18. Советский живописец.
21. Физик, академик, лауреат Ленинской премии.
23. Русский сокол.
25. Искусство резьбы на драгоценных и цветных камнях.
26. Стихотворение А. С. Пушкина.
27. Представительница основного населения автономной советской республики.
28. Темно-желтая краска для живописи.
29. Областной центр на Украине.

По вертикали:

1. Утолщенная часть стебля некоторых растений.
2. Критический разбор художественного произведения, научного труда.
4. Фигура в гимнастике.
5. Животное семейства кошачьих.
6. Сжатое сообщение о фактах, событиях.
7. Русский зодчий XVI века.
10. Форма глагола.
11. Социалистическая республика в Европе.
14. Доступность для понимания, выполнения.
16. Ценный кормовой злак.
19. Вид инкрустации по дереву.
20. Специалист, готовящийся к научной или педагогической деятельности при вузе или научно-исследовательском институте.
21. Приток реки Лены.
22. Государство в Восточной Африке.
23. Разновидность халцедона.
24. Город в Калининградской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

- По горизонтали: 4. Серафимович. 8. «Ватраки». 9. Игумнов. 11. Вязов. 13. Кипрей. 16. Леонов. 17. Нагульнов. 18. Дневка. 20. Тропот. 21. Жиздра. 22. Пленка. 26. Тернии. 27. Аромат. 28. «Жеребенок». 29. Скачки. 31. Клавир. 32. Киоск. 34. Система. 35. Ударник. 36. Дзержинский.

- По вертикали: 1. Налив. 2. Киловольт. 3. Болнд. 4. Строй. 5. Чемал. 6. Габрово. 7. Соколов. 10. Гимнастерка. 12. Голосование. 14. Вальдшнеп. 15. Подтелков. 19. «Арион». 20. Такса. 23. Окучник. 24. Субботник. 25. Лопакин. 30. Истод. 31. Курай. 32. Кайра. 33. Курсы.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 5/V 1975 г. А 00844. Подписано к печати 27/V 1975 г. Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>4</sub>. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 1275. Заказ № 540. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

# ГОЛОС СЕРДЦА

Слова Юрия КАМЕНЕЦКОГО  
Музыка Кирилла АКИМОВА

Павшие и без вести пропавшие...  
Ветер гулко в стяги бьет склоненные.  
Над лесами синими и пашнями  
Светят звезды, вами оброненные.

На могилы, травами поросшие,  
Ходят и цветы приносят свежие  
Сверстницы, до срока поседевшие,  
Сквозь года любовь свою пронесли.

Утренние зори, ночи лунные  
Караул несут над обелисками.  
Молодые — вы остались юными,  
Навсегда любимыми и близкими.

Новый день плывет морями, реками,  
Нивами шумит, бушует песнями.  
Вся земля слагает этот реквием.  
Память вашу чтут все люди честные.

И колени преклоняет Родина,  
И горит, не гаснет пламя вечное.  
Не напрасно ваши жизни отданы,  
Павшие за счастье человечества.

И минутой молчанья скорбного  
Присягаем сердцем светлой памяти.  
Вечно с нами дорогие воины,  
Павшие и без вести пропавшие...

СЕРДЦАМИ, ПАВШИМИ.

Геннадий ЗЕЙНАЛОВ, главный художественный руководитель  
Московского Дома моделей

# МДМ

В последнее время мода решительно изменила направление: на смену мини-юбкам пришел удлинненный мягкий силуэт. Открытые, «простые» цвета уступают место сложным тонам.

Изменился и сам рисунок ткани. Он стал менее условным, превратившись чуть ли не в сюжетную картинку. Вновь становятся популярными натуральные ткани: шелк, креп-сатин, бархат, панбархат, крепдешин, ситец, сатин. В любом наряде — будь то вечерний или дневной туалет, платье для театра или рабочая одежда — уместна вышивка. В качестве украшения предлагается деревянная и пластмассовая бижутерия: бусы, браслеты, пояса.

Самое острое предложение сезона — жакет и юбка, которая, если вы отправляетесь на вечер, в театр или в гости, должна быть длинной. Мини-мода осталась для очень юных.

Нынешним летом, если вы хотите следовать моде, сшейте себе длинную юбку из набивного ситца, сатина, штапеля, украсьте ее воланами, рюшами либо плиссировкой.

Замечу, однако, что нынешняя мода снисходительна к достижениям своих предшественниц. Поэтому не пренебрегайте старыми туалетами — цветные брюки, яркие шорты, мини-юбку можно взять с собой на юг, в Прибалтику, словом, туда, где вы будете проводить отпуск.

На солнечном пляже хорошо смотрятся и длинный декоративный халат и кофточка-лиф с длинной юбкой, брюками или запахивающейся мини-

юбкой. В знойный день и в прохладный вечер вам пригодится вновь возвратившаяся декоративная шаль с кистями, вышивкой либо набивная, из эластичной ткани.

Таким образом, в границах рекомендаций современной моды можно выбрать летний гардероб по вкусу, не слишком тратясь на новые приобретения.

Если же говорить об общих тенденциях моды, то в разных вариациях «крутятся по кругу» мотивы двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых годов, несколько стилизованные, осовремененные, но вполне узнаваемые.

Девиз нынешней моды — многостильность, многосилуэтность, многоцветность. Популярны все стили: спортивный, романтический, деловой; все силуэты: трапеция, прямой, приталенный, полуприлегающий. Если раньше мы предпочитали коричневые, серые, синие, темно-вишневые тона, а розовый цвет казался нам потрясением основ, то теперь используется вся цветовая гамма.

Мода капризна, она жаждет необычности, хочет резко отличаться от того, что уже было. Поэтому мини стремится превратиться в макси, хотя в принципе мини больше подходит современной женщине, деловой и энергичной. Модельеры же стараются ввести «бунт моды» в рамки, и тогда появляется нечто среднее, например, миди, то есть вариации, в которых существует хотя бы относительная гармония между традиционным и сверхсовременным.



ОДЕЖДА  
ДЛЯ РАБОТЫ  
И ОТДЫХА

